

315
В-74

ЦЕНТРАЛЬНОЕ БЮРО КРАЕВЕДЕНИЯ
ПРИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

9.10.21
В-74

ВОПРОСЫ КРАЕВЕДЕНИЯ

СБОРНИК ДОКЛАДОВ, СДЕ-
ЛАННЫХ НА ВСЕРОССИЙСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ НАУЧНЫХ
ОБЩЕСТВ ПО ИЗУЧЕНИЮ
МЕСТНОГО КРАЯ В МОСКВЕ
В ДЕКАБРЕ 1921 ГОДА СОЗВАН-
НОЙ АКАДЕМИЧЕСКИМ
ЦЕНТРОМ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ВЛ. ВЛ. БОГДАНОВА

НИЖПОЛИГРАФ
1923

513
В-74

ИЗ КНИГ
С. П. Григорова

Григорова

**ЦЕНТРАЛЬНОЕ БЮРО КРАЕВЕДЕНИЯ
ПРИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

902.3
ВУУ

ВОПРОСЫ КРАЕВЕДЕНИЯ

**СБОРНИК ДОКЛАДОВ, СДЕ-
ЛАННЫХ НА ВСЕРОССИЙСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ НАУЧНЫХ
ОБЩЕСТВ ПО ИЗУЧЕНИЮ
МЕСТНОГО КРАЯ В МОСКВЕ
В ДЕКАБРЕ 1921 ГОДА СОЗВАН-
НОЙ АКАДЕМИЧЕСКИМ
ЦЕНТРОМ**

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ВЛ. ВЛ. ВОГДАНОВА

ПРОВЕРЕНО

7

БИБЛИОТЕКА
И. М. С. 2644
Инв. № 2644

**НИЖПОЛИГРАФ
1923**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда в декабре 1921 года, по инициативе Академического Центра Народного Комиссариата по Просвещению, созывалась первая всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края, тогда перед организаторами конференции стояла ясно и определенно одна задача: привести к согласованию и планомерной работе сеть краеведных обществ и учреждений и тем начать новую реальную организацию изучения России.

В результате первой краеведной конференции было организовано Центральное Бюро Краеведения, одной из основных задач которого является та же согласованность и планомерность краеведных работ в России. Будучи очень ясной и определенной по идее, эта задача в то же время очень сложна и трудна по своему конкретному выявлению в жизни. Жизнь давала большие кадры очень преданных и увлеченных работников по изучению края, но вплоть до времени первой конференции не дала ни повода, ни возможности стовориться о самых основных задачах краеведения, на которых и можно было бы строить и согласовывать всероссийскую планомерную работу. Вот почему, при отсутствии к этому времени в России сколько-нибудь содержательной руководящей литературы по краеведению, организаторы первой конференции приложили все старания, чтобы представить на обсуждение конференции более или менее законченный цикл руководящих тем по вопросам краеведения. Тезисы докладов на эти темы вошли в „Дневник“ конференции ¹⁾, разошлись массами по всей России и уже успели сыграть положительную роль в направлении краеведных работ на местах.

В настоящее время 3-я сессия Центрального Бюро Краеведения при Российской Академии Наук признала спешно необходимым все названные доклады собрать и издать под заглавием „Вопросы Краеведения“, так как именно основные вопросы краеведения и составляют содержание этих докладов. Таким образом, сборник „Вопросы Краеведения“ предназначается для краеведов России, как первая ступень к проведению согласованных и планомерных работ. На сколько этому требованию может удовлетворить сборник, покажет ближайшее будущее. Сейчас же можно лишь предвидеть, что положенные в основу сборника „вопросы“, освещенные специалистами, должны стать злободневными вопросами краеведения и сосредоточить около себя всех тех, кто желает и может изучение края поставить на рациональные основы требований науки и жизни. До декабря 1921 года эти вопросы ни разу не были поставлены в такой полноте и с такой определен-

¹⁾ „Дневник Всероссийской Конференции Научных Обществ по изучению местного края“, №№ 1, 2, 3, 4 и 5. М. 1921—22 г.г.

ностью. Конечно, дальнейшая краеведная работа углубит и расширит эту постановку. Но и сейчас необходимо признать, что для краеведа, до сих пор полагавшегося лишь на свои собственные силы и знания, теперь есть на что опереться, есть из чего исходить в вопросах, требующих компетентных указаний и коллективного опыта.

В предлагаемом сборнике не все изложено так, как хотели бы того сами авторы, по чисто техническим условиям составления докладов. Прежде всего, размеры докладов для конференции были ограничены 30-ю минутами на их произнесение, и не всегда удавалось в полчаса развить тему с достаточной полнотой и доказательностью. Далее, большинство этих докладов было записано стенографически, но с большими пропусками и искажениями. Авторам докладов приходилось для сборника лишь перечитать эти стенограммы и, по мере возможности, их выправить. Конечно, в таком виде доклады много теряют сравнительно с их первоначальным содержанием. Наконец, условия печатания не позволили дать авторам время на более обстоятельную разработку их тем, взамен имеющихся стенограмм. Тем не менее Центральное Бюро Краеведения при Российской Академии Наук считает настоятельно необходимым выпустить этот сборник в свет, рассчитывая, что он сыграет свою значительную роль, прежде чем успеют появиться более обстоятельные труды по тем же вопросам.

Вл. Богданов.

Москва.
7 декабря 1922 г.

Задачи краеведения и история краеведения в России.

Велико еще незнание России. Ощущают это все и на каждом шагу, и говорят об этом чуть ли не каждый день. Чем ближе мы подходим к нашим дням, тем громче раздаются требования на местах и в центре безотлагательно изучать Россию во всем разнообразии ее природы и жизни, во всех особенностях ее областей и отдельных районов. Изучение края поставлено сейчас в России, как одна из коренных задач русской науки, русского просвещения и русской экономики.

В виду такой важности краеведения и несмотря на то, что по краеведению в России идет повсеместная работа уже много лет, своевременно и необходимо выяснить задачи краеведения. Понимание их далеко не так просто и не так самоочевидно. Так как задачи краеведения захватывают самые разнообразные области интересов нашей жизни, в том числе—науку, школу, самообразование, хозяйство, общественную деятельность, то задачи делаются очень сложными, и в них не всегда правильно разбираются.

Краеведение, изучение края есть первичный результат науки, и к какой бы области нашей жизни мы ни подошли с краеведными заданиями, мы прежде всего должны проверить и оценить эти задания на достоверных данных науки. Наука же в отношении к краеведению требует определенного логического построения и масштаба работ. Современная наука оперирует большим и малым масштабом: большим—мировым, общим, и малым—областным, частным. Наука задается такими темами, как вселенная и человечество, или: общее землеведение, или: общее народоведение, или: история земли, история культуры, история хозяйства и так далее. Но как бы гениально ни были разработаны эти темы, они еще не дают необходимого ответа на малые вопросы, относящиеся к какому,нибудь ограниченному району, если он не изучен, как, напр., на вопросы: природа такого-то уезда, население уезда, история заселения уезда и т. д. Иногда краеведы делали ту ошибку, что постановку общих вопросов науки применяли к краевому изучению и невольно находили в крае то, чего там не было. Напр., этнологи находили гетеризм у казанских татар конца 19 века или человеческое жертвоприношение у вотяков, географы давали неправильное представление о северно-европейской тундре, как об обязательно-болотистом пространстве, о русской Лапландии, как о стране безлесной, экономисты долгое время и даже еще ко времени постройки Сибирской железной дороги говорили о хозяйственных ресурсах Сибири, как о ничтожной экономической единице, которая не оправдывает затрат на дорогу. Во всех этих случаях лица, подходившие к пониманию отдельного края, при незнании края, были введены в заблуждение слишком общей постановкой вопроса, слишком большим масштабом анализа. Мерить общим, мировым масштабом отдельный

край, небольшой район нецелесообразно: из-за крупных величин не видно мелких единиц. Наоборот, хорошо изученные областным масштабом отдельные районы, сложенные в общую массу, могут и должны дать внушительную, по полноте и достоверности, картину явлений природы и жизни человека. Это особенно поучительно должно сказаться в отношении к России, обширной и сложной стране, для которой делалась уже не одна попытка дать общий ее обзор, в географическом, этнографическом, экономическом, хозяйственном и других отношениях, но незнание России по областям, отсутствие достаточных краеведных материалов делали все эти попытки в лучшем случае бледными и во всяком случае неудовлетворительными.

Краеведные работы, таким образом, имеют и другую положительную сторону: идя от края, от частного, к большой стране, к общему, они произведут в понимании этого общего большие и даже коренные поправки и изменения. Вообще эти работы должны сыграть в науке очень большую роль.

Краеведение, как одно из проявлений научной деятельности, не имеет своих собственных научных методов, потому что наука едина и методы науки едины. Но краеведение принципиально должно исходить, как уже сказано, из изучения небольших величин, доступных достоверному пониманию, и потому для краеведения должны быть поставлены свои определенные задачи, связанные с вышеуказанным принципом изучения небольших величин. Первой такой задачей краеведения является изучение территории края. Все предметы и все явления, замкнутые в границах краевой территории, должны быть последовательно изучены. Нельзя, напр., обобщать характеристику природы Дмитровского уезда Московской губернии, когда изучены всего лишь две—три волости уезда, хотя бы и типичных. Только при сплошном территориальном изучении выявляются естественные границы или переходные полосы предметов и явлений. Только при сплошном территориальном изучении русских говоров, в значительной мере уже исполненном, удастся установить естественные границы говоров, поднаречий и наречий русского народного языка. Так же со временем будут установлены границы отдельных бытовых явлений: материальной культуры, обрядов, обычаев, хозяйственных типов, а также явлений природы, для которых пока лучше всего прослежены границы разного вида почв. Границы всего изучаемого края, конечно, тоже в будущем должны определиться в их естественном, а не искусственном административном построении. Но этого, в настоящий момент, при неизученности областей России, достигнуть в должной мере невозможно. Во-первых, и в будущем, при успехах краеведения, естественные границы края определятся все же, как комбинированные границы: границы явлений растительного царства не будут совпадать с границами явлений животного мира, границы хозяйственных типов с границами племенных групп и т. д. Направляющую и согласующую роль в установлении областной границы края должен будет взять на себя логический синтез краевых явлений, не исключая исторических и политических особенностей края. Но пока это будущее далеко. Сейчас возможно и вполне допустимо пользоваться искусственными границами края: губернии, уезда, волости. Изучение территорий в искусственных границах приведет к должной цели, т. е., когда будут изучены все отдельные районы России, тогда будет изучена и вся Россия.

Конечно, в отдельных случаях возможно стремиться и сейчас к изучению края в его естественных границах, хотя бы приблизительных. Такую попытку делает Областной Музей Московского края, избравший территорией своих работ междуречье между верхней Волгой и Окой, с западной границей по верховьям Днепра. Такую попытку делают краеведы Вологды, намечающие объединение нескольких северных районов в один северный край с центром в Вологде. Такие работы намечали, в силу логической необходимости, все учебники географии России, общеобразовательные обзоры России и отдельные научные трактаты и доклады.

Когда границы изучаемой краевой территории установлены хотя бы и искусственно, тогда определяется и вторая задача краеведения: изучение предметов и явлений на данной территории в их географическом распространении. Территория края могла бы быть изучена вся, по отдельным пятнам, по отдельным кускам, механически, без отношения отдельных пятен и кусков друг к другу. Но важно учесть притягательную силу одного куска территории к другому. Колонизация растений, животных, населения по территории обнаруживает эту притягательную силу. И краевед, с момента изучения того или другого предмета и явления на одном куске территории должен стремиться проследить географическое распространение тех же предметов на соседнем и дальнейших кусках. Конечно, ботанические явления лучше проследит и изучит ботаник, геологические — геолог, этнологические — этнолог и т. д. Этим еще раз наглядно подтверждается уже высказанная выше мысль, что краеведная работа есть работа чисто-научная. Во всяком случае, географическое распространение предметов и явлений по территории, будучи научно обследовано, ведет к большим и ценным результатам. Для примера достаточно указать на колонизацию населения в отдельных районах России: по географическому распространению отдельных говоров теперь уже намечаются довольно определенно колонизационные пути даже для тех мест, для которых отсутствуют исторические документы. Очень сложный вопрос о путях и направлениях заселения Волго-Окского междуречья, вызвавший очень много остроумных теорий и объяснений со стороны наших историков, наглядно освещается не только данными говора, но и недавними этнологическими работами московских ученых по географическому распространению типов костюма, особенно женской паневы, архаического типа, связанного и с древнеславянскими и южно-великорусскими и средне-великорусскими; также по распространению элементов и форм жилища, средств передвижения, народных обычаев и т. д. В отдельных случаях намечаются и, вероятно, при дальнейших исследованиях выявятся более частные колонизационные передвижения: между тверской и московской территориями, московской и подмосковной (степной (тамбово-саратовской) и др. Таким образом, географический принцип, в связи с территориальным, углубляет познание предметов и явлений: уясняет их не только, как существующие в данный момент, но и как обнимающие то или другое пространство, двигавшиеся по тем или другим путям, связанные с тем или другим временем, определяющим их продвижение по территории.

Третьей задачей краеведения является учет предметов и явлений на территории по классифицирующим группам. На территории, напр., Волго-Окского междуречья, краевед, прослеживающий его

великорусское население, точно и определенно устанавливает его неодинаковость и неодносоставность: по говору, по костюму, по физическому типу, по хозяйственному укладу и т. д. Когда вся эта масса великорусского населения расклассифицируется на отдельные более или менее односоставные или, по крайней мере, малосложные группы, окажется, что одна из этих ныне великорусских групп связана определенными бытовыми нитями с мещерой, другая—с новгородскими колонистами, третья—с западно-русской колонизацией и т. д. Сейчас, и уже давно, большой вопрос в науке—славяно-финские отношения. Этот вопрос на территории Волго-Окского междуречья находит для себя большие краеведные материалы, и он уже в значительной мере на них базируется. Раньше этим вопросом больше были заняты языковеды, а теперь к нему приступили этнологи и палеоэтнологи. Раньше этот вопрос ставился и решался в плоскости одних лишь этнических взаимоотношений, а теперь исследователи стремятся проследить и территориальные пути и хронологические эпохи взаимных встреч, вытеснения или мирного сожительства. Конечно, за такой постановкой вопроса следует и новое освещение целого ряда исторических явлений, о которых до сих пор существовали лишь смутные догадки. Когда огромная территория России покроеется такого рода краеведными исследованиями, наука о России обогатится такими знаниями и таким пониманием страны, о которых можно судить лишь по значению самой страны с ее многоплеменным населением; с ее тысячелетней историей, развернувшейся на колоссальных пространствах восточной Европы и Азии, и с ее еще столь мало изученной природой.

Только когда указанные выше три принципа краеведения соблюдены, когда накоплены территориальные материалы, сведения о географическом распространении предметов и явлений и когда они расклассифицированы, тогда можно подходить к конечной цели краеведения—к анализу сложных построений природы и жизни как на территории отдельных районов, так и на территории всей страны. В конечном итоге эти сложные построения природы и сложные построения жизни, как результаты тех или других причин, существовавших в отдельные исторические моменты, либо точно датированные, либо фиксированные относительно, в пределах смены эпох, должны определяться, как исторически сложившиеся, и, наоборот, эволюционная смена форм, предметов и явлений, в научных исследованиях должна занять второе, подчиненное положение. В области природы краеведные работы в этом смысле дадут меньше, чем в области жизни человека, особенно для обобщающих общих вопросов науки о природе. Но в отдельных случаях, и при том нередко, краеведные работы по изучению природы дадут не мало и для истории природы. Наши южно-русские степи, наши южно-великорусские культурно-земледельческие угодья, наши подмосковные ландшафты, наша верхняя и нижняя Волга и многое другое ждут своего историка природы. Пусть краеведы подготовят его приход. В области жизни человека, и притом, говоря о России, на ее территории, сложные построения жизни, будучи научно проанализированы на основании достаточного и хорошо подготовленного краеведного материала, дадут большие и ценные решения не только для частных вопросов, как исторические судьбы отдельных волн великорусской, волго-финской, древней восточно-славянской колонизации, но и для общих вопросов науки о человеке.

напр.: реальные причины и условия бытования анимистических верований, магических культов, культа предков, семейно-родовых организаций, кочевого или земледельческого хозяйства (еще недавно этот спор имел место и не был разрешен для хозяйства киргизских степей), традиционного и долгого переживания форм материальной культуры (костюм, жилище, утварь и т. д.) в одних случаях и легкой замены их в других, и многое другое.

Для всех этих научных достижений важно, чтобы краеведные работы следовали неуклонно общим методам науки. И прежде всего следует предупредить, что хотя наука в своем методологическом построении допускает рабочие гипотезы, теории и самый дедуктивный метод анализа от общего к частному, но в работах краеведных все эти логические приемы допустимы лишь в исключительных случаях и в минимальном размере. Настоящее поле логической деятельности краеведа—наблюдение, классификация, определение, описание и индукция. Ближайшая же цель всей этой деятельности, т. е. для нашего времени, для нашего незнания России, есть наблюдение. В данное время изучать значит наблюдать. Наблюдение конкретно выразится в форме описаний и сбора вещественных материалов, главным образом, музейных, архивных, книжных.

Конечно, понятно нетерпение человека, который, имея много подготовленных материалов, жаждет им подвести итоги, представить интересующие его построения жизни в логическом синтезе имеющихся у него данных. Иногда даже преждевременный логический синтез, не принося никому явного вреда, но и не возвещающая непреложной истины, играет все же и положительную роль: возбуждает интерес, бодрит энергию, укрепляет веру в целесообразность научного труда. Но за кем история оставит пальму первенства в деле служения истины, в этом не может быть сомнения: за краеведами-собираателями. Результаты их краеведной работы, их наблюдения, описания и вещественные предметы, объективны, вечно неизменны и вечно нужны.

До сих пор речь шла о краеведении в науке исключительно. От науки, как сказано в начале этого очерка, краеведение должно подходить и к культурно-просветительным задачам и к общественно-экономическим вопросам. Обе эти сферы деятельности краеведения не лежат в плане настоящего очерка, будучи предоставлены другим авторам. Но, ввиду определено поставленных здесь научных задач краеведения и зависимости от них всех прочих краеведных достижений, необходимо под этим же уклоном основной мысли, ответить хотя бы кратко на выше указанные два пункта в задачах краеведения: в области культурно-просветительной и общественно-экономической.

Первый из этих вопросов сводится по преимуществу к школе и внешкольному просвещению. В области школьного преподавания и жизнью и педагогической мыслью поставлена задача приближения школы к изучению и пониманию края. Если следовать направлению мысли настоящего очерка, задача эта вполне целесообразна и выполнима. Что может и должен дать всякий школьник—наблюдение. Если он не умеет наблюдать, его нужно к этому направить. Поэтому наблюдение предметов и явлений своего края нужно поставить основой всякой школы с краеведной программой. Не все, что в природе и жизни доступно зрению и вообще ощущению, доступно и осознанию школьника. Выбор предметов и явлений для сознательного наблюдения школьника должен быть главной задачей педагога, как регули-

рующего развитие миросозерцания своей школы. Дальнейшие стадии краеведной логической работы, определение, классификация, анализ, еще более должны быть ограничены в программе школьного обучения. Между тем, школа, с краеведной программой, нередко делала ту ошибку, что самодеятельное наблюдение школьника заменяла осведомительными сообщениями педагога об изучаемом крае в классе, или даже, вводя школьника в обстановку природы и жизни, не руководила или неудачно руководила выбором предметов наблюдения. И в том и в другом случае работа школьнику была не под силу. И другую ошибку делала школа, именно тем, что памятники природы и жизни местного края (школьно-краеведный музей) она превращала в педагогический материал, обильно дополненный сравнительным материалом из других областей, т. е. тем, чего нет в своем крае. Логическая работа школьника-наблюдателя сразу путалась в этом сравнительном материале, она не подготавливала его разбираться в классификации своего краевого материала и, таким образом, пресекала ему путь к естественному развитию в школьнике будущего краеведа-исследователя. Есть и еще ряд ошибок, допускаясь школой с краеведной программой, но о них здесь говорить не место. Не мешает лишь остановиться на одной из этих ошибок: на допущении в школе курса природоведения и отечествоведения на одном местном краевом материале. Это есть курс, обзор своего края, беседы о крае. Но никак он не может заменить ни природоведения для вселенной, ни отечествоведения для России в целом. Таким образом, для школы, как и для краеведения вообще, следует выставить основной лозунг: учитесь наблюдать, наблюдайте, описывайте и собирайте предметы.

В области внешкольного просвещения задачи краеведения уже значительно приближаются к научным требованиям вообще, так как предполагается, что внешкольная просветительная работа чужда школьным программам и в значительной мере опирается на самодеятельность и сознательный интерес объектов внешкольного просвещения. Для них также основная задача работы—наблюдение и собирание. Так как среди этих объектов краеведения не мало людей, знакомых с природой и жизнью, особенно среди рабочих и крестьян, но не умеющих сознательно наблюдать, целесообразно выбирать предметы наблюдения, описания и собирания, то задачи внешкольных просветителей-краеведов и должны сводиться к правильному руководительству неподготовленными наблюдателями и собирателями.

В области вопросов общественно-экономических краеведение стало популярно позже, чем в области школьного и внешкольного просвещения. Сначала к этим работам прибегало бывшее земство уездов и губерний России, отчасти и центральные государственные учреждения. Позднее в краеведении стала искать практических знаний кооперация. Оба эти вопроса также лежат вне плана настоящего очерка и разработаны другими авторами. Но и здесь не мешает высказать несколько замечаний в связи с общей постановкой вопроса о задачах краеведения. И бывшее земство, и бывшая кооперация всем существом своих экономических и общественных интересов, обращаясь к изучению края, главным образом, уезда или губернии, обращались к науке, к научному достоверному знанию. Но вместе с тем они, особенно часто земство и менее часто кооперация, опасались, как бы научные исследования и работы не стояли ближе к интересам науки, чем к интересам земства и кооперации. Правда, это было хотя

и недавно, но еще в то время, когда краеведение в России для самой России было только желанной, но неопределенной величиной. Эта боязнь диктатуры науки в делах практической жизни была тогда сплошным недоразумением. Если наука ставит почвенные или геологические исследования губернии или уезда только в научном масштабе и ни в каком ином, то только такая научная работа и нужна была губернскому или уездному земству. Наоборот, без участия голоса науки, при многих хороших, наши земства провели не мало плохо-поставленных научно-исследовательских работ, и теперь их ничем не заменить. Однако, за последние годы, еще перед войной, разные государственные и общественные учреждения все чаще и чаще, для своих практических целей, обращались к деятелям науки без всякого опасения их научной самостоятельности и авторитетности. Теперь же только такое доверие практических деятелей к науке и может принести хорошие результаты. Теперь ни у кого не может быть сомнения, что задачи изучения края тесно связаны с практическими общественно-экономическими вопросами жизни. Поэтому все местные, а также центральные учреждения, заинтересованные в изучении того или другого края, должны ставить программу своих научно-исследовательских работ шире, в более общем масштабе изучения края, чтобы в ближайшем же будущем можно было использовать краеведные научные данные в их естественном состоянии, а не набранные по кускам—одни для одной цели, другие—для другой. В настоящее время мы, к счастью, наблюдаем, что именно так задачи изучения края понимает кооперация, которая еще недавно основывала и поддерживала краевые музеи, местные научно-исследовательские кружки и т. п. Необходимо, чтобы эта связь кооперации, равно местных областных учреждений с краеведением крепла и развивалась.

Успехи краеведения в России не столько существующие—в настоящем, сколько возможные—в будущем, могут быть взвешены, если бросить взгляд на историю русского краеведения. Такая история была бы особенно поучительна, если бы ее разработать, используя для этого все существующие материалы. В настоящем очерке выполнить эту большую работу не только невозможно, но и не нужно. Здесь имеется в виду дать лишь беглый обзор тех общих моментов и ступеней развития, которые прошло русское краеведение. История краеведения в России насчитывает много лет своего существования, если понятие „краеведение“ определять в более широком смысле, не только как специальное изучение края, но и как вообще познание своего края, описание тех или других предметов и явлений в нем, даже сознательное отношение к территории края, нередко патриотизм к своему краю. Можно установить три периода в истории такого, в широком смысле, краеведения в России: 1) древний—от начала русской письменности до эпохи Петра Великого, 2) новый—от Петра до начала реформ Александра II и 3) новейший—от эпохи реформ до настоящего времени.

В древний период жизни России, т. е. до Петра, областная Россия является большим и трудным вопросом нашей истории. Д. И. Багалей эпоху с половины XI до половины XIII столетия по основному признаку этого периода—областному делению Руси, считает областным периодом. Но и до и после этого периода областное расчленение Руси существовало, хотя и в других границах, в другом историческом построении. Это историческое построение разделило

мнения многочисленных русских историков об областном расчленении древней Руси иногда до большого разногласия. Во всяком случае следует сказать, вместе с Д. И. Богалеем, что „идея областного изучения древней Руси, будучи применена к разработке русской истории, оказала ей существенную пользу, значительно подвинула ее вперед“. (Русская история, I, 230). Материалы для этих интересных и важных исторических исследований дали наши древние краеведы: русские летописцы, авторы древне-русской областной литературы, актов, грамот и т. п. Относительно областных летописцев следует указать, что как в древние периоды русской истории эти летописцы были не только областными, но и областниками, с исключительным интересом и даже патриотизмом к своей области, так и в более поздние века, когда уже областная летопись древнего типа значительно уклонилась от задач времени, она все же велась, и не только в 17-м и 18-м столетии, но и в 19-м, и не только для таких областей как Сибирь, но и для таких как Казанская, Нижегородская, Архангельская, Великоустюжская, Вологодская и другие. Что касается другого типа древних краеведов, авторов разных литературных произведений, то им дан интересный обзор (вместе с авторами-летописцами) в курсе истории русской литературы В. А. Келтуяла, ч. I, кн. 1, изд. 2-е, 1913, г. стр. 680—795 („зарождение местных литератур“). Здесь рассмотрены областные литературы: новгородская, смоленская, тульская, черниговская, киевская, ростово-суздальская и галицко-волинская. Научной исследовательской работы в этом направлении предстоит очень много; не только древние, но и средние века русской письменности ждут своих архивных исследователей, которые для областной России должны открыть новые и ценные источники познания.

Петр Великий начал собой и новый период государственной жизни России и новый период бытового уклада русской жизни. Россия была разделена, Указом 1708 г., на восемь губерний, своеобразных по своему областному значению: ингерманландская (впоследствии петербургская), московская, киевская, смоленская, архангельская, казанская, азовская и сибирская. Административное перекраивание России по губерниям продолжалось при Екатерине II и позднее. Как ни искусственны все подобные мероприятия центральной власти, но они сильно отразились на областной жизни России, для них есть также свои исторические, особенно архивные материалы, слабо освещенные в науке, как и весь этот период русской жизни, в областном масштабе.

Новейший период, с эпохи Александра II, влиял в жизнь России новые волны жизни: были освобождены крестьяне, появились земства и городские самоуправления, появились долго-пробывавшие и, наконец, пробывшие волны естественно-исторической науки, по всей России стали учреждаться естественно-исторические и этнографические общества, появилась областная печать, чутко отражавшая именно свою областную жизнь, появились земские обследования: экономические, статистические и другие, стали создаваться местные музеи, правда пока еще далекие от идеала краеведных музеев, появился и в общественной и в научной мысли особый уклон у писателей и исследователей к признанию областного принципа, как основного в государственном и общественном устройстве России. Но все это нахлынувшее широкими потоками, стихийное и неурегулированное, разливалось бесформенными массами по территории России, и отражение

действительной природы и действительной жизни областей России было во всех отношениях бледное и неудовлетворительное. Лишь к началу войны обнаружилась новая особенно сильная тяга к познанию России, и именно областей России. Б. м., годы войны и революции заканчивают собой новейший период краеведных течений в России с Александра II, а м. б. наоборот, начинают, свой, 4-й период,—решить это сейчас, без исторической перспективы, невозможно. Но во всяком случае, последнее десятилетие знаменательно для краеведения. Именно в это десятилетие, войны и революции, выявились особенно остро стремления к познанию края у деятелей школы, кооперации, представителей общественных организаций и науки, и благодаря им же, войне и революции, не могли развернуться все силы и возможности этих стремлений. Были выявлены отдельные и даже многочисленные попытки приступить к изучению края, наладить краеведную организованную работу: организовывались краеведные беседы, съезды (Москва, 1918 г.), составлялись сборники, предпринимались экспедиции, открывались и разворачивались со сказочной быстротой новые музеи, краевые хранилища документов и т. д. И все это обрывалось на полпути или в начале пути, недоделанное, недодуманное. В работнике-краеведе поселялось жестокое разочарование в значительности и ценности того, что он делает. Уже по этим признакам состояния краеведного дела в России, скорее можно было бы придти к выводу, что мы изживаем последние годы новейшего периода русского краеведения, периода больших по размерам, но слабых по силе размахов, и что краеведение находится на перепутье, в преддверии нового направления: научного, планомерного и признанного Россией, как главная основа познания России.

Краеведение и политико-просветительная работа.

Когда мы говорим о внешкольном образовании, перед нами выливаются четыре фигуры: трогательная фигура скромного учителя, фигура агронома, фигура кооператора и затем фигура внешкольника, как особого типа. Когда мы попробуем приглядеться к каждой из этих фигур и посмотреть, какую роль они играли в деятельности, называемой внешкольным образованием, то мы увидим, что все они к внешкольному образованию имели отношение довольно разнообразное и все они для него по-своему были ценны.

В самый интересный момент, момент революционный, когда начали пробуждаться народные силы, когда они открыто выражали свое мнение в резолюциях и постановлениях, столкнулись два внешкольных течения: „чистого“ кооператора, к которому примкнул агроном и „чистого“ внешкольника. Между земским внешкольником и земским кооператором, с которым вместе шел агроном, произошел принципиальный спор, определенно указавший на страшную принципиальную разницу и отсталость методов и приемов внешкольной работы обоих течений.

Земские внешкольные организации до 17-го года считались организациями наиболее правильно поставленными. Земства считали, что народ нужно „просвещать“. Этому в противовес выставлялся резон кооператоров и наиболее ярких внешкольников-агрономов, которые говорили, что народ нужно „просвещать“, исходя из его собственных нужд. Однако, все внешкольные группировки говорили собственно о каком-то неведомом народе, которого никто как следует не знал, а „просветить“ желал. С 1917 г. внешкольное дело было поставлено на широкую „демократическую“ ногу. К внешкольному делу были привлечены широкие кооперативные круги. Мы увидели, что внешкольному делу стало уделяться внимания больше и что оно могло пойти по очень широкой дороге. Сделалось ли это так? Оказывается, большинство внешкольников-кооператоров стало применять старые принципы дореволюционного времени, подходя к народу с точки зрения „просветительной“, с точки зрения сообщения ему того материала, тех знаний, которые не были тесно связаны с жизнью самого народа.

Октябрьская революция выдвинула совершенно иные принципы. Коснувшись внешкольного дела, она определенно сказала, что вести внешкольную работу, так сказать, вне времени и пространства, не годится, что это совсем оторванная и ненужная работа. И впервые был поставлен вопрос перед внешкольниками—вести работу таким путем, чтобы она была крепко связана с местом, где проживает данное население, с интересами, которые оно переживает в данный момент, и с предпосылками, которые выдвинула Октябрьская революция.

Это маленькое вступление пришлось мне сделать для того, чтобы показать вам, что если стоят перед нами во внешкольном деле задачи о необходимой связи с местами и условиями данного населения, то эти же задачи возникают и перед настоящей конференцией.

В 1917 году, на ряду с другими обществами и организациями, поднялись довольно высоко и общества по изучению местного края. Некоторые из них с нашей точки зрения являются первыми и лучшими внешкольными организациями, и мы думаем, что если подходить к изучению края с точки зрения изучения данной территории, с точки зрения изучения задач и интересов, стоящих перед данным краем, то это и будет нашим приемом, нашей работой. Но не все краеведческие общества подходили к внешкольной работе,—на которую они часто были вызываемы положением вещей,—не все подходили так, как желали бы этого мы. Они часто подходили, все-таки, по-интеллигентски, поучали население, а не втягивали его в работу самообразования, в исследование своего района. В этом есть разница работы некоторых краеведческих обществ с теми приемами, которые мы считаем правильными и наиболее желательными во внешкольной работе.

Я знаю несколько краеведческих научных обществ, которые поняли это. Правда, таких обществ мы знаем очень немного, но некоторые из них, мне лично известные, делают попытку связаться с населением. Получается выгодное положение. С одной стороны научные силы, обладающие определенным знанием данного края, с другой стороны живые люди, взятые просто от станка или от земли, дающие обоюдные ценные сведения о том, как можно было бы использовать тот или другой опыт, то или иное знание и применить его к нашей повседневной, постоянной жизни. Мы думаем, что отграничение от населения, существующее в некоторых научных обществах, отграничение от интересов его во имя „науки“ является громадной ошибкой. Наиболее живым обществом будет такое, которое широко открывает свои двери и не только оставляет их открытыми, сказав, что, „кто хочет, может войти“, но и озаботится вовлечением сюда широких слоев населения и заставит его работать в качестве активного члена этого общества. Нам рисуется, что здесь перед обществом, на ряду с другими задачами, стоит и задача чисто пропагандистского характера. Вспомним слова проф. Чернова, который заявил, что для поездки в Москву на настоящий съезд, одному из представителей данного края надо было устроить публичную лекцию, суметь заинтересовать поставленными здесь вопросами население, устроить какой-то сбор, т. е. опереться на то же самое население, для которого и существует общество.

Это в высшей степени показательно и интересно. Здесь присутствует один товарищ из Рыбинска, который заявил, что его не отпустили сюда потому, что отношение и населения, и местных властей к нашему съезду было в высшей степени отрицательно, как и вообще ко всей краеведческой работе. Виновато в этом само краеведческое общество, ему надо было популяризовать себя среди населения настолько, чтобы не стоял вопрос о ненужности общества. Надо было поставить дело так, чтобы без этого общества не решался ни один вопрос, тесно связанный с нашей жизнью. Так поставлено сейчас „Научное общество по изучению местного края“, напр., в Костроме. Мы думаем, что здесь популяризация задач общества, популяризация деятельности этого общества должна идти обычным, известным вам всем, порядком,—путем устройства лекций, собеседований, докладов,

курсов, выставок очередного характера, путем устройства „недель“ или „дней“ краеведения. Еще более удачным способом популяризации деятельности и задач краеведения мы считаем устройство открытых краеведческих собраний в людных местах, где часто собирается население; устройством напр. открытых заседаний в различных обществах, фабрично-заводских клубах, где, наряду с другими вопросами, проходящими перед данным собранием, возникали бы впервые и вопросы краеведения, до сих пор так далекие населению. Самый устав общества должен быть построен так, чтобы членами его были не только люди, работающие по краеведению, люди научно-мыслящие, но и люди взятые от земли и от станка, которые своим природным умом могли бы быть полезны данному обществу. Этот постоянный обмен серьезных научных сил с людьми опыта и дела, постоянное общение с силами сырыми и необработанными принесло бы громадную пользу и обществу, и дало бы ему широкую возможность развернуться и стать на верную дорогу. Наша политико-просветительная работа сейчас пошла, примерно, по этому пути. Если прежде, в земские времена, существовали так называемые центры по внешкольному образованию, существовали различные внешкольные ячейки, внешкольные объединения, то и сейчас мы пошли в нашем внешкольном деле по этому же пути. Самая маленькая внешкольная ячейка есть клуб, изба-читальня. Клубы объединяются в определенные районы. Эти районы объединяются уездными, а затем губернскими организациями, и таким образом получается по России целая сеть строго организованных внешкольных учреждений. Сам по себе клуб есть учреждение свободное, дающее возможность населению влиться в него по собственному желанию. Он не является принудительной организацией определенного количества людей. Это не есть организация, близко связанная, например, со школой или похожая на нее. Наоборот, это организация, довольно резко отличающаяся от школы. Именно необязательность участия в клубе, необязательность ежедневного посещения, необязательность „прохождения“ в нем тех или иных вопросов, которые он себе ставит, делает его наиболее привлекательным. Мне кажется, что в этих довольно свободных учреждениях могла бы найти себе место работа по изучению данного района, по краеведению. Мне кажется, что если бы в этих клубах были организованы краеведческие ячейки самого малого типа, самого скромного вида, то это могло бы в конце-концов отвечать мысли, поставленной одним из предыдущих ораторов, который сказал, что, просматривая программу настоящего съезда, он видел поставленным здесь вопрос о нормальном уставе общества, но не видел вопроса о том, как строить краеведческие организации и краеведческую работу на всей территории России. Мои слова, может быть, до некоторой степени являются ответом на этот вопрос. Маленькие скромные ячейки в этих внешкольных клубах, разбросанные по территории России, могли бы быть маленькими опорными пунктами краеведения. Мне кажется, что представители маленьких клубных ячеек, затем объединенных в районы, могли бы быть членами уездного и губернского краеведческого объединения и представляли бы из себя большую и довольно солидную силу, на которую можно было бы опираться научной силе краеведческих обществ. Здесь для вовлечения населения в работу краеведения важно, чтобы членами краеведческого общества были и отдельные лица данных ячеек, и чтобы ячейка целиком входила в уездные или губернские об-ва кра-

ведения. Тогда можно было бы рассчитывать на то, что краеведные общества имели бы щупальцы по всей территории и вовлекали бы в работу население, исполняя таким образом задачу культурно-просветительную.

Что касается вопроса о том, что ждет Политпросвет от краеведных обществ, я должен сказать, что Политпросветы ждут прежде всего собирания различных материалов, которые имеются по отдельным местам нашей Российской территории; собирания этих материалов и обобщения их, систематизации их, в расчете на то, что будет известное составление сборников по географии, истории, экономике края; составления программ и планов для ознакомления с краем экскурсионным путем, составления библиографии края и, наконец, выделения из своей среды отдельных лиц, которые, с нашей точки зрения, могли бы быть использованы, как краеведы-внешкольники. Ведь мы черпаем силы для внешкольной работы из состава краеведов. Только краевед может быть хорошим внешкольником. Если же внешкольник не краевед, то с нашей точки зрения он плохой внешкольник, и мы думаем, что мы получили бы много от краеведных обществ, если бы они выдвинули даровитых внешкольников, знающих край и желающих вести внешкольную работу. Это было бы то, что мы ждем от краеведных учреждений и от вас. Программа настоящего собрания предусматривает вопрос об устройстве курсов и конференций, на которых, мне кажется, должны постоянно стоять вопросы внешкольного дела, так как вся работа краеведного характера довольно тесно связана с внешкольной работой. За последнее время начали было отходить от нас старые опытные внешкольники, испугавшись названия „Политпросвещение“. В настоящее время мы, однако, наблюдаем, что они сознали свою ошибку, убедившись, что внешкольная работа должна идти по методу, предусмотренному Октябрьской революцией.

Краеведение и народное хозяйство.

В кругу тех областей, которых касается и должно охватывать краеведение, народное хозяйство занимает несколько обособленное место. Эта обособленность выражается, главным образом, в том, что народное хозяйство ставит краеведению, кроме чисто исследовательских, еще и практические задачи. Не случайно, что краеведение развилось в России особенно за последние годы. Не случайно, что движение, стремящееся к всестороннему познанию страны, возникло именно теперь, в годы разрухи, в годы, когда хозяйственный народный организм испытал особенно большие потрясения. Это есть своего рода реакция народного организма на разруху и экономическое расстройство. Нужно что-то восстанавливать, нужно направлять пошатнувшееся строение. Для того, чтобы это сделать, надо прежде всего осмотреться. Нужно изучить то, что находится вокруг, нужно наметить новые пути и немедленно приступить к их осуществлению. Такова та практическая задача, которую народное хозяйство ставит краеведению. И эта задача, все равно, будет ли она высказана, или она будет только сквозить в различного рода проектах и пожеланиях, все равно она присутствует везде. И с этой точки зрения народное хозяйство и его связь с краеведением приобретают особое значение.

В одной из брошюр, посвященных краеведению, которая исходит из кругов наиболее причастных к хозяйственной жизни—из кооперативных, мы читаем следующее: „изучение своего края помогает восстановлению народного богатства, помогает найти путь к лучшему будущему“. Вот формулировка той задачи, которая несомненно должна проводиться в краеведении. С этой точки зрения я и попробую подойти к вопросу.

Прежде всего нужно остановиться на том, что из всех областей знания и изучения народное хозяйство представляет, может быть, область с одной стороны наиболее разветвленную и сложную, а с другой стороны требующую быстроты в изучении и, соответственно с этим изучением, принятия каких-то неотложных практических мер. Что касается первой половины—сложности и разветвленности, то нужно установить следующий факт, что, несмотря на эту сложность и разветвленность, народное хозяйство является все же зависимым, прежде всего от условий физико-географических. Только при тщательном изучении этих последних, возможно составить себе правильное представление о ходе развития народного хозяйства и о тех возможностях, которых это развитие должно коснуться в будущем. В этом случае краеведение должно сыграть очень важную роль. Здесь говорилось уже о том, что в исследовании тех или других естественных условий должен играть роль элемент, к которому применимо

название микроэлемента, напр., микроклимат и другие. Эти мелкие изучения, мелкие детали и собирание их в одну картину поможет, конечно, уяснить и общее направление народной хозяйственной жизни. Но, с другой стороны, собирание этих данных, построение одной такой общей картины требует для себя продолжительного периода времени. Все мы прекрасно понимаем, что для изучения такой огромной страны, как наша, требуется очень большое время, что необходимо разбить ее на мелкие районы и что это изучение, кроме того, потребует огромного количества сил, которыми в данное время мы не располагаем, да и в будущем не так скоро будем располагать. А между тем задача, которую намечает весь ход жизни страны, задача восстановления прогрессивного развития народного хозяйства—эта задача действительно неотложна. Как же выйти из такого положения? Как нужно изучать, для того, чтобы это изучение принесло свои плоды в возможно близком будущем, чтобы оно было наиболее осязательным и реальным? Если мы установим деление на районы,—какие они будут, это не столь важный вопрос, потому что это деление устанавливается на местах,—то перед нами возникает такой вопрос: что нужно изучать? На это можно ответить, что изучать нужно прежде всего те формы и виды хозяйственной деятельности, которые существуют в настоящее время, и изучать их можно, конечно, с разных точек зрения. Изучать их нужно непременно в связи со всеми физико-географическими элементами, но изучение их нужно приспособить к двум основным принципам. Эти принципы я охарактеризовал бы таким образом: один я назвал бы горизонтальным распределением этих форм и элементов. Это горизонтальное распределение есть в сущности территориальное распределение, по территориям данного района, тех или иных хозяйственных форм. Возьмем земледелие. Конечно, там существует много различных форм, подлежащих тому или другому изучению. Существует землепользование, системы земледелия, различные орудия производства; существуют, наконец, те или другие формы, которые только теперь вводятся, напр., травосеяние. Существует известное соотношение между количеством луговой площади, пастбищем, количеством скота и т. п. Если изучить распространение всех этих форм в данном районе, то, наконец, мы придем к очень простой схеме, именно к карте, на которой мы можем нанести все пространственные распределения. Это распределение я называю горизонтальным. Кроме того, существует распределение, которое я позволил бы себе, в отличие от такого территориального распространения, назвать вертикальным распределением тех или других элементов. Если мы возьмем то же самое земледелие, то мы можем отметить, напр., такие данные, как посев тех или иных хлебов, а с другой стороны и данные более случайного характера, как, напр., урожайность. Площадь посевов хлебов меняется сравнительно очень мало, но урожайность, мы знаем на горьком опыте, меняется очень резко. И вот такая урожайность, тоже конечно, должна подлежать исследованию, должна подлежать сравнению, и на основании данных сравнения должно быть выведено то или другое заключение, которого ожидает страна, для того, чтобы что-то сделать, предпринять и т. д. Я взял в пример земледелие. Но, конечно, то же самое применимо и к другим видам хозяйственной деятельности, охватывает точно так же кустарные промыслы, промышленность, пути сообщения, торговлю, одним словом, все виды хозяйства.

Но прежде, чем заняться таким изучением и распределением хозяйственных форм, нужно сделать еще одну вводную работу. Эта работа—простая регистрация и описание всех этих разнообразных форм народного хозяйства.

И это именно и есть та работа, которую в первую очередь могут выполнить местные организации, работающие над изучением данного края. Эта работа заключается просто в том, чтобы собрать сведения о нахождении и распределении в данном районе, в данной области тех или других хозяйственных форм. Эти сведения кажутся на первый взгляд очень простыми и даже, как будто, не особо важными. Допустим, в таком-то районе существует несколько фабрик. Эти фабрики обслуживаются известным количеством рабочих, получают известное количество сырья из определенных районов и выпускают известное количество обработанных продуктов. Но тот, кому приходилось заниматься каким-нибудь вопросом из области экономической географии и рыться в различных статистических справочниках, собирая необходимые данные, тот знает, что очень часто как раз самых насущных данных и не находится. Обычно принято считать, что это дело статистики. Совершенно верно: все это относится к области ведения статистики, но самая-то статистика должна быть под контролем некоторого направляющего органа, а статистические учреждения работать в контакте с другими учреждениями или организациями, дающими ей известные задания и известные направления в ее работе. Вот здесь-то местные общества краеведения могли бы сыграть очень большую роль. Например, существуют такие данные, такие роды этих данных, на которые мы ни в каких статистических отчетах, ни в каких ежегодниках не находим ответов, просто потому, что эти данные даже и не могут быть добыты путем обычных статистических вопросов. Таковы вопросы о распределении населения данного района по роду занятий, о среднем бюджете этого населения. Ответить на эти вопросы путем собирания данных обычным статистическим путем трудно. Между тем местное общество могло бы произвести целый ряд обследований, сравнительно несложных, по этим вопросам. Можно было бы дать очень ценные данные, хотя бы это были и не массовые наблюдения и не массовые исследования, и все-таки они могли бы до известной степени осветить жизнь своего района в этом как раз отношении.

Кроме регистрации, кроме описания отдельных хозяйственных форм, кроме постановки отдельных вопросов, которые имеют большое значение для народного хозяйства в целом, существует еще целый ряд задач, которые точно также могли бы быть наиболее хорошо и отчетливо выполнены как раз местными организациями. Например, характер тех или иных промыслов, их распространение. Характер и значение полевых культур тоже может составить задачу краеведческих организаций. Мы очень часто слышим суждения, что наша земледельческая культура неподвижна, что она неспособна воспринимать новые веяния, что наш народ сам по себе достаточно инертен даже в том, что касается его прямого и основного занятия—земледелия. Между тем иногда это бывает основано частью на недоразумении, а частью на плохом знании вообще.

Чтобы высказаться по этому поводу совершенно точно и определенно, нужна большая подготовительная работа. Иногда некоторые формы земледелия, может быть и хорошие сами по себе, у нас не всегда могут быть приняты, просто потому, что существуют какие-то

микропричины, которые мешают проникнуть этим формам. И вот в данном случае исследование и изучение этих явлений, имеющих часто связь с физико-географическими элементами, конечно, чрезвычайно ценно, и точно также может быть предметом изучения со стороны краеведческих организаций.

Теперь второй вопрос—как производить такие обследования? Конечно, это вопрос чрезвычайно сложный. Мы знаем, что детальное изучение физико-географических условий уже само по себе требует продолжительного времени и значительных средств. А здесь задача еще шире. Нужно, следовательно, ввести какую-то поправку. Поправка эта заключается в том, что нужно стремиться в возможно кратчайший срок дать хотя бы грубый и приблизительный, хотя бы схематичный абрис общей картины жизни данного района, откладывая все подробности и оттенки на будущее, в надежде, что когда-нибудь итоги отдельных работ по изучению районов будут сведены в одно целое и дадут ясную и отчетливую картину. Пока же приходится довольствоваться и приблизительным чертежом, так как в области народного хозяйства он нужен нам теперь-же, завтра, послезавтра, и нам надо с ними очень и очень торопиться.

Поэтому будет лучше, если мы теперь же получим, хотя, может быть, не совсем точную в деталях, но все таки общую картину, которая будет служить руководством для практической деятельности.

Но, чтобы нарисовать даже такую картину, необходима программа, выработанная совместно всеми организациями, работающими по краеведению. И если не на теперешнем съезде, то на одном из совещаний краеведческих организаций необходимо было бы поставить задачей для именно выработку таких программ, которые могут быть применены на местах для работы по исследованию народного хозяйства. У нас теперь много программ, но они возникают стихийно, в разных местах; часто программы эти более или менее однородные, но при этом никогда не бывает полной уверенности, что эта программа есть наилучшая и что все эти программы более или менее сходны. Поэтому сделать сводку таких программ является неотложною задачей.

В этой программе-минимуме могли бы найти себе место и вопросы, что исследовать, как классифицировать по известным рубрикам те или другие явления; объяснения, как исследовать, и объяснения, что и как из данных, полученных при исследовании, нужно суммировать и как с этими суммированными результатами поступать дальше. Нужно сказать, что у нас уже сейчас произведено много различных краеведческих исследований. Материал продолжает поступать, но это все—сырой материал. В других отраслях, не имеющих практического значения, эти сырые материалы могут храниться долгое время. Они могут ждать того момента, когда кто-нибудь их обработает и они найдут свое применение. Но в области народного хозяйства такое накопление сырых материалов невозможно, просто потому, что эти сырые материалы стареют с чрезвычайной быстротой. И если мы не приложим всех усилий, чтобы исследовать народное хозяйство и выделить из этих исследований добытых в настоящее время результатов тоже в скорое время, то эти сырые материалы останутся мертвыми. Для примера приведу всероссийскую перепись 97 года, которая до сих пор еще не обработана. Жизнь ушла слишком далеко вперед, и когда мы хотим дать отчет себе о народном хозяйстве, то мы не можем руководиться этими данными. Эта перепись стала уже историей.

но и те материалы, которые были опубликованы 10—12 лет тому назад, тоже устарели.

Кроме практической задачи выработки такой общей и краткой программы, второй задачей является установление связи между статистикой и краеведами. Это соотношение могло бы быть, конечно, установлено, если не на теперешнем съезде, то в ближайшем будущем одной из центральных краеведческих организаций в такой форме, что при производстве тех или других статистических опросов, анкет и т. д. следует предварительно запросить у местных обществ краеведения о тех сведениях, которые общество краеведения находит нужным собрать, и затем включить их в рассылаемые листы и анкеты. Конечно, как это всегда бывает, и по этим анкетам не получится достаточных данных, чтобы составить точную картину; но некоторые результаты будут, собранные данные могут быть на месте обработаны теми же обществами краеведения и могут дать осязательные результаты. Это второй вопрос, который должен быть решен по отношению краеведения и народного хозяйства.

Наконец, последняя задача, которая стоит перед краеведением в области народного хозяйства, это—задача показательно просветительная. Задача эта может выражаться в том, что все данные, которые собираются в том или другом учреждении, в том или другом кружке, должны тут же на местах обрабатываться и должны представляться в виде соответствующих схем, карт, диаграмм и затем, сейчас же пускаться в общий обиход. Обиход может быть различного рода. Обиход местный, т. е. музейно-показательный, когда диаграммы, картограммы и т. п. могут выставляться в соответствующих местных учреждениях. Или это может быть обиход более общего характера. Так как несомненно, что все краеведческие организации нуждаются в объединяющем центре, регулирующем центральном органе, то этот орган рано или поздно будет создан и в таком случае этот центральный орган мог бы выпускать периодические сборники, периодические отчеты, посвященные именно как раз обзору народного хозяйства. Я думаю, что из совокупности если не решений, то во всяком случае настоятельных попыток решений изложенных задач, могло бы быть создано нечто реальное и практическое. А при наличии интереса и любви к делу, проявленных всеми лицами, посвящающими свою деятельность краеведению, можно было верить если не в очень скорое, то во всяком случае неизбежное возрождение России.

Искусство и краеведение.

Прежде чем приступить к докладу, мне хотелось бы в настоящем собрании сказать несколько вводных слов, относительно той огромной задачи, без разрешения которой немислимо и разрешение частных задач, помеченных в тезисах моего доклада¹⁾. Нужно отметить колоссальный сдвиг, произведенный революцией в жизни нашей страны, сдвиг, который в настоящее время, быть может, не чувствуется так, как он почувствуется после, в ближайшие и более отдаленные годы. Этот сдвиг ломает старое в области не столько материальной, сколько духовной культуры. Несомненно, что мы в настоящее время находимся на очень острой грани. В настоящее время мы чувствуем определенно всем своим существом тот гигантский культурный и, главным образом, духовно-культурный перелом, который в настоящее время происходит и в рамках которого мы испытываем, может быть, почти небывалые до сих пор муки и, может быть, небывалые до сих пор предощущения и ожидания....

Несомненно, что этот перелом мы больше ощущаем, чем знаем. Ясно, что в области духовной культуры и культуры материальной и в частности в области художественной культуры многое из того, что еще живет в настоящее время, существует как-то весьма случайно, становится в значительной степени нереальным. И в то же самое время то нереальное, что как будто носится в воздухе, что как будто только предощущается нами, как некое видение, настойчиво стучится в двери. Но пока мы это обычно не можем схватить, пока не можем достаточно это осознать, чтобы, осознавая, так или иначе проводить в жизнь. В области нашей художественной культуры мы переживаем несомненно великий перелом и великую трагедию. И об этой трагедии ярко говорит ряд крупных явлений, наблюдаемых в настоящее время в окружающей нашей жизни. Первое явление, которое очевидно не только каждому исследователю искусства, но и каждому практическому работнику в области искусства,—и до революции и во время ее это—растущая жажда искусства. Эта стихийная жажда искусства охватила не столько интеллигенцию, сколько самые низы народные, и городские, и деревенские. Всякий беспристрастный наблюдатель и в городе и в деревне это великолепно знает. Так обстоит напр. в области театра, или, скажем, в такого рода искусстве, которое ныне принимает испорченно-карикатурные формы,—например в области танцев, которые сейчас каким-то стихийным вихрем захватывают современную молодежь и даже не только молодежь. То же самое мы наблюдаем в области украшения быта в низах, как городских,

¹⁾ Тезисы доклада А. В. Бакушинского напечатаны в „Дневнике Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края“, № 2, стр. 22. *Ред.*

так и деревенских. Мы знаем, как крестьянство не только подмосковное, но и других более глухих деревень, если только они не захвачены таким стихийным бедствием, как современный голод, определенно реагирует на это и старается повысить художественный уровень домашней обстановки и перестроить ее по новому. Безусловно то, что мы видим сейчас, мы пока только регистрируем, и регистрируем по существу, не зная ни размеров этого факта, ни материала, направления и характера всех этих, несомненно, существующих и стихийно растущих потребностей. В области изобразительного искусства нам, деятелям центра, это особенно хорошо известно. Мы знаем, как, начиная с ранней весны и до поздней осени и даже зимой, экскурсии из провинции не только культурных групп—учителей, внешкольников, но и просто крестьян и рабочих заливают нас сплошным потоком, как музеи наши чрезвычайно перегружаются именно приезжим человеческим материалом и как раз из низов крестьянских или рабочих. Но мы не знаем сущности этого факта. Мы не в состоянии пока так или иначе определить его размеры, его природу и наши обязанности к нему. Но ясно для нас безусловно, что знать этот факт нужно, прежде всего для установления правильного обмена веществ, я бы сказал, в общественном организме. Ясно, что только тогда возможна наличность подлинной художественной культуры, такой, где правильно установлен обмен между художественным потребителем и художественным производителем,—правильный обмен между потребностями народной массы в том или другом виде искусства, в тех или других проявлениях искусства и затем теми аппаратами, которые производят данный объект искусства. Но для этого нужно принять, может быть, чрезвычайно экстренные, не терпящие никаких отлагательств, меры против тех антихудожественных фактов и влияний, которые портили вкус низов, и городских, и деревенских, суррогатами и всякими ядами и отбросами городской культуры. Со всем этим необходима борьба для утверждения основ новой, несомненно, послереволюционной художественной культуры. Что касается того, что мы знаем относительно происходящего в глубинах народной жизни, то это или очень тревожно, или трагично. Мне хотелось бы остановиться на нескольких фактах, подтверждающих это мое утверждение. Прежде всего мы наблюдаем определенно резкий отход народной массы от собственной художественной культуры. Этот факт несомненный для всякого не только беспристрастного, но и, может быть, для страстного в положительном смысле этого слова наблюдателя. Уход народа от своей народной культуры, от так называемых проявлений народного художественного творчества,—факт конечно и тревожный и трагический. В качестве иллюстрации приведу следующее. Каждый из нас, поживший в глубинах современной России, знает, как необыкновенно легко приобретать, например, у крестьян остатки прежнего их художественного быта: костюмы, посуду. Все это охотно сбывается, променивается на продукты городской культуры, обычно очень дешевого качества, которые не стоят, конечно, тех шедевров народного искусства, какие лежали и лежат еще до сих пор в сундуках любой деревенской бабы. Это наблюдается во всех областях искусства, не только изобразительного, но и того искусства, о котором, вероятно, будет говорить Б. В. Красин,—народного искусства музыкального. Мы прекрасно знаем, как сейчас народная песня заменяется каким нибудь скверным, испорченным и пошлым романсом, как народные

музыкальные инструменты заменяются граммофонами, которые вы увидите теперь в безконечном количестве не только в подмосковных деревнях, но и в глубине России. Затем мы наблюдаем другой факт чрезвычайной важности, который также вытекает из предыдущего—это уход от коллективного народного искусства к искусству индивидуальному, к городскому. И влияние этого индивидуального городского искусства, плохого или хорошего,—чаще всего плохого—становится чрезвычайно сильным на народные массы. Затем рядом с этим наблюдается уход от условного стиля, в котором выдержаны все произведения народного искусства,—не только избирательного—к стилю реалистическому, к реализму.

И это явление несомненно, если не трагическое, то во всяком случае очень тревожное, так как всякий уход от стиля выразительного к стилю натуралистическому есть факт, характеризующий какой-то уход от подлинных задач искусства и связанного с ними действительно художественного мировоззрения, обусловленного примитивным, народным мироощущением. Но еще хуже по перспективам то обмеление, опошление народного вкуса, которое сейчас наблюдается в связи с проникновением в народную массу городской дешевки и разнообразных городских суррогатов. А в связи с этим в течение последних лет даже там, где не было разрушений и истребления в связи с волнами революции и гражданской войны, наблюдается какое-то катастрофическое исчезновение и гибель памятников старины и народной художественной культуры. Все это просто исчезает или разрушается временем. По существу я говорю о массе тех художественных памятников, которые никто не бережет, с которыми обращаются крайне легкомысленно, даже не пытаются сохранить. И характерно наблюдаемое в этом отношении трагическое противоречие между психикой верхов и низов. Наши культурные верхи, как и верхи европейские, культурные, частью сознательно, частью бессознательно, но ясно обращают свои взоры назад, к истокам культуры, пытаются проникнуть в глубину художественно творческого прозрения народной, примитивной души и из нее почерпнуть новые силы и вдохновение. Этим объясняется „культурный“ интерес к проявлениям народного искусства. Мы пытаемся упиться этим искусством, возводим его на пьедестал, нередко с большим увлечением до самообмана. Но, с другой стороны, народные низы уже ушли или уходят от примитива, как я уж вам говорил. И вот этим, уходящим от примитива, низам (хорошо или плохо это—это разговор другой) что же им предлагается. Им предлагается или обращать свои взоры назад к былому искусству, или к искусству новому, современному, но стилизирующему тоже народное творчество. Отсюда возникают такие явления, как талантливые Бартрамовские игрушки, яркая и интересная стилизация „в народном духе“ у Васнецова, Врубеля, Серова, Поленовой. У художников—кустарей, связанных с Бартрамовской мастерской, проявляется уже чисто народный инстинкт. Но как реагирует на такую стилизацию кустарь, который производит отнюдь не для потребителей из народа, а для нашего интеллигентного или заграничного потребителя? Никогда кустарь, который производит вам по народным рисункам тем или иным образцам ту или другую вещь, не украшает ею своего жилища. Это очень характерно, и всякий наблюдатель вам это скажет. Чем угодно он украсит свое жилище, но только не этими продуктами своего производства. Вместо этих quasi народных рисунков, даже вместо

подлинного лубка он украсить свое жилище ныне какими-нибудь отвратительными выпилками, вместо, скажем, вышивки по рисункам Врубеля или Васнецова, которые он имеет, или по тем образцам которые остались и переданы ему по наследству глубокой традицией веков,—он воспользуется рисунками с Брокарковского мыла и по ним вышьет полотенце. По ронету украсит оконца своей избы. Кустарю, народному мастеру, народное творчество уже непонятно: кустарь от него ушел. Таким образом, стилизация народного искусства ничего не дает, а может быть многое тормозит в нормальном развитии художественного вкуса массы. Что касается искусства не стилизирующего,—искусства, которое известно под наименованием „молодого“ современного искусства, идущего через футуризм в его разнообразных проявлениях,—то оно тоже не затрагивает народные низы, так как слишком далеко ушли от него эти низы и не связаны с ним никакой традицией. У „молодого“ искусства некоторая связь лишь с европейской традицией. Поэтому народной массе так непонятно это искусство и поэтому так неприятны и неприемлимы для масс все декоративные попытки современных художников во время революционных празднеств.

Здесь происходит какой то великий сдвиг, и невольно встает перед нами огромный вопрос: что же делать? Я думаю, что прежде всего необходимо обследовать и выявить элементы и намечающиеся общие контуры современной народно-художественной культуры, поскольку они уже определены, понять народные художественные запросы и пойти без предвзятости им навстречу. Запросы эти есть, культура тоже есть. И то, что сейчас намечается, надо всемерно исследовать во всем размахе и во всей глубине. Затем необходимо серьезное обследование состояния художественного производства и связь с этим производством тех или иных народных запросов. Художественное производство, особенно народное, кустарное, как напр. наше иконное производство во Владимирской губернии, требует к себе особенно внимательного, особенно чуткого отношения. Наконец необходимо во чтобы то ни стало всеми силами предотвратить гибель и разрушение памятников старины, памятников народного искусства, которое находится сейчас в громадной опасности. Мы теперь знаем, как стихийно все эти памятники исчезают с лица земли. Исчезают памятники истории, исчезают все старые запасы художественно-бытового искусства. Даже на Севере, как вы вероятно знаете, нас постигла тягчайшая катастрофа в связи с безудержным вывозом за границу во время английской оккупации памятников нашего искусства. То же самое творилось на Востоке и на Юге. Мы не имеем никакой надежды на то, чтобы можно было, хотя бы частично в отношении народного искусства сделать то, что сделано сейчас, напр. по отношению к городскому, индивидуальному искусству тем же Главмузеем, его органами, охраны памятников искусства и старины. Ибо эта охрана направлена на так называемое высокое искусство, на сохранение его памятников, но до сих пор никто еще не добрался в этом отношении до памятников народного искусства, ибо нет на это нужных рук, достаточных средств. И наконец необходимо во что бы то ни стало нащупать пути новой художественной культуры, которая для России должна опираться на народную традицию. Все эти задачи, конечно, почти безмерны. Но в то же время мы остро чувствуем, что эти задачи неотложны. И мне думается, что от них не только нельзя отказываться всякому деятелю искусства,

но от них не может отказаться и наша молодая наука краеведения. Полагаю, что в задачи краеведения безусловно в первую очередь наряду с вопросами общего краеведческого обследования должны войти вопросы обследования нашей народной художественной культуры.

Несомненно,—и мне хочется это особенно подчеркнуть,— что только крайняя профессиональная узость может настаивать на исключении этих задач из круга деятельности краеведения. Каковы же задачи краеведения в этой области? Они охарактеризованы в тезисах к моему докладу „Искусство и краеведение“. Они имеются на 22-й стран., и я только буду их характеризовать. Центральные учреждения и даже губернские учреждения, какими являются Главмузей и Губмузей, не в состоянии, по количеству имеющихся у них работников, в значительной степени оправдать надежду, которую можно было бы возлагать на них. Они не смогут преодолеть эту гигантскую работу. И тут в состоянии оказать помощь нашему делу общество и деятели краеведения в деле описания памятников, учета и регистрации их, причем даже не усовершенствованно-сложными методами музееведческой работы. Все это может быть упрощено так, чтобы было доступно не только специалистам, но и рядовой интеллигенции, напр. учителям. Даже задача классификации может быть вчерне проведена так, чтобы на основании полученного материала можно было судить о том, что имеется в местных запасах края. Только не следует слишком самонадеянно относиться к себе в этой работе. Я думаю, что задача эта охватывает исследование памятников искусства широко, памятников не только местного значения, но и общего, а также всего того, что находится в данной местности, но не связано органически, по происхождению с местным краем. Доказывать особенно этого положения не приходится, ибо если такая работа не будет произведена, то мы окажемся не только перед разгромом культуры в данной местности, но и перед разгромом российской культуры и культуры вообще. В особенности такая помощь местных деятелей при их усердной самоотверженной работе необходима музееведению. Не должно бояться этой помощи, а нужно только следить за тем, чтобы была точно установлена компетенция. Если относительно первой задачи могут быть споры, то относительно второй задачи споров быть не может. Настолько эта задача проста и обязательна. Все указанные раньше задачи могут быть точно выполнены и результаты вполне плодотворны в смысле обследования, если они, эти обследования, производятся на местах не только заезжими, командированными центром специалистами, но и местными силами. При этом нужно заметить, что эту работу нужно выполнять на месте, как в отношении к отысканию памятников, органически связанных с краем, так и в отношении к выяснению их возникновения и выяснению связи их с данной местностью в частности и со страной вообще. Это то, чего, несомненно, в России до сих пор не было, что в значительной степени является большой новостью в методологическом и организационном отношениях. Это то, что пойдет в первое время на кривобоком, но эти задачи следует выполнять в первую очередь. Я думаю, что эти работы могут получить характер и значение грандиозного коллективного исследования. Краеведческую работу в области искусства, о которой я говорю, можно было бы в достаточной степени плодотворно и обоснованно провести, если бы удалось обществам краеведения связаться с теми или иными учеными учреждениями в центре. Такими учреждениями являются не только

Академия Наук и Академия Материальной Культуры, но и Академия Художественных Наук. Последнюю весьма интересуют вопросы, о которых я говорю. Эти учреждения могли бы много сделать в деле помощи деятелям краеведения в области художественно-исторического изучения края. Это мыслимо сделать путем планового исследования, которое, если только деятели краеведения пойдут навстречу, могло бы быть поставлено на должную высоту. Академия Художественных Наук могла бы выработать условия взаимоотношений между нею и краеведческими органами и деятелями, мыслимо установление известного плана; сообразно с ним могли бы начаться работы. Затем все материалы, которые добываются на местах, могли бы представляться в виде отчетов в Академию. Можно было бы установить связь и путем командировок с мест в центр, в Академию, и из Академии для исследования на местах.

Для того, чтобы эта работа могла быть сколько-нибудь плодотворна, я думаю, что необходимо местным краеведческим обществам, учреждениям организовать особые секции искусства, которые бы приняли на себя изучение, исследовательскую работу, котор. я только что охарактеризовал. Причем, в эти секции искусства могут привлекаться не только специалисты искусствоведы, не только деятели музейные, — их сравнительно немного на местах. — но могут привлекаться в широких размерах и так называемые „диллетанты“. Диллетантской любительской помощи бояться не следует в этой черновой, накопляющей материал, работе. Пусть, м. б., многое ненужное будет сделано, пусть, м. б., многие памятники, не имеющие художественного значения, будут описаны, но на них люди могут научиться тому, как можно работать. Среди этих памятников могут оказаться памятники в высокой степени художественные, которые должны быть учтены и в центре, и на местах. А могут быть и такие, которые имеют очень большое, чисто местное значение. Из всех предыдущих положений вытекает и то положение, которое я отметил в тезисе 5. Просветительная деятельность краеведческих секций искусства неизбежно вытекает из всех высказанных выше предпосылок. Она обуславливает целесообразность и успех исследовательской работы. Только тогда подлинная исследовательская работа возможна, когда имеется налицо несомненное сочувствие местного населения, когда местное население заинтересовано. А заинтересовано оно м. б. только путем просветительной работы, воспитания внимания и чувства уважения к памятникам, имеющим художественное значение. Нужно научить видеть художественный памятник, достаточно ярко и сильно пережить его творчески, пережить не только эстетически, но и всеми прочими гранями души, как прекрасную форму живой реальной действительности, связанную органически не только с прошлым, но и настоящим бытом. Такая просветительная работа должна явиться орудием, средством борьбы и против тех самых суррогатов, тех ядов, против той дешевки, которой в настоящее время засоряется народный вкус, — о чем я достаточно говорил выше. Если в том или ином районе налицо будет ряд обнаруженных и охраняемых от разрушения, м. б., заключенных в музей, м. б., находящихся вне музея художественных памятников, если этими художественными памятниками и будет связана просветительная работа, то ясно, что они не только выявят связь с традициями современной местной жизни, но в то же время могут оказаться могучим толчком для нового творческого взрыва в этой местности, для нового

обнаружения художественных творческих сил. Это можно сказать относительно тех районов, где жива та или иная художественно-производственная традиция. Художественное производство, основанное прочно на традиции, может вновь в значительной степени возродиться при помощи художественно-просветительной работы на местах. Просветительная деятельность в этом случае окажется тем орудием, которое может послужить для отыскания предоцущаемой нами основы новой художественной культуры. Я думаю, что эта новая художественная культура,—подобно древне-русской культуре допетровской,—должна быть прежде всего органической, она ни в коем случае не м. б. культурой случайной, культурой откуда-то взятой, заимствованной, подобно петровскому кафтану, с запада. Она должна быть нашей, собственной, русской культурой, основанной на наших русских собственных традициях, и с этой точки зрения она должна быть в значительной степени какой-то внеклассовой спайкой, которая на общем основании должна безусловно объединить все элементы страны. Ибо всякая подлинная действительная культура только тогда жива, когда она культура всенародная. Несомненно, во всякой всенародной культуре есть акцент классовый, но *только акцент*, только своеобразный тембр; а всякий основной же звук—тон всенародный. И этого всенародного тона нам нужно во что бы то ни стало самым энергичным образом искать. Если действительно краеведам дорога судьба всенародной русской культуры, если они действительно хотят, чтобы революционный сдвиг принес новые огромные художественные ценности, то безусловно деятели краеведения не могут и не имеют права отказаться от той тяжелой работы, к которой я их своим докладом призываю.

Охрана местной природы, как научная и общественная задача краеведения.

Я хочу воспользоваться настоящим съездом для выяснения той тесной обязательной связи, которая существует между охраной того, что называется памятниками природы, и между разнообразными организациями и учреждениями, посвященными изучению края, научными обществами по исследованию края, музеями и т. д. Мне придется сказать несколько слов вообще об идее охраны природы. Это идея, пронесшаяся в последние 2—3 десятилетия по всему культурному миру, не является выражением чисто платонического отношения к природе, стремлением к охране того, что обречено на гибель—это есть неизбежный лозунг, который выдвинут сознанием человечества, что с каждым годом и с каждым днем в различных местах природа, являющаяся объектом научного исследования, идет по пути исчезновения и полного уничтожения. Охотно цитируются слова академика Бородина, имеющиеся в его брошюре, об охране природы, сравнивающие памятники природы с произведениями Рафаэля, в необходимости охраны которых не возникает сомнений. Мне кажется, что это сравнение должно быть еще более расширено, т. к. памятники природы более нуждаются в охране, чем картины Рафаэля: картины Рафаэля и др. великих художников прекрасно изучены человечеством, с них воспроизведено бесчисленное количество копий и если бы случилось такое несчастье, что одно из этих произведений пропало бы, это, конечно, было бы величайшей потерей для человечества, но все же не имело бы такого значения, как если бы исчезла с лица земли, положим, порода зубров или бизонов. С потерей этих экземпляров, мы потеряли бы навсегда и безвозвратно возможность изучения массы вопросов, в связи с теми бесчисленными нитями, которые связывают их с этими объектами природы, обреченными на уничтожение. Движение по охране памятников природы выявилось то в форме образования заповедных парков, как в Северной Америке, то всякого рода обществ и учреждений, как это имеет место в Зап. Европе. Россия в этом отношении стоит как бы посередине по целому ряду вопросов, в качестве чудища огромного, к которому не знаешь, как подойти. Это величайший массив,—колоссальнейшее соединение различных оттенков природы. Эта природа и девственна, и недевственна. В одном и том же месте мы встречаемся часто с тем, что сохраняет остатки глубокой старины, представляющие громадный интерес для изучения, и тут же рядом природа безбожно искажена в силу разного рода культурного и некультурного отношения к природе.

Идея охраны природы проникла и к нам. Особенно быстрые успехи она начала делать перед войной. Это выразилось как в создании государственной организации как ведающей природоохранение, так и в том широком внимании, которое стали уделять природоохранительной деятельности начавшие выростать в то время различные местные общества краеведения, природоведения и т. д. Если перенесемся за 7—8 лет тому назад, то увидим, что в ряде провинциальных городов возникают организации, привлекающие к себе самое живое участие и ставящие задачей идею охраны природы. Таковы, напр., Харьковское общество любителей природы, в недрах которого протекала моя личная деятельность, Пензенское общество любителей природы, которое сейчас еще продолжает усиленно развиваться и служить идее и интересам охраны природы, и целый ряд других.

Основная точка зрения, которую я лично выдвигал при развитии разного рода местных организаций по изучению природы, это та, что идея охраны природы должна лежать как фундамент в основе деятельности подобных местных обществ. Широкая в общегосударственном масштабе постановка охраны природы, руководимая всецело органами из центра, является в настоящее время совершенно невозможной по целому ряду условий. Россия слишком велика и разнообразна, не только в целом, но и в частях. Даже отдельные районы ее так обширны, что ведать всеми сокровищами, которые должно охранять для одного центрального органа, немыслимо и непосильно. Охрана природы в России сделается реальным фактом только в том случае, если будет исходить из широкого сочувствия и активного содействия со стороны всякого рода ячеек—не только правительственных, но и, что особенно важно, общественных, посвященных изучению природы местного края. Самая деятельность этих последних только в том случае явится одухотворенной, если идея охраны природы будет пониматься, как живая практическая работа и основная задача.

Мой личный опыт, знакомство с деятельностью провинциальных обществ показывают, что провинция крайне бедна научными силами. Это было еще до войны в период пробуждения интеллектуальной жизни провинции. Что произошло с тех пор, не трудно представить. Провинция представляет в настоящее время в этом отношении пустыню, и трудно рассчитывать, чтобы изучение края в строго научном отношении могло пойти скорым темпом в ближайшее время. Думать так—утопия. Никакой правильной организации в условиях настоящего времени в этом отношении нельзя создать. Теперь очень важно подчеркнуть, что, когда снова пробудится волна интереса к работе местных обществ, ее нужно начать с посильной работы в области охраны местной природы. Если мы не можем изучать последней в данный момент в такой мере, как это представляется желательным, по многим причинам, с которыми мы сейчас сталкиваемся, то мы должны обратить все внимание на то, чтобы спасти научно ценные объекты для будущего изучения. Поэтому задача охраны природы есть одна из первых задач, которая должна быть выдвинута в настоящий момент всеми обществами и организациями, деятельность которых посвящена изучению местного края.

Понятие охраны памятников природы есть понятие, которое является важным и обязательным для каждой, даже маленькой местности.

Глубокой ошибкой было бы думать, что мы можем считать задачу решенной, если, допустим, мы охраним степь где-нибудь в Астраханской губ. и только. Территория России так велика, что не только в пределах губ., но сплошь и рядом в пределах одного уезда, имеют место различные типы природы. Когда вы пересекаете один уезд с Востока на Запад или с Севера на Юг, вы видите совершенно различные типы. Поэтому памятники природы существуют в каждой местности, и нам казалось бы странным считать вопрос решенным, если бы мы создали тот или иной охраняемый участок степи в Харьковской, Воронежской губ. и т. д. и этим ограничились. Каждый уезд должен всеми способами стремиться охранить те участки, которые являются пережитками его первобытной природы, а тем более те участки, которые отличаются особенной типичностью, или если они являются безотносительными памятниками природы, т. е. касаются таких типов природы, которые вообще на территории данного государства, данной области находятся на пути к полному исчезновению.

Таким образом, деятельность по охране памятников природы должна сводиться к обширной работе и вестись по всей территории, во всех губерниях и даже в уездах. Нас не должна смущать величина памятника. К памятникам природы относится каждое дерево, каждая птица, каждое насекомое, которое может представлять научный интерес. Все это является достойным охраны. В этом направлении должна идти в первую голову деятельность всех организаций, как государственных, так и общественных.

Необходимо помнить, что в связи с охраной природы выдвигается на первый план инвентаризация и учет того, что нужно хранить. Дело в том, что мы до сих пор даже этого не знаем. Есть очень немного местностей, которые могут похвалиться, что для них известно, что нужно охранять. Они насчитываются единицами. Если же мы возьмем даже такой район, как Московский, то, положив руку на сердце, я, три года находясь в Москве, затрудняюсь сказать, что считать для него памятником природы. Я могу назвать отдельные пункты, но дать исчерпывающую картину, дать конкретные указания каждому лицу я не могу, могу только сказать: спешите описывать памятники природы, инвентаризировать.

Поэтому вопрос об инвентаризации у нас стоит чрезвычайно остро. Есть губернии, представляющие сплошную „terra incognita“, как например Рязанская, о растительности которой нет почти никаких литературных данных, Сибирь и т. д. Нечего говорить об окраинах. Одним словом, скорейший учет того, что нужно охранять, составят ближайшую первоочередную задачу.

Другая задача--всемерная охрана тех памятников природы, которым угрожает немедленное истребление, как провести эту охрану в каждом отдельном случае--я не могу указать, это придется каждый раз взвешивать. Но сейчас имеется организация охраны памятников природы при Главмузее, на которую возлагается оказание содействия. Хотя это содействие при настоящих условиях обычно является в достаточной степени иллюзорным, все-таки есть возможность при помощи центральной власти идти на помощь проведению этой идеи.

Но не нужно забывать, что возможность фактического проведения охраны природы должна опираться на широкие массы. Только культурность массы, сознательное, благожелательное отношение широкого населения к идее охраны природы, понимание того, что вкла-

дывается в эту идею, является гарантией. Никакое правильно поставленное государство никогда не сможет содержать те колоссальные кадры какой-нибудь полиции, или специальной защитительной организации, на которую можно было бы возложить специальную обязанность следить за охраной. Здесь волей—неволей мы должны апеллировать к широким кругам населения.

Таким образом возникает третья задача, благодарная, интересная, посильная, могущая связать деятелей в данной области, это пропаганда идеи охраны природы на почве краеведения, не в плоскости общей постановки, но в виде конкретных указаний памятников природы местного края и разъяснения, почему они заслуживают охраны. Как пропагандировать для всех могущих быть условий, трудно указать. Есть много мер, которые все должны быть использованы. Школа является первейшим источником пропаганды охраны памятников природы. Именно сознание школьника, не закрепощенное массой привходящих житейских интересов, является наиболее благоприятным для проникновения идеи уважения к той красоте и научной ценности, которую представляют объекты охраны природы. Но нельзя чуждаться и взрослого населения. В этом отношении необходимы организация обществ, устройство музеев и выставок, наподобие той, которая была организована в 1914 году Харьковским Обществом Любителей Природы, с целью показать все стороны дела охраны природы.

Наконец нужно назвать еще одно условие для широкого развития краеведения и охраны природы. Это создание соответствующей литературы. Необходимость ее достать была заявлена настоящим съездом. Требуется быстрейшее создание таких книг брошюрного и более серьезного типа, которые служили бы руководством для широких кругов. В особенности для учителей, преподавателей и вообще тех умственных работников, которые заинтересованы природой, но в то же время недостаточно подготовлены, чтобы выступить в качестве самостоятельных исследователей. В качестве пособия подсобного, я могу указать книгу, которая вышла в Харькове: „Природа Слободской Украины Харьковской губернии“. Она содержит географическое описание всех видов памятников природы, населения и истории, которые имеются в данной местности.

Создание такой литературы является обязательным, оно должно быть поставлено на передний план в неотложных нуждах краеведения, родинovedения и охраны природы.

В качестве последнего тезиса я должен выставить положение, что современные условия деятельности всякого общества охраны природы, общества краеведения резко отличаются от условий, которые были до революционного периода. В прежнее время можно было работать с полным отсутствием средств. Одна идея, живое слово, активность со стороны работающих позволяли делать очень много. В настоящее время для того, чтобы из Петровского-Разумовского приехать на данный Съезд, нужно затратить такую сумму, которую не всегда можно достать. Каждый шаг в данный момент поставлен в такие трудные условия, что развитие частной инициативы в области краеведения и охраны природы невозможно без самого широкого участия государства. Вместе с тем идея самоокупаания, которая диктуется новым курсом экономической политики и которая уже отразилась на деятельности отдела охраны природы Главмузея, идет вразрез с практическим разрешением воп-

роса. Эта деятельность не может себя окупать, она может окупить только в дальнейшем, когда на этой почве создастся высокая культурность массы, которая и воздаст сторицей за затраты. Но сейчас это есть капитал, который вкладывается совершенно безкорыстно. Государство должно помнить, что вкладывая средства в область, которая связана с краеведением и охраной природы, оно пожнет в будущем большие плоды.

Краеведение и школа.

Краеведение и школа в их взаимодействии—вот проблема, практическое решение которой в настоящий момент ставится на очередь как идеологией новой трудовой школы, так и суровыми требованиями современной жизни. Уже в прежней педагогике, выдвинувшей требование *наглядности* и *предметности* в деле обучения, за последнее время эта наглядность стала трактоваться как восприятие предметов и понятий в их истинном генезисе, т. е. так, как они создавались на пути истории человеческого знания, и такое понимание тотчас же выдвинуло необходимость локализации хотя бы первоначального учебного материала, т. е. обращение к окружающей жизни и природе.

Сама по себе идея далеко не является новой—она имеет за собою почти трехсотлетнюю давность и заветана нам еще Я. Амосом Коменским, который учил „черпать мудрость по возможности не из книг, но из неба и земли, из дубов и буков“, дабы уметь „самостоятельно изучать и испытывать вещи“. Последующая история школы и на западе и у нас представляет нам картину борьбы идей педагогического ренессанса с неподатливою средневековою схоластикой, которая была принуждена очистить целый ряд позиций на первых ступенях обучения, но довольно твердо окопалась в средней школе и в особенности в ее старших классах.

Медленное проникновение новых начал в русскую школьную практику можно проследить с екатерининских времен, когда известный поборник просвещения Н. И. Новиков издал перевод „Комедия“, когда образованная часть общества познакомилась с „Эмилем“ Руссо, а Российская Академия Наук принялась тем временем за планомерное изучение нашего отечества, снарядив целую сеть научных экспедиций. Интерес к окружающей природе и жизни внушался школе еще в Уставе гимназий 1804 года: учитель естественной истории должен был „сбирать травы, разные роды земель, камней, изяснять их свойства и отличительные признаки; в зимнее время учитель должен посещать фабрики мануфактуры, ибо рисунки и описания не могут дать ясного о том понятия“. Дальнейший шаг вперед совпадает с эпохою шестидесятых годов. „Общеобразовательное училище совершенно неправильно носит это название и ни в каком случае не доставит учащимся настоящего общего образования, если в учебный курс его не входит местный элемент“—так писал в 1862 г. русский педагог Н. Х. Вессель *). До некоторой степени, хотя и очень сдержанно, откликнулось на это течение и министерство, разославшее в 1867 г. циркуляр о желательности учреждения при гимназиях, „библиотек о местном крае“, но попытки подойти к конкретному выполне-

*) Н. Вессель. Местный элемент в обучении (журн. „Учитель“, 1862, стр. 845).

нию задачи путем создания местных учебников краеведения относятся уже к позднему времени; как один из первых и по своему времени удачных опытов может быть названа книжка „Очерки Нижегородской губернии“, составленная давно уже покойным инспектором народных училищ М. В. Овчинниковым и вышедшая в середине 80-тых годов. Конечно, этот учебник не мог бы появиться, если бы для него не был готов научный фундамент в виде работы местного краеведа А. С. Гацисского и только что закончившейся к тому времени экспедиции проф. В. В. Докучаева.

С тех пор как умственный рост ребенка стал рассматриваться, как естественный биологический процесс, с которым должна быть согласована образовательная и воспитательная работа школы, первые шаги в деле обучения оказались немислимыми вне связи с родной почвою и с окружающею жизнью. В идеологии и практике *начальной* школы краеведение, понимаемое не как особый учебный предмет, а как *метод* образовательной работы, пустило достаточно глубокие корни и прочно обосновано с теоретической стороны. *) Воздерживаясь от дальнейших литературных ссылок позволю себе назвать чрезвычайно интересную книжку кружка московских учительниц „Четыре года преподавания в начальной школе“ (Москва, 1917), где мы найдем ясный и определенный вывод: „Экскурсии (имеются в виду экскурсии в пределах своего города и его ближайших окрестностей) должны лежать в основу преподавания в начальной школе“ (стр. 41).

Получив до некоторой степени право гражданства в работе начальной школы и в особенности в дошкольных учреждениях, метод локализации образовательного материала на старшей ступени—в средней школе—сталкивался с требованиями систематичности и полноты курсов, дошедшими до нас от того далекого прошлого, когда школа сознательно отгораживалась от окружающей жизни, а с природою вступала в общение только при *Rutenzüge*—отправляясь в полном составе в лес за розгами.

Теперь, когда перед нами стоит неотложная задача строительства новой школы и переживаемая разруха заставляет задуматься над мерами, которые могли бы повысить культурный уровень страны, мы должны дать себе ясный отчет, нужно ли нам творить новую интеллигенцию по образу и подобию прежней, при всех своих исторических заслугах страдавшей одним большим недостатком, который наш знаменитый историк В. О. Ключевский уловил уже у добродетельных и резонирующих героев фонвизинского „Недоросля“; этот основной грех—оторванность от родной почвы и от понимания наличных социально-бытовых явлений. Конечно, не та школа, которая стремилась подавить своего питомца то грандиозностью и богатством экзотической природы, то чудесами западной техники, то недостигаемою высотой античной культуры, может дать стране необходимых ей людей сознательного действия, чуждых того скептического пренебрежительного и безнадежного отношения к своим „родным палестинам“ и своим „богоспасаемым градам и весям“, которое раз навсегда выносил из своей гимназии „Иванов Павел“, обращаясь после ряда экзаменов и переэкзаменовок в „среднего русского интеллигента“. Иванов Павел обыкновенно и не подозревает, что образовательные и

*) Е. А. Звягинцев. Родниоведение и локализация в народной школе. Москва 1919.

воспитательные ресурсы местного материала далеко не были исчерпаны построением плана класса, на одном из первых уроков географии, и очень слабо разбирается в тех условиях, от которых зависит форма его существования на фоне его родных богоспасаемых палестин. Для подрастающих поколений мы должны дать новую общеобразовательную школу—школу активизма, методы которой органически выросли бы из методов работы на первых ступенях обучения, преемственно идущих от Я. Ам. Коменского.

Пробуждение самостоятельности учащихся в последние предреволюционные годы попало и в круг забот средней школы в ее лучших образцах, но она подходила к вопросу с другого конца и вместо живой воды брала мертвую, заимствуя из высшей школы ее—лаборатории и семинарии и в упрощенном, обескровленном и вульгаризированном виде, перенося их в свою практику. Между тем и образовательные и воспитательные ресурсы местного материала далеко не могут быть исчерпаны в детском саду и в начальной школе—на долю старшего возраста остается ознакомление с теми методами познания мира и изыскания истины, которые естественным образом связывают примитивную исследовательскую работу, проделываемую каждым нормальным ребенком в первые дни и в первые годы своей жизни, с настоящим научным исследованием. Прежний гимназист о научных методах не имел никакого представления, получая в своих учебниках только процеженный и стерилизованный экстракт из готовых плодов чужой учености; этому образовательному багажу старая школа придавала исключительное значение при определении зрелости своих абитуриентов, хотя на западе, особенно в Америке, передовые педагоги с каждым годом все более и более выдвигали значение исследовательского эвристического метода. Методист-математик Перри приходит к выводу, что „ученик должен переоткрыть для себя всякий сообщаемый ему научный факт“, а ведь для этого факт должен быть доступен исследованию, т. е. иметься в окружающей действительности. И если мы не можем настаивать на проведении через всю школьную работу эвристического метода в его чистой форме—это высмеял в одном из своих романов даже такой фантазер, как Уэльс—, то мы должны стремиться к тому, чтобы дать нашим школьникам по крайней мере то духовное переживание открытий, которому в свое время придавал огромное педагогическое значение Мах; понятно, что наличная местная обстановка может дать наилучший фон для такого рода переживаний. Наконец, только при изучении местного материала школа может быть вовлечена в область настоящей научной работы—работы хотя бы и очень элементарной по своим формам, но зато организованной, общественно-полезной и, вдобавок, разрушающей роковую грань между изучением и исследованием.

Таковы воспитательные возможности, представляемые тем материалом, который школа может взять из области краеведения; тот же местный материал окажется во многих областях совершенно достаточным и для осуществления образовательных задач новой школы. В очень категорической форме это положение было высказано тем педагогом шестидесятником, статья которого уже была цитирована выше: „А что окружает нас? Местность, в которой мы находимся, и люди, с которыми мы живем. Это окружающее составляет самый естественный, ничем незаменимый и вполне достаточный материал для

всестороннего развития способностей человека, а следовательно и для общего образования его).*

И ведь, в самом деле, наши „родные палестины“ образуют ту страну, которую географы с своей точки зрения признают классической; ведь эти палестины были ареною, где работали и находили очень ценный для себя материал ряды поколений научных исследователей, начиная с Палласа, Гюлденштедта и Лепехина, и они же несут на себе ту почву, на которой трудами Докучаева, Сибирцева и их преемников выросла самая наука почвоведения. В наших „богоспасаемых градах и весях“ еще сохранились драгоценные памятники материальной и духовной культуры прежних веков, и, как в свое время писал для своих немецких читателей Виктор Ген, „и в ближайших окрестностях Москвы, т. е. в самом сердце России, и в Малороссии внимательный и знакомый с языком исследователь тысячу раз имеет случай вспомнить о Гомере и описанной у Гомера жизни“. Еще в половине прошлого столетия московский профессор Рулье призывал современных ему натуралистов вместо путешествий в отдаленные страны „прилечь к соседней луже“ для изучения населяющих ее существ „в их сложных, непрестанно перекрещивающихся отношениях организации и жизни посреди их окружающих условий“, а теперь, вооруженные всеми достижениями эволюционной биологии, мы, педагоги-натуралисты, можем на фоне родного пейзажа и даже на задворках города проработать в этом направлении все содержание курсов зоологии и ботаники. Наконец, вся динамика жизни, позволяющая актуальным или онтологическим методам подойти не только к геологическим процессам, но и процессам геоботаническим, культурно-историческим и социально-экономическим, в особенности теперь, когда ускоренный революционным сдвигом темп жизни позволяет уловить эти процессы в самых разнообразных областях и не ограничиваться только наблюдениями над ростом оврага или изменениями речной долины—только динамической геологиею.

Однако, если важное значение краеведения, как метода образовательной и воспитательной работы и не нуждается в дальнейшей аргументации, среди научных и школьных работников может явиться сомнение, осуществимо ли проведение этого метода в условиях современной разрухи и не является ли стремление к реформе школьной работы в направлении ее локализации одною из тех иллюзий, которых так много возникало в медовые месяцы революции и которые так беспощадно разбиты суровою действительностью. Каковы те объективные данные, на которые могут опираться наши благие намерения, каковы реальные возможности провести намеченный краеведческий уклон в школьной работе и что сделано в этом направлении в наших школьных кругах?

Залог нашего успеха прежде всего в том обостренном интересе к исследованию своего местного края и всей окружающей действительности, которое как раз особенно характерно для переживаемого момента, являясь чрезвычайно целесообразною реакциею общественного организма на те огромные потрясения, которые он в данное время переживает. Корни интереса к вопросам краеведения ветвятся и переплетаются глубоко в социально-экономических и политических условиях момента—все в той же пресловутой разрухе, которая одна только

*) „Учитель“, 1862 г., стр. 897.

и заметна в русской жизни для невооруженного анализом обывательского глаза. В высокой степени эта разруха отразилась и на нашей школе, которой теперь, при отсутствии книг и недостатке мела, трудно сохранить свой прежний (неприемлемый для нас) характер школы „книжной“ и „меловой“; эта разруха, отняв у школы материальные ресурсы, поставила ее лицом к лицу с жизнью и заставила—в силу железной необходимости, а не по случайному декрету свыше,—обратиться к „дубам и букам“ Я. Ам. Коменского. Не имея возможности выписывать наглядные пособия из за-границы и оборудовать свои кабинеты покушными экспонатами, школы и местные отделы Народного Образования принуждены были обратиться к экскурсионному методу и к самообслуживанию, организовав у себя сбор и монтировку естественно-исторических объектов и созидавая—волею или неволею—свои кабинеты наглядных пособий в виде небольших музеев краеведения. С другой стороны, там, где организовались местные музеи Политпросветов или научных обществ, там ими в широкой мере пользуется и школа, обходясь в этих случаях без своих специальных музеев и кабинетов. Таким образом, Главсоцвос, учитывая только свои учебно-вспомогательные учреждения, не сможет сказать, насколько данная губерния или уезд обеспечены музеями и кабинетами, которые могут быть использованы для школы, но значатся за другими Главками и даже за другими Наркоматами (как, напр., Нижегородский Ест.-ист. и С.-хоз. музей). Конечно в такой несогласованности обнаруживается известный организационный дефект, но он совершенно понятен в связи с характером работы новой школы, ближе подошедшей к жизни и к тем интересам, которые влекут к себе и местного исследователя и широкие слои взрослого населения. Мы не настолько богаты интеллектуальными силами и материальными средствами, чтобы насаждать на местах отдельные учреждения либо чисто исследовательского характера, либо имеющие в виду потребности школы и только школы, либо, наконец, ограничивающие свои рамки образовательным воздействием на взрослое население; все эти задачи могут быть выполнены общими силами под одною кровлею, коллекции научного значения могут быть использованы и для образовательной работы, исследователь-краевед должен быть и популяризатором краеведной работы (в литературе, в музее или на выставке) и, наоборот, учитель и школа могут быть вовлечены в область исследовательской работы по изучению края. Конечно, при таком объединении исследовательской и просветительной работы, необходимо должны быть учтены потребности и особенности всех заинтересованных в ней элементов. В частности при организации всякого местного музея, под чьим бы флагом он ни возникал, интересы школы не должны быть забыты; не должно при этом упускать из виду, что и методы школьной работы—работы длительной, сообразующейся с ходом развития ребенка и подростка и с естественною сменю его интересов, имеют свои специфические черты, отличающие их от „плакатных“ методов более эпизодической работы со взрослыми. В музеях общего пользования интересы и методы школьной работы могли бы быть ограждены путем организации в них особых школьных секций, куда следует выделить экспонаты, специально предназначенные для школ, вместе с тою частью персонала, которая несет специальные обязанности по их сбору, хранению и демонстрационному. В некоторых отдельных случаях такая система уже осуществлена на деле, и жизнь показала ее целесообразность.

Но если создание местных музеев все же встречает препятствия материального свойства, то перед школою остается возможность подойти непосредственно к самой природе и к самой жизни, и, действительно, мы видим, как среди самых, казалось бы, неблагоприятных условий ширятся и развиваются школьные экскурсии и совершенствуются методы экскурсионной работы. Прежняя школа, заводя речь о школьных экскурсиях, подразумевала здесь почти исключительно экскурсии в природу, иллюстрирующие тот или иной отдел пройденного курса; иногда под именем экскурсий слыли пикники и поездки туристического характера, имевшие, конечно, известное образовательное значение, но не связанное с текущею работою школы, вклиниваясь в нее инородным телом вроде шумных „рекреаций“ в старинной бурсе. Теперь область экскурсионного дела расширилась включением в нее культурно-исторических, экономико-технических и эстетических экскурсий и в то же время отмежевалась от туризма; на этой работе выковываются новые методы экскурсий *исследовательского* типа, не сопровождающих учебный курс, а являющихся *основой* для дальнейшей проработки в школе.

Этот исследовательский экскурсионный метод нашел себе отражение и в учебных программах, которые были разработаны научно-педагогическими Институтами Главсоцвоса и приняты Научно-Педагогической Секцией Госуд. Учен. Совета. В этих программах не только для первой ступени, но и для старшего возраста курсы строятся не по методу сокращения и упрощения университетских учебников, а на иных основаниях—на самостоятельной проработке конкретного материала, который был бы доступен школе в условиях окружающей действительности (для биологических дисциплин выступает здесь фенологический принцип), был бы связан с местными экономическими и производственными интересами и, ознакомив учащегося с методами исследования, либо прямо мог бы подвести его к наиболее важным обобщениям, определяющим научно-мотивированное миропонимание, либо дал бы ему прочную отправную базу для изучения вопросов, выходящих из рамок местного краеведения. Подобного характера программы были созданы и некоторыми местными отделами народного образования применительно к своему краевому материалу, а о том, что возможность построения образовательной и воспитательной работы на исследовательской и экскурсионной основе не является утопией, свидетельствует хотя бы опыт Биостанции Юных натуралистов в Сокольниках (Москва), где вся работа опытно-показательной школы-колоники исходит из активных детских наблюдений над природою.

Необходимость целесообразной организации краеведных музеев, в которых новая школа заинтересована самым кровным образом, заставила научно-педагогические институты Наркомпроса приняться за выработку нормального плана музея местного края. Для молодых краеведных организаций, примерный план музея помимо своего прямого назначения мог бы наметить те вопросы, на которые им необходимо ответить и обществу и школе, и, таким образом, мог бы послужить для них рабочей программой, действительно связанной с интересами их родного края. А свой ответ краеведные учреждения и исследователи местного края могут дать не только в форме музейных витрин,—для того, чтобы могли быть проведены в жизнь методы экскурсионной работы, как своего рода педагогическая рекапитуляция научного исследования, необходимо и предварительное исследование

края и популяризация его результатов, в краеведных изданиях, делающая их доступными для педагогического претворения. В нашей популярно-научной литературе мы имеем переводы „Натуралиста на Амазонской реке“ и „Натуралиста на Лаплате“; соответствующих им „Натуралиста на Суре“ или „Натуралиста в Самаре“ пока еще не существует, но, как ни парадоксально звучит такое сопоставление, и каждая из наших палестин может дать интереснейший и богатейший материал для книги, затрагивающей самые глубокие вопросы естествознания и открывающей читателю глаза на окружающий его мир—за эту возможность ручаются живые и увлекательные очерки природы отдельных местностей, которые мы имеем хотя бы в статьях ботаника В. И. Талиева или зоолога Б. М. Житкова, и если „Натуралиста на Суре“ у нас пока нет, то отдельные главы для такой книги написаны и написаны талантливо. Свести подобные очерки в единое целое, организовать исследование оставшихся в тени сторон природы и жизни местного края и всесторонне осветить для школы и для населения те ценности и возможности, которыми располагает край и мимо которых равнодушно проходило наше и образованное и необразованное общество—вот задача, непосильная отдельному научному работнику, но вполне осуществимая для коллективного творчества той организованной научной корпорации, какою должно быть Общество Изучения Местного Края.

Но новая трудовая школа,—поскольку она строит свою работу на исследовательском и экскурсионном методе, не только дает задания краеведным научным обществам и собирается эксплуатировать их работу—она и сама, как крупная организованная сила, может быть привлечена к исследовательской работе по тем вопросам, где требуются массовые наблюдения или где наблюдения должны проводиться широко развернутым фронтом. Еще в до-военное время целый ряд научных учреждений и некоторые отдельные ученые в широкой мере пользовались анкетным методом и организовали сеть корреспондентов из среды уездной и сельской интеллигенции и учащейся молодежи, которая затем была рассеяна надвинувшейся военной грозой и революционным вихрем. Тогда в научных кругах Петербурга возникла удачная мысль—взамен услуг случайных добровольцев-корреспондентов обратиться к организованному посредничеству школы. Наркомпрос, в лице Отдела Единой Трудовой Школы с готовностью пошел навстречу этому начинанию, и результатом работ „Комитета по организации школьных наблюдений над природою“, создавшегося из представителей главнейших научных учреждений Петербурга при участии работников педагогических институтов Москвы, явился недавно вышедший из печати под редакцией проф. В. Г. Глушкова „Сборник программ школьных наблюдений над природою“ (П. 1922), затрагивающий ее с самых разнообразных сторон, начиная от наблюдений звездного неба и световых явлений в атмосфере, и койчая бытом населения и народной медициной. Самая организация наблюдений и их научная оценка и обработка еще впереди, но по отдельным вопросам школа уже доказала свою пригодность в качестве исследовательского аппарата—Российский Гидрологический Институт уже провел через школу в массовом масштабе анкету о весеннем половодье 1921 г. и получил вполне удовлетворивший его результат, экскурсионная работа уже упоминавшейся Биостанции Юных Натуралистов, пронизавших своими исследующими щупальца-

ми пригородную Сокольничью рощу, дала ряд ценных для специалиста наблюдений над жизнью и кочевками птиц, зафиксированных на целой серии карточек, относящихся к различным месяцам года.

Но не одною областью наблюдений над природою ограничиваются рамки той исследовательской работы, для которой может быть использована школа. Прежние отчеты учащихся-практикантов, которые они представляли в свои технические учебные заведения, заключают в себе незаменимые, хотя и пропадающие втуне, данные для экономико-технического обследования русских фабрик и заводов; теперь в эпоху небывалого кризиса и грядущего возрождения нашей индустрии, подобный сырой научный материал был бы особенно драгоценен, и Петроградский Экскурсионный Институт—(учреждение, возникающее, не только ради разработки и пропаганды методов экскурсионной работы, но и в целях экскурсионного изучения России)—ожидает найти его в отчетах правильно организованных экскурсионных групп, посещающих фабричные и заводские предприятия.

Наконец, деревенская школа и ее учитель—человек, живущий на месте и не внушающий населению того недоверия, с каким деревня встречает заезжего обследователя, могут быть привлечены к обследованию планов поселков и местного землевладения и землепользования. Процесс работы бесспорно дает много моментов важного педагогического значения, а в результате может получиться картина поучительная для социолога. Отдельные опыты в этой области уже имеются.

Таким образом в работе научных учреждений и обществ, изучающих свой местный край, и в работе новой трудовой школы, стремящейся к осознанию учащимися явлений окружающей природы и жизни и на их исследовании проводящей свои образовательные и воспитательные задачи, обнаруживается чрезвычайно много общих точек. Как результат взаимодействия краеведной и педагогической работы намечается, с одной стороны, оживление, расширение и углубление (путем применения массовых наблюдений) дела изучения нашей родины и ее производительных сил и возможностей и, с другой стороны, возрождение нашей школы в обновленном и преобразованном виде—школы, преодолевшей парализовавшую ее разруху и подошедшей к выполнению своей прямой задачи—воспитанию гармонически развитой личности.

Воплощения этого идеала тщетно искать и в недавнем прошлом и в настоящем—в тот переходный момент, который оставил души подрастающего поколения с незаполненной пустотой. Оно рисуется нам существовавшим в античной древности, но конечно не в рабском копировании ее внешних черт, не в классических фронтонах и греческом языке гимназий намечается путь для его достижения в ближайшем будущем, а в осознании той основы, на которой выросло мироощущение древних—тех людей, которые при встрече говорили друг другу „ХАИРЕ“, т. е. „радуйся“. Эта основа по своему существу была краеведной—народ, „бороздивший Средиземное море, воспринявший и претворивший наследие более древних культур, раскинувший свои колонии по отдаленным берегам Средиземья и негостеприимного Понта и в национальном эпосе поставивший образ многоопытного мореплавателя Одиссея наравне с храбрым воителем Ахиллом—этот народ сумел в тоже время увидеть, запомнить, одухотворить и обоготворить каждую рощу, каждую пещеру, каждую речку своей роди-

ны и передать их названия векам—даже Иртыш под пером российских литераторов XVIII века превращался в Ипокрену. Теперь, в иной обстановке и в иных социальных условиях, интерес к своему родному выразится в иной форме—в форме научного и школьного краеведения, и на основе изучения и осознания окружающей природы и жизни наша школа, опираясь в своей работе на исследовательские организации и местные научные общества, сумеет дать стране тех людей, которые так нужны в нашем государственном строительстве—людей бодрых, активных и сознательных.

Организация институтов и курсов по подготовке работников краеведения.

Необятные перспективы, открывающиеся перед краеведными организациями, неизбежность не только углублять, но и расширять краеведную работу властно говорят о необходимости учреждения институтов, а также и курсов, для подготовки новых работников по краеведению. Чем дальше пойдет областная научная работа, тем все больше и больше будет ощущаться необходимость расширять ее рамки, захватывая в краеведные исследования все большее и большее число лиц.

В предвидении этого расширения, встает основной вопрос: должна ли краеведная работа продолжаться так же, как она протекала до последнего времени, в небольших, часто случайных группах, в ячейках, иногда достаточно квалифицированных, специалистов, или она должна захватывать широкие круги народных масс, захватывать и крестьян, и рабочих на фабриках, захватывать и других, не подготовленных для такой работы, граждан?

Конечно ответ на этот вопрос может быть только один. Безусловно, краеведная работа будет захватывать массы до самых недр, до самых их глубин.

Этот вопрос возникает перед нами не только потому, что сами краеведные общества и краеведные организации на местах заинтересованы в том, чтобы вовлечь в свою работу наибольшее число лиц, чтобы эти, вновь вовлекаемые, члены могли принести свою лепту в изучение местного края, но это необходимо сделать еще и потому, что нельзя оставаться глухим к тем призывам, к познанию своего края, а, следовательно, и к самопознанию, которые идут из самой массы, нельзя культурным работникам не пойти навстречу порывам к посильной творческой научной работе, идущим из народных глубин. Ведь, в настоящее время мы наблюдаем небывалый подъем интереса к изучению местного края у самых широких слоев населения.

Таким образом перед краеведами встает вопрос не о популяризации научных знаний в области краеведения, но, о создании таких институтов или курсов, которые бы готовили более или менее активных работников краеведов.

Я различаю две категории таких учреждений. С одной стороны, это могут быть постоянные учреждения повышенного типа, типа, быть может, приближающегося к университету, учреждения, в которых будут вырабатываться работники высокой квалификации, могущие не только собирать краеведные материалы, но и обрабатывать эти мате-

риалы, а следовательно знакомые не только с техническими приемами, но и с научными методами. С другой стороны, необходимо подумать и о создании таких учреждений, которые могут в большей или меньшей степени прояснить горизонты перед теми лицами из широких масс, которые желают, так или иначе, принять участие в изучении местного края. К ним же я отношу и летучие курсы, организуемые приезжающими на полевые работы командированными из центров исследователями.

Прежде всего необходимо ясно очертить принципиальную точку зрения на вопрос о том, где должны вырабатываться исследователи высокой квалификации, работники-специалисты в той или иной области. Конечно, ответ здесь может быть только один: все такие специалисты должны в будущем вырабатываться в университетах, явятся ли они работниками по тем циклам дисциплины, которые представлены в современных русских университетах, (биологи, историки и др.), или по тем дисциплинам, которые сейчас представлены лишь в некоторых университетах (этнологи, антропологи) или преподаются в большинстве городов не в университетах а в специальных институтах (археологи). Однако следует учитывать, что в настоящее время, как вследствие нашей материальной бедности, так и вследствие нашей бедности научными силами, при нарастающей угрозе еще большего обнищания в научном отношении в ближайшие годы, у нас не имеется возможности развернуть во всей полноте такое преподавание в университетах. Отсюда естественно вытекает необходимость развить ту или иную областную научную и учебную работу хотя-бы по отдельным циклам, или даже по отдельным специальностям,—по тем специальностям, представители которых имеются в данном городе. Не нужно закрывать глаза на то, что университеты никогда не смогут достаточно широко обслужить массы, не говоря уже о современном их бессилии в этом отношении. И долго еще за дверями высшей школы будут оставаться лица интересующиеся той или другой наукой, но не имеющие возможности изучать эту науку в своем родном городе или не имеющие фактической возможности приехать для ее изучения в другой город или, наконец, не имеющие достаточно шансов, чтобы попасть в университет. Таким образом очередной и, быть может, наиболее реально осуществимой задачей становится в настоящее время не организация учебных учреждений повышенного университетского типа но учреждений вырабатывающих, правда не квалифицированных научных работников, знакомых, однако, с общими положениями и методами той или иной науки. Организация такого преподавания, для тельного или краткосрочного, идет конечно, навстречу самой массе, навстречу, хотя-бы отмеченному мною выше желанию широких кругов населения внести свою посильную лепту в общее творческое дело, изучение своего родного края.

Ведь это стремление в наши дни, не может иметь под собой реальной почвы. Оно уходит в область фантастики, уходит больше в область мечтаний чем действительно осуществимой, плановой работы. Хочется изучать свой край в том или ином направлении, но дальше этого желания человек идти не может, т.к. ему негде учиться, негде услышать о методах той или другой науки, т.к. у него нет возможности даже достать книг, чтобы осветить интересующие его вопросы из той или другой области. В результате—благие порывы остаются благими порывами.

Следует также учесть интересы и запросы тех культурных работников, которые в деревенской глуши, вдали не только от крупных культурных центров но и вдали от своего уездного города, могли бы вести собирательскую краеведческую работу, которая может дать им удовлетворение среди всевозможных материальных забот повседневности, среди занятий, выполняемых по долгу, по необходимости. Такая работа по собиранию, такая посильная помощь уездным и губернским краеведным организациям, конечно дала бы большое удовлетворение этим скромным, может быть, незаметным работникам глухой деревни.

Перед нами встает, наконец и еще одно требование, выдвигаемое настоящим моментом. Мы часто слышим и говорим о проведении в школах краеведного метода преподавания, который в некоторых уездах и губерниях уже введен в школу и должен дать в ближайшем будущем свои результаты в деле развития краеведения в России. Однако, следует признаться, что подавляющая масса учительства не только беспомощна в индивидуальной краеведческой работе, но и бессильна в работе методической. Приходится резко и четко подчеркнуть, что человек, имеющий некоторые краеведческие познания в той или иной научной области, еще не является краеведом, и для того, чтобы стать им, он должен пройти какую то, хотя бы, самую легкую, может быть, совершенно краткосрочную школу, которая бы дала ему некоторый творческий импульс, толкнула бы его в известном направлении.

Роль краеведения в школе и значение краеведного метода мне кажутся еще более значительными, чем она обычно понимается. Краеведный метод, при помощи которого вырабатываются юные исследователи, осмысленные свидетели происходящего в окружающем мире, умеющие подмечать и фиксировать рассеянные вокруг явления и факты,—этот метод дает возможность воспитывать в ребенке не бессовестного разрушителя каких-нибудь материальных или духовных ценностей, но настоящего созидателя новых форм жизни, настоящего работника во имя будущего, во имя счастья грядущих поколений.

Таким образом, мы устанавливаем то положение, что специальными учебными учреждениями, подготовляющими кадр работников по краеведению являются *постоянные специальные учебные институты*, дающие работников высокой квалификации и *длительные или краткосрочные*, постоянные, или устраиваемые периодически, *краеведные курсы* с тем или иным уклоном.

Здесь следует несколько разъяснить то, что я понимаю под словом институт, потому что в последнее время названием „институт“ также, как и названием университет, часто пользовались слишком неосторожно. То, что я понимаю, как краеведный учебный институт, я мыслю, как учреждение типа высших учебных заведений, работающее в краевом масштабе и заключающее в своей учебной программе те или иные циклы дисциплин. Такими институтами можно, например, предполагать институт Приуральский, Западно-Сибирский, институт Севера Европейской России, Предкавказский, институт Среднего Поволжья и т. д. У нас уже имеются несколько подобных институтов, как например Северо-Кавказский, институт Донской области и т. д. Эти институты могут, как уже было указано, охватывать некоторые циклы наук, которые недостаточно представлены в данном крае. Таковыми являются институты биологические, археолого-этнологические, институты промышленно-экономические, и т. д.—все со специальным краеведным уклоном.

Программы таких краеведных институтов должны соответствовать задачам областным и краевым, не носить отпечатка расплывчивости, пример каковой мы имеем сейчас у некоторых учреждений, называющихся институтами или отделениями институтов (археологических) и, наряду с общими сведениями по тем или иным дисциплинам, давать возможно более углубленные знания определенной географической области и методический подход к ее изучению. На Урале, например, это не будет, промышленно-экономический институт вообще, но будет промышленно-экономический институт Урала; это не будет какой-нибудь археолого-этнологический институт выпускающий специалистов по древнему востоку, или по эллинской культуре, но это будет археолого-этнологический институт, который сможет дать работников в определенной научной области на данной территории. Такая структура институтов легче и в отношении их организации потому что можно подобрать известный небольшой кадр местных специалистов, и практичнее, потому что такой институт может вырабатывать специалистов и исследователей каждого крупного и своеобразного района России. В настоящее время, мы являемся свидетелями закрытия целого ряда университетов, которые закрываются или закроются в близком будущем не только потому, что не хватает средств на их содержание, но также и потому, что они неизбежно должны умереть естественной смертью из-за недостатка в квалифицированных силах и из-за отсутствия логических оснований к существованию в данное время университета в некоторых провинциальных центрах. А между тем, частично, некоторые из этих закрывающихся университетов работали хорошо. И если с закрытием какого-либо из университетов должна остановиться на долгий срок учебная и научная работа одного из солидно-поставленных его отделений, например, биологического, экономического, следует подумать о преобразовании такого отделения в краеведческий учебный институт, связав, например, работу такого биологического института с работами биологической станции данного района. Организация краеведных институтов путем реорганизации закрывающихся университетов является первоочередной задачей в строительстве таких институтов.

Краеведные курсы, работающие в губернском и уездном масштабе, могут быть различного типа, в зависимости, прежде всего от того контингента слушателей, на который они должны быть рассчитаны. Они могут быть и двухгодичные, и одногодичные, и полугодичные, и летучие. В настоящее время имеем такие учреждения, как, например, отделения Московского Археологического Института в различных городах провинции, имеющие довольно расплывчатую программу, которые должны по своей идее вырабатывать археологов и архивистов, но которые, на практике, представляют собою курсы с довольно случайной учебной программой.

Можно было бы, воспользовавшись этими отделениями как ядром, реорганизовать их таким образом, чтобы они выпускали музейных работников или лиц, которые могли бы, попадая в деревню, собирать этнологический материал, важность и срочность планомерного собирания которого неоспорима. Программа краеведных курсов должна быть резко и четко очерчена. Это не должны быть расплывчатые общеобразовательные курсы, но курсы с определенным практическим уклоном по тем или иным группам дисциплин. Если в данном городе имеется, благодаря присутствию нескольких специалистов и лабора-

торий, возможность провести, например, курсы по описательной биологии, то такие курсы следует организовать, не слишком обременяя их программами привходящими общими науками. В качестве примерной программы археолого-этнологических курсов я привожу здесь (см. дополнение) программу, составленную проф. А. Н. Максимовым и мною, принятой этнологическими разрядами в Российской Академии Истории Материальной Культуры и рассчитанной на слушателей, окончивших среднюю школу. Для успешного проведения тех или иных курсов, т. е. для того, чтобы они могли идти непрерывно или прерываться только на один или два определенных промежутка времени, в течение которых слушатели могли бы пройти необходимую литературу, такие курсы должны быть частично обслужены местными лицами, частично же специалистами ближайшего университетского центра. Конечно, лектора, преподаватели должны быть приглашены на краткосрочные курсы сообразно программе, но программа курсов отнюдь не должна строиться применительно к интересам и вкусам отдельных преподавателей, как это приходилось наблюдать на различных краткосрочных курсах последнего времени.

Краткосрочные курсы мыслятся мне продолжительностью от полугода до одного года. Если говорить о курсах двухгодичных,—я беру самый длительный срок,—то они уже будут почти институтом, отличаясь от него, конечно, своей эпизодичностью. Конечно, никакой официальной квалификационной марки или ярлыка такие курсы дать не смогут, и это обстоятельство должно быть учтено поступающими на курсы слушателями.

Прилагаемый к моему докладу примерный план археолого-этнологических краткосрочных курсов рассчитан на полгода или на год. Эти курсы могут быть полугодовыми или даже еще более краткосрочными, если занятия на них ведутся непрерывно, например, в случае командирования на такие курсы научных и музейных работников из уездов. Однако, для достижения большей плодотворности в курсовой работе, желательно вести преподавание на таких курсах в течение более длительного промежутка времени, с одним или двумя перерывами, что представляется возможным осуществить в тех случаях, когда состав слушателей исключительно местный, когда слушатели являются жителями данного города. Перерывы на курсах имеют целью предоставление слушателям возможности проработать некоторый литературный материал, пройти рекомендованные пособия, поработать практически в той или иной области.

Предполагаемая программа достаточно гибка, чтобы приурочить ее к своеобразию научных задач в каждом отдельном географическом районе. По количеству часов, отведенных каждому из читаемых курсов, эта программа является достаточно солидной. Так, например, общему курсу палеоэтнологии в ней отведены 24 лекционных часа, это почти университетский курс. Такими же представляются курсы общей истории культуры, общего народоведения и другие. Вследствие этого имеется возможность достаточно глубоко преподавать на курсах основные дисциплины.

Наряду с предметами общими, предлагаемая примерная программа включает также и предметы частные, относящиеся к данной местности,—такие, как география местного края, его история, этнография.

Конечно, как общие предметы, так и частные, могут быть обслужены частично местными преподавателями, поскольку это представляется возможным.

Курсы этнографии России и местной этнографии строятся в соответствии с числом народностей, представленных в данной местности. Если таковых народностей несколько,—увеличивается количество часов частного курса местной этнографии за счет курса этнографии России, если население данного района одного или двух этнических корней,—за счет частного курса увеличивается курс этнографии России.

В программе имеется также ряд привходящих, освещающих курсов, как, например, антропогеография, история искусств и др., без которых слушателям было бы трудно охватить сущность некоторых этнологических явлений и фактов.

Как уже было отмечено, теоретические курсы желательно проводить в два приема, с перерывом в 2-3 месяца для подготовки слушателей; с таким же перерывом должны вестись наиболее важные практические занятия и, в особенности, курс полевых исследовательских работ. Эти работы должны начинаться в виде совместных показательных работ руководителя и курсантов. Затем каждый слушатель ведет пробные полевые исследования самостоятельно в течение времени не менее 2-х недель, после чего руководитель проводит поверочный курс по собиранию и обработке материалов,—курс, типа семинария.

Таким образом, как мне думается, курсы, проведенные по предлагаемой программе, могут дать слушателям достаточно основательный теоретический научный фундамент, а также и серьезную практическую подготовку к самостоятельному собиранию, регистрации и изучению материалов.

Считаю необходимым еще раз подчеркнуть, что предлагаемые архелого-этнологические курсы не должны давать безусловного права на ведение самостоятельных археологических раскопок, т. е. на руководство ими. Эти курсы, в отношении палеоэтнологической специализации, имеют в виду выпуск лиц, умеющих искать археологические памятники *in situ*, проводить рекогносцировочные исследования их и вполне самостоятельно обрабатывать палеоэтнологические коллекции в местных музеях.

В заключение полагаю необходимым ответить на основной вопрос, который, конечно, не может не возникнуть в связи с моим докладом: как могут финансироваться предлагаемые мною институты и курсы. Вопрос о первых должен рассматриваться в той же плоскости, как и вопрос о реорганизуемых провинциальных университетах, причем необходимо иметь в виду, что при существующей у нас бедности квалифицированными научными силами институты имеют, быть может, больше шансов к существованию, чем некоторые из таких университетов, будучи более четко очерченными и имея более узкие задания. Что же касается курсов, то их организация совершенно неотделима от развития серьезной краеведной работы вообще, неотделима от отказа от кустарничества и плохого любительства, как она неотделима, быть может, и от вопроса о самом существовании для некоторых краеведных организаций. Вот почему организация курсов должна быть поставлена, как первоочередная задача, отдельными краеведными обществами или их ассоциациями.

Примерная программа

археолого-этнологических краткосрочных курсов ¹⁾.

Теоретические курсы:

	часы.
География местного края	8—12
Антропогеография	12
Геология с палеонтологией (преимуществ. третичный и четвер- тичный периоды).	12
Введение в антропологию и палеоантропологию	16
Общая история культуры	30
Общее народоведение	30
Палеоэтнология	24
История местного края	8—12
Введение в историю русского искусства	16
История русского быта	24
Этнография России	48—60
Местная этнография	8—24
Археология России	16
Музееведение	8
Охрана памятников	12
Методы этнологического собирания и исследования	12
Методы палеоэтнологических исследований и раскопок	16
Народная словесность	} один или два из них
" музыка	
" изобразит. искусство	
История верований	
Обычное право	

Практические занятия:

По геологии с палеонтологией	12
" антропологии	18
" палеоэтнологии	12
" музееведению	12
" бытовым древностям	12

Итого около. 380

Полевые работы:

По этнографии	} от 2-х недель до 2-х месяцев.	
" палеоэтнологии		
Поверочный курс по собиранию и обработке этнографических материалов		12—36
Поверочный курс по собиранию и обработке палеоэтнологи- ческих материалов		12—36

¹⁾ Принято Советом Объединенных Этнологических Разрядов Российской Академии Истории Материальной Культуры.

Изучение производительных сил страны и деятельность Российской Академии Наук в этом направлении.

Я хотел бы поделиться с вами некоторыми идеями и работами, которые возникли у нас в Академии Наук и осуществляются в Комиссии естественных производительных сил России, уже 6 лет работающей в области познания родной страны и ее богатств. Природные богатства, производительные силы—как часто за последнее время мы слышали эти слова и как часто в них не без страха улавливаем мы призыв к практической работе, к решению ставящихся жизнью практических проблем, вместо служения чистой науке. Было бы, однако, роковой исторической ошибкой так внешне отнестись к этим словам, не вникнуть в глубокие проблемы, вызванные в научном творчестве за последние годы. Для идеалистически настроенного славянского ума, для русской интеллигенции, столь чуждой и оторванной от практической жизни, внесение этой новой постановки научной работы не опасно, оно необходимо, жизненно и несомненно живительно. И чем тяжелее складываются условия экономической жизни, чем грознее тучи над благосостоянием народа и над народным хозяйством, тем сильнее мы чувствуем необходимость связать науку с изучением тех объектов, из которых сложена русская природа во всем многообразии ее неизмеримых пространств и колоссальных возможностей.

Именно этими идеями руководились мы, когда создавали наше объединение при Российской Академии Наук, когда мы пытались найти правильный подход к природным богатствам, независимо от их современного практического использования. Мы боялись чисто экономического освещения, зная, как изменчивы и проходящи экономические факторы в быстро текущей жизни, как широко и гибко изменяется ценность и полезность природных богатств в зависимости от успехов науки, техники, культуры. С каждым годом все новые и новые тела и явления природы вовлекаются в практический обиход человеческой культуры и мирового хозяйства. Понятие о производительных силах—растяжимо, условно, изменчиво, как изменчива сама жизнь. Вот почему мы прежде всего поставили себе задачу дать объективный обзор природных ресурсов России, в целой серии изданий свести воедино разрозненные данные, путем большой исследовательской работы изучить эти силы и формы их наилучшего использования. Из наших кадров вышли большие государственные научно-исследовательские институты, оптический, гидрологический, радиевой, керамический; в наших недрах еще работают Институт платиновый и физико-химического анализа, подготавливается Институт почвенный. Во

всех этих научно-исследовательских учреждениях изучаются свойства русской природы, намечаются пути к превращению ее в максимальные ценности промышленности и культуры.

Наконец, в качестве третьей большой задачи наша комиссия поставила себе целью изучение естественных производительных сил по отдельным районам России, их разделение по территории, их сочетания в отдельных областях, т. е. изучение всей той совокупности природных и государственных явлений, которые в целом создают экономическую характеристику отдельных районов русской земли. И мы подошли к этой третьей задаче познания самой России путем попытки собрать воедино весь тот разрозненный материал, который накоплен почти двухвековой работой русской научной мысли. Мы не любим сводить, подобно немцам, результаты своих работ и нередко сами забываем свои достижения, часто унося в могилу работы целой жизни. И, приступив к сведению всех наших данных о русской природе и ее богатствах, мы скоро убедились, что сделано в России гораздо больше, чем мы это думаем, что знаем мы о ней гораздо больше, чем напечатано, что в русских архивах и в ненапечатанных наблюдениях наших исследователей таятся еще огромные и ценные сведения.

Мы приступили к изданию описаний России под прежним заглавием „Россия“, поставив задачей дать описание отдельных районов России по тому описанию производительных сил, из которых складывается природа и население каждой области. Мы разбили всю территорию Европейской и Азиатской России на 23 района, очень близких к районам, намеченным Госпланом и для каждого из них начали составлять описания богатств почв, недр, воды, животного и растительного мира и т. д., по всем тем 17 элементам природных богатств, на которые мы искусственно разбили понятие производительных сил.

Для того, чтобы придать большую гибкость нашей работе, каждый выпуск посвящен отдельному вопросу и отдельному району. Иначе говоря, один выпуск посвящен животноводству того или другого края (напр. Кавказа), другой—человеку Якутского края и т. д. При этом все выпуски таким образом средактированы, что если вы сброшюруете все главы посвященные, например, почве всех 23 районов и затем закончите их последним выпуском общего характера, вы получите общее описание почв России. Если же вы их сброшюруете по разнородным главам, вы получите в одной книге все 17 глав, касающихся всех производительных сил той или другой области и таким образом получаете описание района, его богатств, его промышленности и населяющего человека.

Вот та канва, на которой была начата наша работа и в результате которой должно получиться 493 очерка, собранных в 17 отдельных глав по 23 районам. Издание выпускается в количестве 3 тысяч экземпляров. Около 60 выпусков уже имеется и около 15 уже отпечатано.

Однако на этом пути мы очень скоро убедились, что такая работа не сразу может достигнуть желательной полноты и ценности. Лишь постепенно видоизменяясь и пополняясь от издания к изданию, она сможет правильно освещать элементы многогранной природы края и их практическую ценность.

Сводки наших данных о России не может быть сделано раз навсегда, это постоянная исследовательская работа, из года в год ведущаяся инвентаризация народнохозяйственных благ. Но такая постоянная исследовательская работа не может вестись только в центре, она должна опираться на жизнь поставленную работу на местах, на местные живые силы.

И Академия Наук, в твердом сознании необходимости объединения вокруг этой идеи краеведческим учреждениям, считает нужным призвать их к совместной работе к познанию родной страны. Она видит в этом залог развития научного творчества на местах, она сознательно не боится временного утилитарного подхода на почве, однако, точных научных, методов; она считает, что в тяжелые годы экономических потрясений наука не может оставаться за 4 стенами, чуждыми запросов жизни; из жизни она должна черпать свои темы и свое вдохновение и в лаборатории научного творчества она сумеет научить элементы природы превращать в хозяйственные и культурные ценности.

Под этот флаг призываем мы стать краеведческие общества. Не бойтесь, чистая отвлеченная научная мысль не заглухнет за надвинувшимися запросами момента, она еще ярче и могучее осветит проблемы практики и еще незаметнее из тайников отвлеченного знания родит ценности практической жизни.

И мы предлагаем общими усилиями выработать те формы, на которых могла бы строиться наша общая работа по изучению производительных сил России и охране ее природных богатств.

Геологические исследования в небольших районах и их краеведное значение *).

Геологические данные можно получить в любом районе, геологические явления можно наблюдать всюду. Так, везде можно собрать образцы пород, из которых сложена данная местность, изучить порядки напластования. Везде можно прослеживать процессы физической геологии, как деятельность рек, дождевых вод, ветра. Даже при скудости геологических данных, когда геология района почти скрыта от глаз наблюдателя, благодаря отсутствию обнажений горных пород, все же можно найти достойные задачи в собирании материала доставляемого рытьем колодцев, канав, в детальном изучении различных наносов, слагающих подпочву.

Местные геологические исследования могут преследовать цели и общеобразовательные и научные. К первым относится задача—дать наглядное представление о геологии района, путем выставления в местном музее надлежаще подобранных коллекций пород и ископаемых (окаменелостей), иллюстрирующих геологическое строение местности и ее ископаемую фауну (и флору), а также—геологических карт с профилями к ним. Особое внимание может быть уделено полезным ископаемым района, как строительным камням, рудам, воде и т. д., на примере которых легко заинтересовать посетителей музея и ввести их в круг геологических представлений. Весьма необходимым является составление карты маршрутов с перечислением показательных пунктов для общеобразовательных экскурсий и затем—популярно написанных путеводителей, заключающих и геологический очерк района. Встречающиеся в данной местности окаменелости должны быть использованы и в смысле экскурсий в область общего знакомства с палеонтологией. Указанный путеводитель обязательно должен заключать инструкцию по собиранию и консервированию ископаемых остатков.

Ко вторым (научным) задачам следует отнести подробное геологическое изучение района, дающее в конечном итоге детальную геологическую карту, как „коренных“ пород, так и карту, так называемых „наносов“ (ледниковых или других послетретичных поверхностных образований), с соответственными профилями. Такие исследования могут дать уже гораздо более полное представление о геологическом устройстве данной местности и ее геологической истории. Кроме того,

*). Не имея возможности сколько-нибудь исчерпать тему и подробно развить положения, я даю здесь лишь конспективное изложение доклада, который был сделан на всероссийской конференции по краеведению.

при помощи местных исследований могут быть разрешаемы отдельные частные научные задачи, напр., специальное изучение ископаемой фауны или флоры какого-нибудь определенного геологического пласта, хорошо выраженного в данном районе.

Очевидно, что значение таковых (на местах местными силами) исследований не только местное, но и общее. Помимо важной роли этих геологических работ и их сводок для местной популяризации, как с целью образовательной, так и для использования на месте добытых завоеваний в области практической геологии (нахождение новых залежей руды, угля, камня и т. д.), таковые работы могут оказаться весьма ценным вкладом в общегеологическое изучение всей страны. При наличии местных сил и развитии краеведных обществ и музеев должно подвинуться изучение многих „забытых“ (лучше сказать: до которых за дальностью от центров не дошли) углов нашего отечества, и не только отдаленных углов, т. к. много почтенных научных еще очередных задач связано с местностями, очень близкими к главным научным центрам.

Не только изучение новых находок или углубление исследования классических памятников прошлого земли может входить в местные задачи; чрезвычайно важным является энергичное участие обществ краеведения и вообще местных сил в *охране геологических памятников*. Таковая охрана может быть проведена лишь при содействии местных сил. Самый вопрос об охране геологических памятников представляется не разработанным и в наших условиях, как и всякая охрана природы, более чем трудным. Участие местных сил поможет в самой разработке вопроса. Многие геологические памятники, как классические опорные обнажения той или другой системы, имеют общегосударственное значение (и для изучения и для обучения), но наблюдение за ними и возможная их охрана от естественного (природой) или насильственного (человеком) разрушения, может осуществляться только при живейшем участии в этом культурной части местного населения. Здесь же надо отметить и обоюдоострое значение популяризации геологии, служащей иногда к быстрому уничтожению какого-либо геологического памятника экскурсиями, пример чего мы знаем, напр., под Москвой. Наконец, в предостережение местным любителям, слишком ревностно относящимся к своим местным музеям, следует привести произошедший недавно (в одной из подмосковных губерний) братский дележ какой-то окаменелости, „голова“ которой поступила в губернский музей, а „хвост“ в уездный... Такие прискорбные курьезы, надеемся, редки. Обычно редкости гибнут просто благодаря отсутствию любознательности у громадного большинства населения.

Отметим, что ряд факторов способствует успеху местных работ. Так, тесная связь наблюдателей с данным районом, возможность длительных и повторных наблюдений и в различные сезоны года, связь с местными учреждениями, производящими работы, которые дают геологический материал, как гидротехнические сооружения и др. Связь между собой смежных областей также легко будет устанавливаться краеведами для изучения своего района;—не редко для освещения геологии района приходится выходить более или менее за случайные рамки „края“. При работе на местах для всестороннего изучения края с точки зрения различных дисциплин наглядно обнаруживается польза одновременных совместных исследований разных специалистов, как

геологи, почвоведы, ботанико-географы и т. д., подчеркивается взаимная зависимость естественных факторов, а работа делается продуктивнее.

Но надо ясно себе представлять, что даже при наличии на местах специалистов, работа по изучению края не может дать сколько-нибудь полных и научных результатов при оторванности специалистов от центральных научных учреждений с их библиотеками и пособиями. *Необходима всемерная связь с центром (м. б., местным областным), особенно с учреждениями, захватывающими своими общегосударственными геологическими исследованиями данный район или могущими давать общие указания*, Польза от такой связи должна быть взаимной. Необходимо организовать использование общегосударственных с'емок для обогащения научными данными и коллекциями местных музеев. Связь с обществами и учреждениями центра (Москва, Петроград, университетские города) может дать необходимую консультацию в различных вопросах при исследованиях, поможет направить работу, укажет задачи, связанные с изучением той или другой области (в особенности, если работа местного общества лишь нарождается), укажет литературу, может быть, и снабдит ею. В дальнейшем выступит на первый план обмен материалом. Напр., экспедиции центральных учреждений могут положить начало геологическому музею края, уделить возможное из своих коллекций, а в дальнейшем работа на месте этого музея (или общества) детализирует с'емку общую, углубит исследование, соберет большой дополнительный материал и, в свою очередь, сможет предоставить соответствующему центру, может быть, весьма ценный научный материал. Местные наблюдатели имеют возможность не упустить некоторые материалы, обычно ускользающие от исследователей из центра или доходящие до них в весьма неполном виде, как-то: материалы от бурений, рытья колодцев, временных разрезов выемок при гидро-технических, железно-дорожных и др. работах (напр., о сооружениях местных веток ж. д. в центре мы узнаем случайно). Такие разрезы и образцы из них часто имеют исключительное значение при скудости геологических данных для того или другого края, и только местные ревностные исследователи, часто простые любители природы и своего края, могут своевременно использовать, собрать и даже изучить такой материал и сохранить его не только для местного музея, но и поделиться им (в обмен) с заинтересованными учеными в центре. Связь с центром необходима еще и потому, что собранный на месте, напр., палеонтологический материал, в большинстве случаев не может получить здесь надлежащей научной обработки, для которой неизбежно пользование более или менее обширной литературой, большей частью иностранной, имеющейся лишь в библиотеках специальных институтов и старых ученых обществ, и должен отсылаться для описания и даже лишь для определения в центр. От этого в результате познание местной ископаемой фауны или флоры скорее продвинется и одна из краеведных задач будет тем самым выполнена.

Но есть известный минимум научной обстановки, без которого трудно мыслить сколько-нибудь сознательное собирание материала на местах и его самую предварительную обработку. Это—*обладание основной геологической литературой по данному району*. Таковая литература обычно представляет библиографическую редкость. Придется, может быть, делать сводки по геологии районов, с указанием литературы и организовать их издание. Такие сводки желательно снабдить изобра-

жениями характерных руководящих окаменелостей, геологической (хотя бы схематичной) картой и профилями,—для первой ориентировки местным исследователям. В некоторых случаях полезно передать старые основные работы, освещающие геологию края.

На *периодических с'ездах*, главным образом, областных, местных деятелей возможен обмен результатами и опытом для дальнейшего направления дела местных геологических исследований. На таких с'ездах должны читаться сообщения научного характера о результатах местных исследований, особенно имеющих значение для всей области, а также доклады организационного характера, касающиеся научной и просветительной деятельности краеведных организаций, знакомящие с постановкой дела на местах и в центре, как областном, так и всероссийском. С этим мыслится неразрывно—*центральное (справочное) бюро с показательным музеем, включающее геологический отдел*. Такое учреждение призвано инструктировать обращающихся к нему местных работников по соответственной специальности. Оно же способствует снабжению литературой. Будучи и связующим звеном между многими районами или даже областями, оно будет накапливать сведения и отдельные нередко разрозненные местные данные, которые впоследствии могут быть увязаны и научно сведены специалистами по соответственному вопросу и не пропасть даром. Главное значение бюро—консультативное по научным и организационным вопросам.

Заканчивая свое сообщение, я приветствую натуралистов, работающих в области местной геологии, в особенности „любителей“, так много уже сделавших для русской геологии. Вместе с тем выражаю пожелание, чтобы настоящая конференция сразу положила начало живой связи для осуществления организации дела на местах и помощи из центра.

То, что казалось нужным отметить по отношению краеведной геологии, разумеется, приложимо в большой мере и к другим отраслям (и не только естествознания); давая общие положения, приходится несколько выходить из рамок темы. Но голоса местных работников поставят определенные вопросы и задачи, и, может быть, не сейчас мы сможем на все ответить, так как дело новое, и только совместной работой можно его начать организовывать. Можно думать, что пора для этого настала. Никакие кризисы не должны нас смущать,—развитие краеведения и, в частности, необходимо-связанные с этим успехи рациональной геологии—залог скорейшего поднятия производительных сил страны.

«Значение установления растительных сообществ в деле изучения края».

Что такое растительные сообщества, какое они имеют значение для краеведения, как их исследовать—вот вопросы, ответ на которые я должен дать в своем докладе.

Итак, что такое растительные сообщества? Растения страны находятся под непрерывным воздействием разных географических агентов: тепла и влажности воздуха, формы поверхности, почвы, ветра, стоячих и текущих вод, человека с его разнообразной деятельностью, домашних и диких животных (птиц, насекомых и др.). Различные растения относятся к этим агентам различно: одни вымирают, другие едва выживают, третьи—процветают, четвертые—распределяются в ширь, пятые—изменяются и т. д. Мало-по-малу растительность под влиянием этих агентов приспособляется к воздействию всех этих агентов и постепенно распределяется на группы, которые благополучно уживаются под действием тех или других причин, так например: равнинный рельеф, длинное жаркое лето и недостаток влаги в течение большей части года создают сухую степь; обилие застойных поверхностных вод в замкнутых котловинах при климатических условиях средней России дает моховое или торфяное болото; при достаточном, но не избыточном орошении—песчаный грунт и при тех же климатических условиях и при неровном рельефе даст сосновый бор. Такие природные группы имеют строго определенный флористический состав например: в сухом сосновом бору в качестве подлеска встречаются вереск, брусника, два три вида грушанок и т. д.; состав этот определяется совокупностью географических условий местности. Все растения этих природных групп, находясь под влиянием одинаковых окружающих условий, живут общей жизнью и, в свою очередь, оказывают друг на друга определенное воздействие (в смысле затенения, защиты от ветра, орошения, сохранения влаги и т. п.). Такие комплексы растений, являющиеся результатом географических условий и живущие общей жизнью, и называются растительными сообществами.

Примером таких растительных сообществ являются: луг, еловый лес, торфяное болото, осоковое болото, ковыльная степь, полынная степь и т. д. Таких растительных сообществ в крае бывает множество и характер и распределение их для края имеют огромнейшее значение.

Все перечисленные географические факторы, как-то: форма поверхности, климат, ветер, текущие и стоячие воды, почва, растительность, животный мир, человек и его деятельность, оказывают друг на друга определенное воздействие, не только на растение, но и друг на друга,—и сами они находятся под воздействием друг друга: т. к. климат влияет на форму поверхности, а форма поверхности

влияет на климат, реки влияют на растительность, а растительность на реки и т. д. В результате такого взаимодействия каждая местность приобретает совершенно определенную физиономию и называется „географическим ландшафтом“. Географич. ландшафты могут быть весьма различны и носят обыкновенно название по тем географическим явлениям, которые имеют доминирующий характер, по тем явлениям, которые придают ландшафту его физиономию. Поэтому названия ландшафтов так пестры и разнообразны; мы имеем горный ландшафт, степной, озерный, моренный ландшафты, даже ландшафт фабрично-заводской страны, все это строго определенные географические понятия. Распределение таких ландшафтов по краю имеет для краеведения громадное значение, ибо каждый ландшафт обуславливается совокупностью целого ряда явлений: напр., указав, что в такой то местности имеется горный ландшафт, тем самым определяем его рельеф, растительность, население, животный мир, характер деятельности населения, многие особенности быта этого населения и даже некоторые особенности его духовного облика. Можно сказать, что если-бы краеведам удалось составление карты распределения в стране географических ландшафтов, это создало бы могучую опору краеведению, оказав больше—это дало бы почти 90% всех признаков краеведения.

Само собой разумеется, и растительные сообщества в деле создания географических ландшафтов имеют огромное, часто первенствующее значение. На это указывают и сами названия соответствующих ландшафтов: степной ландшафт, пустынный ландшафт, ландшафт сухого составного бора,—явно, что здесь доминирующим признаком является растительное сообщество.

Но влияние растительных сообществ гораздо больше: оно не ограничивается только созданием отдельных характерных географических ландшафтов. Значение растительных сообществ для краеведения гораздо шире, и влияния гораздо глубже, чем это кажется с первого раза.

Прежде всего растительные сообщества оказывают громадное влияние на животный мир, и распределению растительности в стране строго соответствует распределение животных. При этом в зависимости от растительности распределяются по стране не только травоядные животные, непосредственно с растительностью связанные, но и хищники, ибо, во-первых, травоядные составляют основу жизни хищников, и во-вторых, растительные сообщества создают удобные условия существования для хищников—они дают им убежище—в траве, в кустарниках, на деревьях, под корнями...

Каждому растительному сообществу свойственен свой животный мир, например, сосновому лесу свойственны: белки, большой пестрый дятел, клесты, сосновый шелкопряд, некоторые жуки-дровосеки. Степи свойственны грызуны—суслик, сурок, тушканчик, слепыш, слепушонка, полевые мыши, перевязка, а также лисица, которая встречается, как в лесу, так и в степи, но здесь находит для себя особенно богатую пищу; из птиц—степи свойственны дрофа, всевозможные хищные птицы, которые свойственны и лесу и степи, привлекаемые обильной пищей, встречаются в степи в таком количестве, что нельзя себе представить степи без парящего над ней хищника; этому же сообществу свойственен и целый ряд характерных насекомых, преимущественно различные прямокрылые: саранча, воблыки и др.

Растения и животные настолько сроднились между собой, что во многих случаях, зная растительные сообщества края и их распределение, можно заранее рассказать распределение животных по стране, и обратно, когда вам из данного угла страны принесут несколько характерных животных, вы вполне можете сказать, что в этом углу страны должны существовать такие-то и такие-то растительные сообщества.

Однако не только животные, но и другой, казалось бы, так мало связанный с растениями фактор, как климат, зависит в значительной степени от распределения растительных сообществ. Так, леса определенно защищают отдельные части страны от ветра: леса являются безусловно препятствием для многих ветров—для движения воздуха в высших слоях атмосферы—а защита от ветра имеет целый ряд результатов, в самых различных областях: в области садоводства, хлебопашества, распространения растений и животных.

Болота увлажняют климат, способствуют сохранению влаги, и не только сохранению ее, но и появлению обильной росы, в то время, когда в других местах господствует засуха. Торфяники своими испарениями понижают температуру, создавая даже „полярные“ условия в местах, имеющих климат средней России; в качестве яркого примера я напому такой факт, что летом, в июле месяце, под Москвой на торфяных болотах моховой покров смерзался *) (при 0°, у самой поверхности торфяника). Это уже такое характерное влияние растительного сообщества на климат, ярче которого трудно себе что-нибудь представить.

Наконец, растительные сообщества и их распределение оказывают огромное влияние и на человека, как с одной стороны на его хозяйственную деятельность, так с другой стороны на его материальный, и даже, до некоторой степени, его духовный быт.

Влияние растительных сообществ на занятия человека вполне определено и, я бы сказал, непосредственно. Возьмем примеры. В степной стране первым занятием населения является массовое скотоводство. Впоследствии, если почва плодородна, массовое скотоводство заменяется отчасти хлебопашеством; при этом совершенно определено зная, что такой-то участок степи заселен недавно, можно сказать, что главным занятием жителей, будет массовое скотоводство—отарное скотоводство, колоссальные стада рогатого скота и т. д.; это свойственно степным участкам в первое время их обработки. Точно также в лесной стране совершенно определенным занятием жителей являются лесные промыслы—пилка, сплавка леса, гонка смолы, сдбка дегтя и связанные с этим кустарные промыслы, мебельный, токарный, и вблизи воды—судоостроительное дело; примеры такого влияния леса можно видеть, где угодно. Рядом с этим в лесных местностях в жизни населения большую роль играют такие промыслы, как ореховый, грибной, ягодный. В некоторых местах России, эти промыслы имеют огромное значение для всей жизни страны—я напому хотя бы промысел „шишкование“ в Сибири, играющий там в некоторых местах большую роль, нежели хлебопашество.

Также характерно влияние луга: при наличии больших заливных лугов, независимо от того, давно заселена страна или недавно, густо или редко, всегда на первый план выступает скотоводство (в

*) Наблюдения профессора А. Ф. Флерова.

частности разведение крупного рогатого скота), к которому в подгородных (или особо благоприятных по условиям сбыта) местностях присоединяется промышленное огородничество, (но скотоводство в больших размерах почти исключительно молочное все же остается—вспомним хотя бы подмосковные местности по Москве-реке). И таких примеров можно привести целую массу (торфяное дело на сфагновых и моховых болотах и т. д.).

Влияние растительных сообществ на материальный быт человека, на его жилище, пищу, утварь, тоже очень велико. В лесных местностях дома деревянные, нередко в два, даже три сруба, углы рублены в крест—деревя не жалеют—дома часто в два этажа, крыши покрыты тесом. В безлесных степных местностях дома глинобитные (мазанки), сырцовые (Туркестан) или каменные, крыши соломенные, или камышевые, у кого побогаче—черепичные, а при малом количестве осадков плоские, глинобитные. В лесных местностях утварь деревянная: деревянные чашки, миски, плоски, ложки. В других местностях изделие из березы: туеса, берестяные корыта...

Здесь определенные растительные сообщества и материальный быт идут рука об руку, и, зная, например, что в данной стране в утвари играют роль берестяные изделия, можно сказать, что в этом крае много березового леса, так что можно березы не жалеть и драть бересту, еще когда дерево стоит. Топливо в лесной местности—дрова, а в степной солома, подсолнечные стволы и донца, подсолнечная и гречишная лузга, т. е. различные продукты степи.

Пища лесного человека—грибы, дичь, ягоды, орехи. Я позволю себе привести один в высшей степени характерный факт. В Вологодской губернии и в смежной с ней части Архангельской губернии, в Шенкурском уезде, например, грибной промысел заменяет огородничество. Грибы даже называются овощем, и в определенное время целые деревни выезжают в лес „за овощем“, живут там неделями и консервируют грибы во всех видах: солят, сушат и потом питаются круглый год, особенно в посты. Даже такая определенная черта быта, как народные лакомства, связаны с определенными растительными сообществами, я позволю себе напомнить здесь один любопытный факт. Существует растение—водяной орех (Тара—*natans*)—растение редкое, вымирающее и разбросанное в России в самых различных местах, начиная с губерний северных, и кончая крайним югом (Кубанская область); и всюду, где оно встречается, там на базарах вы встретите эти водяные орехи, или как их иногда называют „чертовы орехи“, как определенное народное лакомство, рядом с подсолнухом и тыквенным семенем.

Влияние растительности на духовный быт человека, конечно, значительно менее уловимо, и в этом случае этнографы могут сказать гораздо больше, нежели скажу я. Но и нам, географам, нельзя не отметить этой связи между растительными сообществами и духовным бытом населения. Определенные обычаи связаны с широким распространением того или другого растения. Вспомните рождественскую елку, которая есть там, где растет ель и отсутствует на Украине или в среднем Поволжье, где нет ели (напомню, что в Западной Европе елка заменяется другими видами вечно зеленых растений, например падубом). Вспомните украшения березкой домов на Троицу, весенние народные хождения „с березкой“ и т. д., и в народной литературе мы найдем влияние отдельных растений и растительных

Растения и животные настолько сроднились между собой, что во многих случаях, зная растительные сообщества края и их распределение, можно заранее рассказать распределение животных по стране, и обратно, когда вам из данного угла страны принесут несколько характерных животных, вы вполне можете сказать, что в этом углу страны должны существовать такие-то и такие-то растительные сообщества.

Однако не только животные, но и другой, казалось бы, так мало связанный с растениями фактор, как климат, зависит в значительной степени от распределения растительных сообществ. Так, леса определенно защищают отдельные части страны от ветра: леса являются безусловно препятствием для многих ветров—для движения воздуха в высших слоях атмосферы—а защита от ветра имеет целый ряд результатов, в самых различных областях: в области садоводства, хлебопашества, распространения растений и животных.

Болота увлажняют климат, способствуют сохранению влаги, и не только сохранению ее, но и появлению обильной росы, в то время, когда в других местах господствует засуха. Торфяники своими испарениями понижают температуру, создавая даже „полярные“ условия в местах, имеющих климат средней России; в качестве яркого примера я напому такой факт, что летом, в июле месяце, под Москвой на торфяных болотах моховой покров смерзлся *) (при 0°, у самой поверхности торфяника). Это уже такое характерное влияние растительного сообщества на климат, ярче которого трудно себе что-нибудь представить.

Наконец, растительные сообщества и их распределение оказывают огромное влияние и на человека, как с одной стороны на его хозяйственную деятельность, так с другой стороны на его материальный, и даже, до некоторой степени, его духовный быт.

Влияние растительных сообществ на занятия человека вполне определено и, я бы сказал, непосредственно. Возьмем примеры. В степной стране первым занятием населения является массовое скотоводство. Впоследствии, если почва плодородна, массовое скотоводство заменяется отчасти хлебопашеством; при этом совершенно определено зная, что такой-то участок степи заселен недавно, можно сказать, что главным занятием жителей, будет массовое скотоводство—отарное скотоводство, колоссальные стада рогатого скота и т. д.; это свойственно степным участкам в первое время их обработки. Точно также в лесной стране совершенно определенным занятием жителей являются лесные промыслы—пилка, сплавка леса, гонка смолы, сдкка дегтя и связанные с этим кустарные промыслы, мебельный, токарный, и вблизи воды—судоостроительное дело; примеры такого влияния леса можно видеть, где угодно. Рядом с этим в лесных местностях в жизни населения большую роль играют такие промыслы, как ореховый, грибной, ягодный. В некоторых местах России, эти промыслы имеют огромное значение для всей жизни страны—я напому хотя бы промысел „шишкование“ в Сибири, играющий там в некоторых местах большую роль, нежели хлебопашество.

Также характерно влияние луга: при наличии больших заливных лугов, независимо от того, давно заселена страна или недавно, густо или редко, всегда на первый план выступает скотоводство (в

*) Наблюдения профессора А. Ф. Флерова.

частности разведение крупного рогатого скота), к которому в подгородных (или особо благоприятных по условиям сбыта) местностях присоединяется промышленное огородничество, (но скотоводство в больших размерах почти исключительно молочное все же остается—вспомним хотя бы подмосковные местности по Москве-реке). И таких примеров можно привести целую массу (торфяное дело на сфагновых и моховых болотах и т. д.).

Влияние растительных сообществ на материальный быт человека, на его жилище, пищу, утварь, тоже очень велико. В лесных местностях дома деревянные, нередко в два, даже три сруба, углы рублены в крест—деревя не жалеют—дома часто в два этажа, крыши покрыты тесом. В безлесных степных местностях дома глинобитные (мазанки), сырцовые (Туркестан) или каменные, крыши соломенные, или камышевые, у кого побогаче—черепичные, а при малом количестве осадков плоские, глинобитные. В лесных местностях утварь деревянная: деревянные чашки, миски, плошки, ложки. В других местностях изделие из березы: туеса, берестяные корыта...

Здесь определенные растительные сообщества и материальный быт идут рука об руку, и, зная, например, что в данной стране в утвари играют роль берестяные изделия, можно сказать, что в этом крае много березового леса, так что можно березы не жалеть и драть бересту, еще когда дерево стоит. Топливо в лесной местности—дрова, а в степной солома, подсолнечные стволы и донца, подсолнечная и гречишная лузга, т. е. различные продукты степи.

Пища лесного человека—грибы, дичь, ягоды, орехи. Я позволю себе привести один в высшей степени характерный факт. В Вологодской губернии и в смежной с ней части Архангельской губернии, в Шенкурском уезде, например, грибной промысел заменяет огородничество. Грибы даже называются овощем, и в определенное время целые деревни выезжают в лес „за овощем“, живут там неделями и консервируют грибы во всех видах: солят, сушат и потом питаются круглый год, особенно в посты. Даже такая определенная черта быта, как народные лакомства, связаны с определенными растительными сообществами, я позволю себе напомнить здесь один любопытный факт. Существует растение—водяной орех (Trapa—natans)—растение редкое, вымирающее и разбросанное в России в самых различных местах, начиная с губерний северных, и кончая крайним югом (Кубанская область); и всюду, где оно встречается, там на базарах вы встретите эти водяные орехи, или как их иногда называют „чертовы орехи“, как определенное народное лакомство, рядом с подсолнухом и тыквенным семенем.

Влияние растительности на духовный быт человека, конечно, значительно менее уловимо, и в этом случае этнографы могут сказать гораздо больше, нежели скажу я. Но и нам, географам, нельзя не отметить этой связи между растительными сообществами и духовным бытом населения. Определенные обычаи связаны с широким распространением того или другого растения. Вспомните рождественскую елку, которая есть там, где растет ель и отсутствует на Украине или в среднем Поволжье, где нет ели (напомню, что в Западной Европе елка заменяется другими видами вечно зеленых растений, например падубом). Вспомните украшения березкой домов на Троицу, весенние народные хождения „с березкой“ и т. д., и в народной литературе мы найдем влияние отдельных растений и растительных

сообществ: вспомните „белую березу“, „горькую осину“, „широкую степь“, „ковыль траву“ и т. д.

Переходим к последнему вопросу: какие существуют способы установления растительных сообществ, в стране и состава этих сообществ и их распределения. Для того, чтобы получилась картина распределения растительных сообществ необходимо, конечно, прежде всего уметь констатировать те или другие сообщества. Для установления растительных сообществ существуют два способа: способ маршрутный и способ стационарный. Способ маршрутный заключается в том, что исследователь берет себе определенную местность и искрещивает ее по всем направлениям, по возможности связывая свои путешествия с имеющимися картами, главным образом двух или трех верстными, которые дают понятие о распределении возможно большего числа географических факторов, напр. рельефа (формы поверхности), вод, и в грубых чертах даже растительности (леса). Имея перед собой такую карту, исследователь избирает себе маршрут и по нем констатирует различные растительные сообщества. Есть другой способ, более детальный и гораздо более совершенный, может быть менее удобный в том смысле, что даст менее в определенное время. Это стационарный способ, он употребляется в тех губерниях, где имеются ботанические центры: опытные станции, ботанические кабинеты и музеи (напр. в Воронежской губ. кабинет сельско-хоз. института, прославившийся детальными исследованиями ближайших окрестностей прямо на месте). При таком способе сначала производятся детальные исследования ближайших окрестностей, наносятся на карту растительные сообщества, затем работы продвигаются несколько дальше, и так мало-по-малу, постепенно раздвигая пределы, исследуется целый район. Затем исследование передвигается в другой район, где может быть устроена подобная же исследовательская база и т. д.

Оба эти способа имеют свои достоинства и свои недостатки и оба, я бы сказал, необходимы: маршрутный способ необходим для первоначального ознакомления с растительностью страны, стационарный способ нужен для более детального изучения растительных сообществ, их распределения и их состава.

Какими способами закрепляется состав растительных сообществ? Таких способов можно указать два: во 1-х записывание и 2-х гербаризация. Многие ботаники рекомендуют способ записывания растительных сообществ, что особенно удобно при маршрутном способе: когда человек едет по стране, то он часто не имеет возможности останавливаться долго в данной местности, увидев то или другое растительное сообщество, он останавливается, слезает с лошади и записывает флористический состав данного сообщества. Затем он накрещивает, по возможности это сообщество пешком, или на лошади (когда сообщества распространяются на более значительное пространство) и записывает растительный состав сообщества и его изменения в отдельных местах, и так делается с одним, другим сообществом и постепенно, таким образом, обследуется вся сторона. Такой способ очень удобен; при нем довольно быстро можно обследовать страну, но у него есть огромные недостатки. Во-первых, записывать может только человек, очень знающий систематику и хорошо знакомый с подобными сообществами, ибо полевое определение не всегда возможно, и, конечно, даже знающему ботанику при записывании наиболее сомни-

тельные формы приходится брать с собой для определения, а во-вторых, ботаническая, как и зоологическая, науки раздробили виды на такое бесконечное количество второстепенных видов, полевое определение которых невозможно, а вместе с тем с этим раздроблением приходится считаться тем более, что часто известные мелкие виды связаны с определенными географическими условиями, я должен к сожалению сказать о том, что раздробление видов сложных полиморфных на подвиды было бы более целесообразным, чем раздробление одного на бесконечные виды.

В виду всего сказанного более целесообразен, или, я бы сказал, более совершенен другой способ, способ гербаризации. Недостаток его очень большой: медленность собирания и засушивания растений требует значительной затраты сил, а главное, времени и при маршрутном способе создает большие задержки. Поэтому, конечно, лучше всего, если эти два способа можно комбинировать, причем у исследователя должен быть помощник, специально занятый сохранением и сушкой растений под руководством исследователя. Такая комбинация записывания с гербаризацией представляет идеальный способ установления растительных сообществ в крае.

Закрепление сведений о распределении растительных сообществ тоже возможно несколькими способами. Я укажу из них такие, которые представляются мне наиболее целесообразными.

Во первых, главное—нанесение на карту; если у вас есть карта достаточно крупного масштаба, то растительные сообщества наносятся прямо на черную карту, причем это нанесение на карту цветными карандашами или каким-нибудь другим способом может производиться при маршрутном или стационарном способе исследования.

Закрепление состава и физиономии растительных сообществ, кроме гербаризации, делаются еще фотографиями сообществ и характерных растений в их естественной обстановке. Такие фотографии сообществ и отдельных растений в их естественной обстановке дают полное представление о ботаническом ландшафте, а часто и других, связанных с растительностью явлениях.

Наконец, третий способ, очень существенный и очень интересный, но не всегда удающийся, но совместно с другими способами имеющий большое значение—это зарисовка художником растительных сообществ красками.

Такое цветное изображение растительных сообществ очень важно, потому часто раскрывает целый ботанический ландшафт, как этого не может дать ни гербарий, ни черная фотография; такой способ дает, напр. представление об окраске растительных сообществ по временам года—весенней, осенней, особенно характерной для северных частей России, где смена цветов ярко выражена буквально по неделям.

Ботаник и даже не ботаник знают, напр., что луговая флора приобретает в течение периода цветения в летний сезон 2—3 (и более) различных окраски. Сначала доминирует цвет желтый, затем лиловый с красным, затем лиловый выпадает, остается красный, потом выступает белый, когда цветет ромашка, иногда смешанный с лиловым, если в это время цветут колокольчики. Такие смены очень важно было бы занести на картину, как дополнение к фотографируемой картине.

В дополнение скажу еще два слова о фотографировании сверху (с аэроплана, с цеппелина) и о цветной фотографии. Что касается до фотографирования растительных сообществ сверху, то я думаю, что оно может иметь громадное значение. В деле картографии фотография сверху уже признана и принята наукой; в частности фотография сверху растительных сообществ даст прекрасную картину распределения крупных сообществ. Особенно для грубого распределения леса, полей, луга, болот—это незаменимый способ первоначальной ориентировки. Что же касается цветной фотографии (или черной фотографии), то этот способ может дать хорошее дополнение к рисунку, но это вещь такая трудная, такая малодоступная, а главное такая мало продуктивная (каждый снимок получается только в одном экземпляре), что при настоящих условиях серьезного значения этому способу придавать не приходится.

Итак, конечная цель всех указанных мною работ есть составление карты растительных сообществ в масштабе не менее версты (и в крайнем случае двух верст).

Такой карты нет ни для одной части России, даже для Московской губернии, одной из наиболее исследованных губерний. Такая карта необходима для всей России, и обязанностью краеведных деятелей является составление такой карты. Рядом с этим необходимы и гербарии всех типичных растительных сообществ, ибо нанесенный на карту, например, сосновый лес еще не обозначает полностью его состава: в разных местах России сосновый бор может иметь различный видовой состав. Необходимы гербарии и по сообществам с точным приурочением к месту сбора. Желательно сопровождение карты хорошими фотографиями, если можно и цветными рисунками. И то и другое должно быть взято в наиболее характерный для данного сообщества момент; очень желательны также фотографии и рисунки отдельных растений, составляющих сообщества.

Собранный и зафиксированный, таким образом, ботанический материал и даст нам то распределение растительных сообществ, о значении которого я говорил в первой части своего доклада.

Районирование в зоологических наблюдениях и исследованиях как одна из основных задач краеведения.

Что такое районирование зоологических наблюдений? Я определяю это понятие таким образом: районирование зоологических наблюдений и исследований заключается в приурочении их к определенному топографическому району, характеризующемуся определенными физико-географическими условиями, и имеет своей конечной целью выяснение сложных взаимоотношений между организмами и теми свойствами окружающей среды, которые характерны для данного района.

Районирование является обязательным условием целого ряда исследований, каковы, например, исследования географические, физико-географические, зоогеографические, фитогеографические, ойкологические. Всякое исследование вообще может быть производимо или с принятием во внимание условий пространства и времени, или без принятия во внимание этих условий. Конечно, все происходящее в природе происходит в определенных условиях пространства и времени, в том числе и всякое исследование, но далеко не во всяком исследовании нужно принимать эти условия во внимание, как нечто, подлежащее учету и анализу в самом ходе исследования. Когда мы производим топографо-анатомическое или сравнительно-анатомическое исследование строения животных, то, при известном направлении работы, исследователю может быть безразлично, из какой местности происходит животное, в какое время года, при какой температуре и т. п. оно поймано. Целый ряд химических реакций будет происходить в наших пробирках, ретортах и колбах одинаково и зимой, и летом, и в комнате, и на открытом воздухе, и в Европе, и в Австралии. По крайней мере, при современном состоянии наших знаний мы не могли бы уловить никаких отличий в ходе целого ряда реакций в зависимости от местных условий. Точно также многие физические явления, действия целого ряда физических приборов будут происходить для нашего наблюдения совершенно одинаково под разными широтами и в разное время года. Было бы в высшей степени интересно, если бы химики и физики углубили анализ изучаемых ими явлений с точки зрения зависимости их от условий местности, климата, времени года и т. п.

Есть некоторые физические явления, где зависимость от местности выступает весьма ясно. Возьмем прежде всего явления магнитные. Элементы земного магнетизма различны в разных местах земного шара. Изучение земного магнетизма приводит к составлению магнитных карт с нанесением на них или изогон, т.-е. линий равного склонения, или изоклин, т.-е. линий равного наклона, или изодинам, т.-е. линий равной магнитной силы. Всякое составление карт, приуроченное к географическому распределению какого-нибудь естественно-исторического явления, есть *районирование*. В вопросе о земном магне-

тизме особенно ярко выступает районирование при изучении ненормального распределения земного магнетизма, так называемых „магнитных аномалий“, самая крупная из которых находится в Курской губернии.

Сила тяжести, изучаемая с помощью качания маятника, тоже различна в разных местах земного шара. Маятник качается различно в разных местностях, и можно говорить о районировании наблюдений над качанием маятника. В этом вопросе интересно привести один оригинальный факт. Известно, что горы своею массою влияют на качание маятника, увеличивая действие силы тяжести. И вот оказывается, что Гималайские горы не влияют на качание маятника так, как они должны были бы влиять. С точки зрения математика, изучающего качание маятника, Гиммалаев как бы не существует... Высказывать какие-либо гипотезы относительно этого явления не входит в задачу моего доклада, я отмечаю вышеуказанный интересный факт, как яркий пример возможности районирования распределения силы тяжести.

Укажем далее, что кипение воды совершается при разной температуре на разных высотах—опять пример физического явления, подлежащего районированию. Химический состав воды чрезвычайно изменчив в разных местностях земного шара, а что касается морской воды, то громадная поверхность океанов и морей подлежит районированию на основании целого ряда признаков, что и составляет одну из задач океанографии. Почвоведение приводит нас к самому определенному районированию, равно как и климатология.

Таким образом, если мы внимательно проанализируем условия окружающей нас природы, то увидим, что у каждой данной местности, у каждого района имеется своя земля, свое небо, свое солнце, свой воздух, свой климат, а следовательно и своя жизнь. Что такое жизнь? Это проявление мировой энергии в органических формах. Проявления эти бесконечно сложны и разнообразны и зависят от бесконечной сложности и разнообразия тех условий, в которых они проявляются. Если бы мы могли вполне понять всю эту сложность и все это разнообразие, мы бы поняли, что такое жизнь. Естествоиспытатель не может вести свои исследования вне определенных рамок, он должен по возможности суживать пределы своего исследования. Он его суживает прежде всего по отношению к объектам наблюдения, доводя изучение до отдельного экземпляра, он должен его суживать и по отношению к району.

Я ставлю вопрос о районировании зоологических исследований с такой широкой точки зрения в виду того, что на съезде краеведения вопрос о районировании занимает первенствующее место. Я считаю вообще, что районирование есть один из основных приемов изучения природы в области известных дисциплин. Возьмем для примера зоогеографию. Одна из основных задач ее разделить земной шар на районы, сперва крупные, потом более мелкие, сперва на зоогеографические области, потом на подобласти, провинции, округа, полосы. Терминология здесь не вполне строго выработана по отношению к более мелким районам, разные авторы понимают термины различно,*)

*) Считаю не лишним привести здесь те подразделения зоогеографических областей, которые принимает авторитетный зоогеограф М. А. Мензбир в своем приведенном ниже труде: область, подобласть, провинция (зона), подпровинция, округ, участок.

но как бы то ни было, зоогеограф несомненно занимается районированием своих исследований. Это районирование сказывается иногда весьма своеобразно на самой методике фаунистических и систематических работ. Дело в том, что при современном состоянии систематики нередко работа систематика и фауниста ведется не в мировом масштабе, а применительно к определенному, хотя бы и весьма большому району земного шара. Так, например, систематики энтомологи нередко ограничивают пределы изучения, как сравнительного материала, так и литературы, только палеарктической областью или присоединяют к этому имеющую много сходных видов неарктическую. Делается это прежде всего из за технических трудностей и даже невозможности собрать литературу и сравнительный материал в более широком масштабе, но, как бы то ни было, ограничение работы определенной зоогеографической областью уже можно подвести под понятие „районирования“ в самом широком смысле слова. Когда речь идет о более мелких зоогеографических единицах, как провинции, округа и т. п., принцип районирования при исследовании проявляется еще ярче. Чтобы характеризовать правильно фауну сравнительно небольшого района и ее зоогеографические особенности, необходимо весьма тщательное чисто районное исследование. Для зоогеографии России мы имеем уже работы, где идет речь о мелких зоогеографических районах. Такова работа М. А. Мензбира „Зоологические участки Туркестанского края и вероятное происхождение фауны последнего“, напечатанная в прекратившемся во время революции издании „Временник общества содействия успехам опытных наук и их практических применений имени Х. С. Леденцова“ (приложение к № 4 1914 г.), в которой он делит Туркестан на 6 зоогеографических участков. Такова работа покойного К. А. Сатунина: „О зоогеографических округах Кавказского Края“ (Изв. Кавк. Музея т. VII, 1912), где Кавказ делится еще более дробно, на одиннадцать округов (участков по терминологии Мензбира), весьма близко совпадающих с фитогеографическими „областями“ (участками), принятыми известным знатоком флоры Кавказа Я. С. Медведевым. Есть и более широкая попытка К. А. Сатунина разделить всю Российскую Империю на зоогеографические единицы, основываясь на распространении млекопитающих.*) Он устанавливает в пределах бывшей Российской Империи две подобласти: „европейско-азиатскую“ и „пустынную“. Первую он делит на следующие семь частей: полоса тундры, тайги, островных лесов, степи, побережья и островов, Кавказ и Закавказье. Полосу тайги он делит на провинции: северно-европейскую, урало-сибирскую, восточно-сибирскую, Сахалин, Камчатку, северно-китайскую провинцию. Полосу островных лесов он делит на провинции: средне-европейскую, юго-западно-сибирскую и даурскую. Полосу степи—на провинции черноморско-уралобарабинскую, полосу побережья и островов, на провинцию южного берега Крыма и Кавказское побережье Черного моря. Затем на правах особых „полос“ (термин в данном случае неудачный) идут Кавказ и Закавказье. Пустынная подобласть выражена в рассматриваемых Сатуниным пределах Арало-Каспийской провинции, которая делится на ряд округов,

*) К. А. Сатунин „Очерк географического распространения млекопитающих Российской Империи.“ („Охотничья Энциклопедия“, бесплатная премия журнала „Охотничий Вестник“ за 1908 г.). Вып. I „Наука и охота“ под ред. проф. Г. А. Кожевникова М. 1908. Это же издание было потом выпущено под другим общим заголовком „Из жизни природы“.

имеющих естественные границы: степи восточного Предкавказья, Волжско-Уральские степи, Киргизские степи, Балхашская котловина, Усть-Урт, южная часть Закаспийской области, долина р. Аму-Дарья, Хивинский оазис, пустыня Кизил-Кум и горный Туркестан. Приведенное здесь мною зоогеографическое районирование России *Сатуниным* отличается известной оригинальностью, вышедшей из личных взглядов автора, как специалиста по систематике и географическому распространению млекопитающих. Все приведенные пока попытки деления России или отдельных частей на районы основываются на изучении какой-либо одной группы животных (млекопитающих, птиц) или на изучении растений (*Я. С. Медведев*). Наиболее интересны для общего вопроса о районировании попытки деления страны на естественные районы на основании *совокупности* естественно-исторических данных. Такие попытки были сделаны, во-первых, *Г. Танфильевым* „Физико-географические области Европейской России“ (1897), во-вторых, *Д. Рихтером* „Опыт разделения Европейской России на районы“ (1898) и наконец *А. Крубером* „Физико-географические области Европейской России“ (1907). Последний автор делит Европейскую Россию на 6 областей: I. Северо-западный Финляндско-польский кристаллический массив, с подразделением на округа: а) округ северный или Лапландский и в) озерное плато; II. Область северной, нечерноземной России (подпочва валунная, глина и пески): 1) полоса тундры, 2) полоса тайги и смешанных лесов, с подразделением её на округа: а) округ таежный или северо-восточный, б) округ центральный, в) Полесье, г) округ северо-западный. III. Область южной России (подпочва—преимущественно лес): 1) полоса лесо-степная с подразделением её на округа: а) округ юго-западный, б) центрально-земледельческий, в) Волжско-Сурский и г) заволжье; 2) полоса степная: а) почвы черноземные, б) почвы шоколадные и каштановые. IV. Область Крымских гор. V. Область Прикаспийских степей и пустынь. VI. Область Уральских гор: округа: а) северный Урал, б) средний Урал и в) южный Урал. Как видно, это деление географа в значительной степени отличается от деления *К. А. Сатунина*, зоолога. Я полагаю, что если бы стал делить ботаник, он разделил бы еще по иному. Да и разные географы не сходятся во многих подробностях делений на районы. Одной из причин разногласий является то обстоятельство, что в разных случаях при районировании принимаются во внимание разные данные. Географы при делении страны на районы принимают иногда во внимание не только данные физико-географические, но и экономические, и сельско-хозяйственные. Зоогеографы при установлении своих районов принимают во внимание не только современный состав фауны, но и историю ее, данные исторической геологии и палеонтологии. На физико-географические условия зоогеограф тоже обращает внимание и тут он соприкасается с той отраслью биологических наук, которая называется *ойкология**) и представляет собою учение о взаимоотношениях организма и среды. Когда зоогеограф начинает говорить о

*) Ойкология составляет часть *биономии*. Под биономией мы разумеем учение об образе жизни животных, которое прежде называли „биологией в узком смысле слова“. Биономия распадается на три области исследования: 1) *ойкология*—учение о местопребывании животных и о их взаимоотношениях с окружающей средой; 2) *этология*—учение о поведении и привычках животных и 3) психология, которая занимается изучением проявлений психической деятельности у животных. Так говорит о биономии и ее подразделениях *Фридрих Даль* (Dahl), автор книжки „Anleitungen

таких районах, которые характеризуются определенным сочетанием жизненных условий, о так называемых „станциях“, каковы степь, лес, болото, и т. п., он вступает уже в область изучения ойкологии, т. к., говоря о станциях, нельзя не говорить об образе жизни в них. Ойкологическое изучение животных естественным образом связывается с районированием и с весьма детальным. Мы можем взять, как превосходный пример, ойкологического исследования, замечательную работу покойного Н. А. Северцова „Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии“ (Москва 1855),*) в которой наряду с интереснейшим детальным бионическим и этологическим материалом имеется детальное районирование изученной местности. Интересно отметить, что автор пишет следующее о районировании зоологических наблюдений: „Животные, т.-е. звери и гады, постоянно, а птицы преимущественно во время вывода детей, группируются в мелкие местные фауны“... (стр. 50). Далее, говоря про долину Икорца, притока Дона, как про небольшой обособленный район, почтенный автор пишет: „Как и во всех прибрежных местах, здешняя фауна представляет различную физиономию во время полой воды, во время вывода детей у птиц и после этого акта, но с местными особенностями, так что действительно здесь есть миниатюрная, но явственно ограниченная и явственно охарактеризованная фауна. Подобные явления представляют многие места в губернии... Мы опишем подробно эти маленькие зоологические области, потому что мне кажется, что изучение группировки животных на малых пространствах, изучение этих крошечных, элементарных фаун, есть самая твердая точка опоры для вывода общих законов распределения животных на земном шаре. Таким образом изучается влияние местности на распределение животных, да и группировка мелких фаун в различных странах не одинакова“ (стр. 51). Слова знаменитого исследователя ярко подчеркивают все значение изучения мелких районов, а вся его книга проникнута принципами ойкологического исследования. Особенно ярко отметил все значение изучения мелких районов учитель Н. А. Северцова знаменитый профессор Московского университета сороковых и начала пятидесятых годов Карл Францевич Рудь, первый русский ученый, который выдвинул на подобающее место изучение бионии животных и в частности ойкологии. Годы, в которые он работал и читал свои университетские и публичные лекции, были столь ранними годами в истории зоологии, что его проповедь ойкологического направления, ныне все более получающего значение, должна быть особенно отмечена. Не можем удержаться от того, чтобы не привести здесь его изречения, помещенного Н. А. Северцовым в качестве эпиграфа на заглавном листе его книги и могущее служить своего рода девизом всякого местного исследователя, всякого краеведа: „Полагаем задачею,

zu zoologischen Beobachtungen. Leipzig 1910“, весьма важной в методологическом отношении. Надо заметить, что термин „биония“ еще недостаточно привился, особенно в русской литературе, о чем нельзя не пожалеть, т. к. двухмысленность термина „биология“ может вести к большим недоразумениям. Что касается отличий между *этологией* и *психологией*, то при современном объективном направлении зоопсихологии и при новейшем стремлении выделить значительную часть материала даже человеческой психологии в „рефлексологию“ (Бехтерев) отличия эти сглаживаются.

*) Книга эта представляет собою величайшую библиографическую редкость, и в виду ее особого интереса было бы весьма желательно ее переиздать. Она могла бы служить прекрасным руководством для молодых натуралистов, из которого они могли бы видеть, как надо наблюдать окружающую природу.

достойною первого из первых ученых обществ, назначить следующую тему для труда первейших ученых: *Исследовать три вершка ближайшего к исследователю болота относительно растений и животных и исследовать их в постепенном взаимном развитии организации и образа жизни, посреди определенных условий*“ (К. Рульс. „Публичные лекции“. М. 1852 г. стр. 118). Покойный любил сильно выражаться, и нельзя более ярко выразить значение изучения малых районов с ойкологической точки зрения.

Ойкология, т. е. учение о взаимоотношениях организма и среды, не может не опираться на районирование. Среда—это совокупность физико-географических условий *данного района*, т. к. у каждого района своя среда. И чем научнее будет ойкологическое исследование, тем мельче должен быть затронутый им район, т. к. о больших районах можно говорить только в самых общих чертах, не детализируя исследования. Вопрос о влиянии среды один из великих общебиологических вопросов, имеющий, между прочим, большое значение для систематики и зоогеографии. Когда мы говорим о географических подвидах, о расах, о морфах и т. п., то одним из самых жгучих боевых вопросов является вопрос о влиянии среды на признаки. Мы имеем основание думать, что многие признаки животных и растений сложились под влиянием воздействий окружающей среды. Все признаки организмов, все черты их строения складываются под влиянием двух основных категорий факторов: факторов внутренних, генетических, находящихся вне зависимости от окружающей среды, и факторов внешних, ойкологических, факторов среды.

Среда—бесконечно широкое поле для разнообразных исследований, но их нельзя производить, не считаясь с вопросом о районах. Нельзя говорить о хвойном или лиственном лесе, о болоте, степи и т. п., как об известной *среде*, не считаясь с тем, где находится этот лес, эта степь, это болото. Хвойный лес имеется и в Олонецкой губернии, и под Москвой, и на Южном берегу Крыма; болото имеется и на Мурмане, и под Москвой, и в Закавказьи; степь имеется и в Таврической губернии, и под Якутском. Все это будут совершенно различные среды одноименного названия в зависимости от района.

Среда обуславливает не только некоторые внешние признаки, она обуславливает и поведение животного, обуславливает его питание, всю его жизнь. Гидробиология показывает нам, насколько важно детальное и всестороннее районное изучение свойств воды для понимания строения и жизни водных организмов. Физиология растений учит нас, как сильно зависит жизнь растений от свойств почвы, которые различны в разных районах. Растительные вещества служат пищей множеству животных, а свойства этих веществ, конечно, зависят от свойств почвы, климата и других условий среды и т. д. Всюду самая тесная, самая глубокая, самая разнообразная связь между условиями района и жизнью.

В виду этого вопрос о точном *этикетировании* материала получает совершенно особое значение. Общепризнано значение этикетки для научности собранного материала, но не все собиратели материала достаточно оценивают всю широту значения этикетки для самых разнообразных научных вопросов. Несколько лет тому назад я делал в Петрограде в заседании Биогеографической Комиссии Географического Общества доклад на тему: „Значение этикетки для исследований анатомических, эмбриологических и гистологических“, в котором

я показал, что этикетка дает научные данные не только для систематика, фауниста, зоогеографа и ойколога. Приведу один яркий пример. Гистолог делает препараты из кишечника лягушки, которая провела всю зиму в отапливаемом подвале лаборатории, вне условий нормальной зимовки, без всякого питания, и пишет на препарате: „Кишечник лягушки,—такая-то фиксация“. Другой гистолог возьмет лягушку, которая прыгает среди летней природы, в самых нормальных условиях температуры, питания и иных биологических факторов, и пишет на препарате „Кишечник лягушки,—такая-то фиксация“. Если даже фиксация и окраска будут вполне одинаковы, сравнимы ли эти препараты между собою без этикетки? Конечно нет. А если на каждом препарате будет точно обозначено, где, когда и при каких условиях взят материал, то материал для сравнения получится весьма интересный, могущий дать основание для суждения о влиянии жизненного режима на гистологическое строение. Я уверен, что если бы в течение долгих прошедших лет анатомы, гистологи и эмбриологи этикетировали свой материал, то мы при прочих равных условиях были бы гораздо ближе к разгадке многих тайн природы, чем теперь.

Итак, животное есть в известной мере продукт своей среды, продукт своего района, и таким образом вопрос о районировании зоологических исследований получает самое широкое и глубокое значение.

Теперь возникает вопрос, каковы же будут эти районы. Здесь мы сталкиваемся с целым рядом весьма важных обстоятельств. Все научные центры, высшие учебные заведения, музеи, ученые общества приурочены к известного рода административным центрам, к столичным, губернским, уездным городам и при конкретной работе от этого условия нельзя отрешиться. Нельзя не признать, что сами эти административные центры, особенно более старые, возникали на известных местах не без значительного влияния естественных условий. Стоит только вспомнить великое значение рек, морских берегов и гор на распределение поселений. Но это не мешает таким административным единицам, как губернии, быть в значительной мере совершенно искусственными районами, хотя надо помнить, что нередко границы губернии и даже уездов совпадают с известными естественными границами. Хороший пример р. Ока как южная граница Московской губернии: по ту сторону Оки природа резко меняется. Вся наша зоологическая литература связана с административным районированием; мы имеем районы по фауне Московской, Ярославской, Костромской, Петроградской губ. и т. д. Мы не можем от этого вполне отрешиться, но должны находить пути перехода от районирования искусственного к районированию естественному, и пути эти следующие. Наши губернии, с которыми связаны многие научно-исследовательские центры, представляют собою по площади целые страны и иногда весьма большие. Припомним, что площадь Московской губернии, которая не из крупных губерний, больше площади Голландии и Бельгии. Другие губернии больше крупных государств Западной Европы.

В таких широких пределах несомненно существуют вполне определенные естественные районы. Люди, знающие Костромскую губернию, определенно заявляют, что ее северо-восточная часть существенно отличается по своей природе и населению от юго-западной, это два разных края. В Московской губернии мы тоже можем наметить естественные районы, нуждающиеся в дальнейшей разработке, что ставит,

между прочим, своей задачей Комиссия для исследования фауны Московской губернии. Мы можем в Московской губернии говорить про район северных лесов таежного типа (Дмитровский и Клинский уезды), про район торфяных болот (Богородский уезд и некоторые другие районы), про район Окской долины, про Бронницкий район, отличающийся некоторыми типичными особенностями фауны и т. п.

Изучивши естественные районы в традиционных пределах губернии, мы должны их связать с таковыми же районами соседних губерний, и тогда, если между губерниями нет какой-либо резкой естественной границы, то однотипные районы соседних губерний сольются между собою в более крупные естественные районы. Конечно, если северо-восточный угол какой-либо губернии представляет собою часть однотипного лесного массива, простирающегося и в пределах юго-западной части соседней губернии, то мы можем потом говорить о флоре и фауне определенного лесного массива в целом.

Итак, мы должны, как было уже выше указано, начинать зоологическое обследование с изучения небольших естественных районов, которые найдутся в пределах каждой губернии, каждого уезда. Это изучение должно вестись всесторонне и детально, должно быть обязательно тесно связано с целым рядом других обследований, которые необходимы для понимания животной жизни данного района. Необходимо геологическое обследование, т. к. для понимания флоры и фауны весьма важно знать геологическую историю местности. Весьма важно знать, был ли в данной местности ледниковый период или не был. Почвенные исследования тоже необходимы для понимания как флоры, так и фауны. Необходимо и климатическое исследование малых районов, и тут выступает на очередь важный вопрос о *микrokлимате*, вопрос, по словам специалиста в этой области, проф. С. Л. *Бастамова* еще мало разработанный. Зоологи еще совершенно не привыкли оценивать должным образом значение микrokлимата для животной жизни данного района, и тут широкое и благодарное поле для работы. Значение ботанических исследований для фауниста очевидно. Таким образом, мы видим, что целая сложная сеть разнообразных исследований должна дать нам материал для выяснения вопроса о естественных районах, и этим достаточно определится, что такое районирование при зоологических исследованиях.

Прикладная зоология в задачах краеведения.

Я постараюсь быть кратким, чтобы не говорить много всем известных вещей. Всем, конечно, понятно и ясно, что роль местных научных кружков и местных музеев в России может быть велика. С одной стороны, территория России обширна, с другой—эта обширная территория в естественно-историческом отношении изучена чрезвычайно слабо. Россия в этом отношении не может идти в сравнение не только с культурными западно-европейскими странами, но и с некоторыми заморскими колониями этих стран. Карта Британской Индии лучше, чем карта большей части территории России. Сводки по фауне Британской Индии более обстоятельны, более обширны и включают более детальный материал, чем сводки по фауне России, особенно Азиатской. При наших условиях вся территория России не может быть в области систематической зоологии изучена силами экспедиций и вообще организаций, которые посылаются из центра и которые короткое время изучают определенный район. Их роль всегда будет более рекогносцировочная. Систематическая зоология по самому материалу своему требует согласованной работы людей, живущих на местах.

По самому направлению и смыслу систематики необходимо, чтобы коллекции, подвергающиеся научной обработке, состояли из очень большого количества отдельных форм. При таких условиях детальное изучение России может развиваться только в том случае, если в различных районах ее образуются отдельные центры и кружки знатоков и любителей того или иного отдела систематического естествознания, а также местные музеи, которые будут посвящать свои силы сбору материалов. Такие музеи и кружки могут иметь многообразные задания. С одной стороны, провинциальный музей или кружок любителей известной отрасли естествознания может иметь по преимуществу значение общеобразовательное. Он может служить определенным центром, с которым связаны и школы, и любители-натуралисты. С другой стороны, музей или кружок, который изучает край и собирает коллекции, может иметь научное значение. Наконец, внимание руководящего учреждения может быть направлено на деятельность, которая будет связана с местным хозяйством в широком смысле этого слова, т. е. работе кружка или музея будет придан в известной мере и практический характер. Что касается второй задачи, о которой я говорил, именно научного значения, которое могут иметь кружки, или музеи, ими основанные,—то я думаю, что такое значение они могут иметь тем в большей мере, чем в большей степени данная организация или данный музей будет ограничивать сферу и объем своей деятельности. В Европе насчитывается очень

немного музеев, которые имеют мировые задачи. Таковы, например, британский музей и некоторые германские музеи, которые работают в области этнографии и зоологии. Их деятельность конструируется таким образом, что они собирают коллекции и научные материалы со всей поверхности земного шара, и интерес их касается всех стран мира. Громадное же большинство других учреждений такого характера, по необходимости и вполне разумно, ограничивает свои задания по исследованию и сбору научного материала. Если мы в России возьмем такое могущественное, имеющее большое научное значение и большие заслуги, учреждение, как Русское Географическое Общество, то в нем мы видим пример очень большой, имеющей большие возможности организации, которая занималась общими географическими исследованиями; но исследования велись не на всей территории мира, а касались только пространства России и сопредельных стран, которые связаны с Россией как общностью политических и научных интересов, так и общностью географической и зоологической картины. И Географическое Общество всегда давало средства на изучение Сибири, средней Азии, частей Персии, которые соприкасаются с Россией и т. д., но не на изучение тропических стран. Точно также Петроградский зоологический музей Академии Наук собирал материалы главным образом на территории палеарктической области. Остальные собрания его имеют только дополнительное значение. Московский зоологический музей, второй по богатству в России,—занимается сбором зоологических коллекций исключительно на территории России, а все остальные собрания попадали туда совершенно случайно. И сам музей интересуется коллекциями из тропических стран только в той мере, в какой это необходимо для целей преподавания, но не для целей научных. От такого ограничения задач, которое кажется мне необходимым для правильной постановки провинциального музея, музеи часто отступают, и потому часто с самого начала получают характер кунсткамер. Маленький провинциальный музей в уездном городе, часто имеет такой вид: есть несколько ящиков с коллекцией местных насекомых, и тут же коллекция тропических бабочек, которые случайно попали в музей; немного дальше попугай, который жил в городе, издох и в виде набитого чучела попал сюда же, дальше болонка жены председателя уездной управы, потом клык мамонта; далее несколько случайных ящиков с минералогической коллекцией и т. д. Получается пестрое впечатление и тот характер кунсткамеры, который имели и европейские большие музеи в первые периоды своего существования. И большой академический музей, когда был основан Петром Великим, представлял из себя кунсткамеру. Петр Великий, составляя музей, обращал все свое внимание на собрание, как говорили тогда, „курьезов“—различных уродов и мало известных тогда редкостей из чужих стран.

Провинциальный музей, понятно, может иметь и общий отдел с собранием образцов из различных царств природы. Но если руководители его хотят в конце концов добиться того, чтобы местный музей получил определенное научное значение, необходимо развить какой-нибудь специальный отдел, посвятить его какой-нибудь определенной группе—птиц, млекопитающих, жуков и т. д. Если на собиранье такого материала из определенного района было бы потрачено значительное число лет и значительное количество усилий, то такой музей несомненно получил бы, кроме общеобразовательного, еще и научное

значение. Не только русский специалист, всегда с величайшим интересом обратился бы в такой музей, но и немец бы приехал, п. ч. в данном случае музей давал бы подробную картину известной части фауны из некоторого определенного, в подробностях мало известного района. Точно также всегда будет иметь значение музей, специально посвященный местной археологии, местной этнографии. Если же музей по своему центральному заданию будет зоологическим, то, повторяю, он должен кроме района, с которого происходит сбор, ограничиться также и в области системы и тогда уже принимать все усилия к тому, чтобы достигнуть известной полноты коллекций. Тогда его значение будет определено. Он будет давать полную картину одной или нескольких систематических групп в пределах некоторого района. Всякий ботаник и зоолог понимает значение такого положения дела. В подробностях заранее намеченный план ведения такого музея может варьировать и могут быть достигнуты различные результаты в зависимости от местных условий и средств, которые имеются. Важен принцип, который заключается в том, что задача будет сужена, и что, правильно собирая матерьял, и им можно поставить дело на серьезную почву. Другая сторона дела, на которую инициаторы и работники музеев должны обратить внимание, заключается в том, что при условиях русской жизни для местных музеев очень важно посвящать много внимания определенным практическим задачам в зависимости от местных условий. Чтобы быть понятным, я приведу пример, который выяснит мою мысль: если вы, находясь в окрестностях Киева, обратите внимание на положение сельского хозяйства, то в числе промыслов, которые там существуют и которые дают заработок населению, найдете и выкормку шелковичных червей и получение сырых коконов. В южной России, которая представляет из себя в климатическом и хозяйственном отношении благоприятную почву для шелководства, шелководство почти не развито. Оно развито только в Закавказье и в Туркестане. В общем Туркестан давал более 250.000 пудов, а Закавказье 250-300.000 пудов сырых коконов. Это количество покрывало половину русской потребности в шелке. В Европейской России шелководство существует пятнами. В Киевской губ. оно есть. А если вы попадете в Черниговскую губ. и спросите любую деревенскую женщину, что такое шелк, она не в состоянии будет вам ответить и м. б. скажет, что это продукт, который в готовом виде растет на дереве. Она не имеет представления о том, что в соседней губернии шелк этот получают в хозяйстве таких же крестьян и продают, как и прочие продукты сельского хозяйства. В Германии почти всякий человек окончил элементарную школу и почти каждый крестьянин или ребенок из крестьянской среды находится на гораздо более высоком культурном уровне в области общих представлений о хозяйстве и сельском хозяйстве, чем наше деревенское население в глухих углах страны. И если брать в расчет наши условия, то показательные коллекции по шелководству и плакат, который включает данные по шелководству, для малороссийского или южно-волжского музея есть экспонат очень желательный. Если через такой музей в течение многих лет профильтруется 10.000 человек, то можно рассчитывать, что на эти 10.000 падет некоторый ничтожный %—человек 5-6,—мысль которых захватится за этот плакат. В конце концов человек задумается над тем, что если рядом в Киевской губ. можно заниматься шелководством, то м. б. можно попробовать это дело и в Черниговской или Полтав-

ской. Когда нет ничего такого, когда население, которое приезжает на базар в уездный город, никогда не имеет случая увидеть ни коллекции, ни плаката, ни брошюры, то, очевидно, не имеется источника для дальнейшего прогресса и дальнейшего успеха. Таких примеров можно привести много. У нас в России одной из важных отраслей нашего народного хозяйства является пушной промысел.

По сравнению с другими отраслями народного хозяйства пушной промысел не велик. Но есть некоторый процент населения, особенно в глухих местностях сибирской тайги и сибирской тундры, где промысел этот служит единственным источником существования. В пушном промысле у нас, как и везде в мире, происходит перелом. Пушных зверей все больше и больше уничтожают, и над многими местностями Сибири нависла гроза чрезвычайно быстрого падения охотничьего промысла. Такое же положение дела было в Америке — в Соединенных Штатах, Аляске и Канаде. Но там наступило существенное изменение в формах пушного хозяйства. Новые формы эти заключаются в том, что в некоторых местностях Штатов и Канады были основаны и быстро развились особые фермы, на которых разводят в полудомашнем состоянии многие породы пушных зверей, например, черную лисицу, песца, норку. Эти предприятия получили чрезвычайно быстрое, почти стремительное развитие. Дело пошло там так быстро, что в некоторых городах образовались специальные банки, которые кредитовали открывавшиеся фермы целый ряд лет. Ни одна лисица, которая выходила из питомника, не убивалась на шкуру, а весь приплод продавался на племя, при чем лучшие производители (лисицы совершенно черного цвета) продавались по цене до 200.000 долларов, т. е. до 400.000 рубл. за пару. Но если вы проедете по всей России и будете спрашивать земледельцев и промышленников, что это такое — песцовые и лисьи фермы, то конечно, почти ни один человек не сумеет ответить на такой вопрос. Между тем зачатки такого хозяйства появились в России раньше даже, чем в Америке. Русские промышленники в Архангельском крае и инородцы в Сибири выкапывали из нор лисиц, песцов-щенят, выкармливали их в избах или ямах и затем убивали их на шкуру. Но в России промысел этот остался в первобытном виде, там не умели поставить зверей в такие условия, чтобы звери плодились в неволе. Американцы это сделали, и из этого выросло целое громадное хозяйство в течение всего 15—20 лет перед войной. В каком положении находится этот промысел в настоящее время, я не знаю, но нужно думать, что он непрерывно развивается. Этих двух примеров достаточно, чтобы подкрепить мои положения, не утомляя вашего внимания. Повторяю, что в зависимости от местных условий каждый исследовательский кружок, который посвящает себя изучению природы, может наметить целый ряд заданий практического характера, связанных с хозяйством данной местности. Польза от такой постановки дела, может быть, будет не сразу, результаты скажутся через много лет, но они будут потому, что идея не пропадает бесследно. Закону вечности вещества и вечности материи можно в параллель поставить и закон вечности идеи, потому, что раз идея появилась в определенной среде людей и в определенных условиях, она продолжает существовать и является как бы ферментом, который в конце-концов вызовет определенные практические результаты. Раз нет мысли и обучения, нет и первоисточников, из которых каждое новое дело

может вырасти. Практические задания каждого кружка или музея, несомненно, также утвердят и поднимут престиж учреждения в глазах массы местного населения. Наша русская толпа слишком мало образована; она теоретической научной деятельности учреждений по понятным причинам понять не может. Очень часто неграмотное сельское население к местным научным и исследовательским учреждениям относится столь же равнодушно, как и к школам. Ему не улавливается та связь, которая существует между теоретическим обоснованием знания и непосредственным практическим результатом, которые могут быть из данной области теоретического познания извлечены. Чем яснее чисто показательные задачи учреждения будут выдвинуты из других задач, тем более благоприятное отношение сложится к такому учреждению со стороны массы местного населения. А это необходимо для возможности прочного развития местных научных кружков и музеев, которые так важны для роста культуры. Строить их далее так, как строили до сих пор в эти последние годы, вряд ли возможно. Появление и развитие новых научных и учебных учреждений основывалось на том, что инициаторы их стремились вывезти из центра побольше денег и поскорее их истратить. Никогда на таком принципе дело не может быть построено, культура должна строиться на силах и средствах, которые есть на местах.

Это все, что я хотел сказать. Я старался говорить возможно короче. Надеюсь, однако, что положения, которые я выдвинул, достаточно ясны.

Агрономические учреждения на службе краеведения.

В своем кратком докладе я хочу подчеркнуть некоторые моменты русской агрономической работы, которая с моей точки зрения носит чисто местный, краевой характер. Да и по самому существу работы агронома его деятельность не может быть другой, как только краеведной. Независимо от того, кому агрономические учреждения принадлежали: земствам, правительству или частным лицам, но их работа должна была вестись в рамках чисто местных условий.

Территориально агрономические учреждения делились на губернские, уездные и участковые. Если в этих чисто искусственных территориальных рамках работа практической агрономии выполнялась и до сих пор выполняется более или менее удовлетворительно, то работа учреждений с научным характером не могла, конечно, удовлетворяться этими искусственными рамками. Впрочем, и агрономия практическая, агрономия губернская, когда она желала строить широко здание агрономической помощи населению губернии, она необходимо сталкивалась с вопросом изучения естественно-исторических условий края, с его экономикой, с его сельско-хозяйственным укладом и т. д. Поэтому первые шаги работы губернской агрономии, которая по времени является первой, старейшей организацией в России, должны были направляться в сторону изучения местного края, изучения условий той среды, в которой ей приходилось работать. В своей работе практические агрономы видели, что рано или поздно они должны будут ее вынести за искусственный предел губернии, уезда и участков. Подобного рода мысль скоро была усвоена общественной русской агрономией, и назрел вопрос о том, что агрономическую работу в России надо построить на более широких началах, на началах краеведения.

Мы знаем, что по этому вопросу у нас появился целый ряд работ, целый ряд попыток разделить Россию, с одной стороны, на естественно-исторические районы, а с другой стороны—на районы сельско-хозяйственные. В настоящее время известно много трудов в виде отдельных изданий, в виде карт и картограмм, которые касаются вопроса районирования России.

Правда, не все эти работы по методам, положенным в их основании, вполне удовлетворительны; они служат попыткой детализации тех общих предпосылок, которые были даны корифеями русской агрономической мысли профессорам и Докучаевым и Сибирцевым в их „учении о зональности почв“, т.-е., в положении, что почва есть функция климата. Но каковы бы ни были эти работы, они отвечали назревшим потребностям.

Когда русская агрономическая мысль пришла к заключению, что поставить дело сельско-хозяйственного промысла на должную

высоту на обширной территории России иначе нельзя, как только прокорректировав принципы западно-европейских сельскохозяйственных достижений, а своих данных, своих предпосылок у нас имелось мало и они оказались очень недостаточными, то пришлось приступить к очень большой работе насаждения таких учреждений, которые давали бы этот материал, как краевой и районный.

Перед нами период насаждения опытных учреждений, так называемых „областных опытных станций“. Навстречу агрономической мысли пошло правительство и земство, и у нас явился целый ряд работ, которые легли в основу этих крупных опытных начинаний. В настоящее время мы имеем серии опытных станций, которые выросли не случайно, как некоторые старые опытные учреждения, возникшие по инициативе отдельных лиц, а построены на основах обслуживания целых областей, более или менее идентичных по своим естественно-историческим условиям.

Всякая область, даже выделенная на строго-научных основаниях в отдельную единицу, все-таки, является слишком большой, все еще разнообразной в своих частях, и поэтому для областных опытных станций решать частные вопросы района оказалось очень трудно. Поэтому вслед за учреждением опытных областных организаций поставлен был на очереди вопрос о заложении более мелких опытных ячеек, которые обслуживали бы неоднородные в естественно историческом отношении территории внутри области. Появились так называемые „внутри районные опытные станции“ и отдельные опытные поля. Этому делу посвятили много труда и средств главным образом земства; им шло навстречу правительство и частные лица. Таким образом, и практическая агрономия как губернская, уездная и участковая, так и опытная, чисто научная, построили свою работу на основе принципа краеведения.

Результаты этих двух течений русской агрономии мы имеем сейчас на лицо. Известны местные музеи, печатные погубернские сводки, которые выявляют характер и способ, каким подходила наша агрономия к изучению местного края в целях, с одной стороны, чисто практических, а с другой стороны—теоретических. Достаточно вспомнить весьма интересные с большою любовью и тщательностью устроенные музеи Ярославский, Полтавский и др.

Эти музеи своим материалом говорят нам о том, что местные агрономические учреждения подходили к изучению края несколькими различными путями. В одних местах это изучение было построено на принципе использования местных агрономических сил; в других—приглашали узкие специалисты на постоянную работу в губернию и уезд, и, наконец, третий способ, самый совершенный, это—приглашение „на время“ видных специалистов для разрешения того или другого частного вопроса во всей полноте. Для иллюстрации последнего положения, последнего способа изучения края, укажем на те классические работы, которые были произведены всем известным ученым проф. Докучаевым, исследовавшим Нижегородскую и Полтавскую губернии по почину местной агрономической организации. Не безызвестны затем работы по естественно-историческому изучению Саратовской, Орловской, Черниговской, Тульской, Московской и др. губерний.

В настоящее время русская агрономия имеет в своих руках очень большой ценности материал, правда, не идеальный, но во всяком

случае руководящий, достаточный для того, чтобы в дальнейшем строить свою работу на началах единения, на началах научных, на началах детализации тех районов, в которых им придется вести свою работу и организовать агрономическую помощь населению.

Кроме перечисленных учреждений, агрономическая работа на пользу края производилась еще другими учреждениями, не строго агрономическими, однако, ставившими своей задачей вопросы, находящиеся в тесном соприкосновении с агрономией; я имею в виду „сельско-хозяйственные общества“. Не было, кажется, губернии, где бы не существовало сельско-хозяйственных обществ, в архивах которых можно найти очень большой, разнообразный и крайне ценный материал, который может послужить большим подспорьем для изучения местного края.

Кроме того и частные лица, с агрономическим укладом, агрономически образованные, интересовались, помимо своей работы, многими отдельными вопросами краеведения и собирали попутно материалы, часто очень обстоятельные и очень интересные.

К сожалению, как показывает ряд фактов, часть этих материалов утеряна. Но и то, что осталось, говорит о том, что агроном действительно являлся работником краеведения. Главная роль в деле изучения края нашими агрономическими работниками принадлежит прежде всего агрономии земской.

Но нельзя не отдать должного и агрономии правительственной. В то время, когда земская агрономия была занята насаждением участковой агрономии, правительство выбросило на сельско-хозяйственную арену страны много специалистов по различным сельско-хозяйственным вопросам; все они были разосланы на места в губернии и там вели свою работу. Период этой работы был не продолжителен, и результаты его, быть может, не всем видны. Но следы имеются на местах и послужат в будущем интересным материалом для работы краеведов.

Таким образом, русские агрономические учреждения принимали деятельное участие в изучении местного края, и хотя эта работа не продиктована специальными заданиями по краеведению, но она краеведна по существу.

В настоящее время, когда краеведческий элемент оживает в науке, с какими пожеланиями мы можем обратиться к агрономии?

Прежде всего нам следует обратиться к агрономам со словами благодарности за их деятельность в прошлом и просить продолжать свою работу, но уже систематически, программно и по плану, по тем выработанным заданиям и образцам, какие в настоящее время имеются или намечаются к разработке краеведами.

Нам кажется, что каждый представитель отдельной естественно-исторической дисциплины может обратиться со своими пожеланиями и со своими заданиями к местным агрономическим учреждениям. Представители краеведения могут и должны также предъявить свои desiderata к местной агрономии.

Наша новая трудовая школа, как известно, строится по принципу изучения природы на естественных объектах, на наглядных пособиях—натуралиях. Этих наглядных пособий в школе очень мало, а часто и совсем не имеется. Особенно большая нужда чувствуется в наглядных пособиях по почвоведению. Почвоведение-наука молодая, мало доступная широким массам. Кто же на местах может прийти на

помощь учащемуся по почвенным вопросам, кроме агрономов? Создание наглядных пособий для местных школ работа очень трудная; часто даже специалисты, но мало опытные, не могут разрешить эту задачу удовлетворительно. Поэтому, обращаясь к агрономам с призывом помочь местному краю в этом отношении, нужно дать им определенную форму, по которой им можно было бы осуществлять объекты наглядного изучения почв. Главное здесь суметь взять почвенный образец и привести его в такой вид, чтобы он строго был научным объектом для рассмотрения и изучения в местных школах и музеях.

Известно, что почвоведение, как наука, пользуется в настоящее время многими терминами, взятыми из народного языка; достаточно указать на такой термин как „подзол“. В народном языке еще много найдется терминов, выражений и понятий, которые окажутся ценными для нашей науки. Казалось бы, что в задачу местного агронома должно войти составление народного словаря, в котором выражаются все думы народа о кормилице земле-почве, в разнообразные моменты ее жизни.

Часто приходится встречаться с такого рода явлением, что в определенном районе, основательно изученном в естественно-историческом отношении, детали чисто местных явлений ускользают от исследователя. Неоднократно приходится слышать, как в одной и той же волости и даже в одном и том же селе крестьяне указывают на неравноценность своих угодий, что один участок пригоден для одной культуры, другой—для другой, одна земля родит лучше, другая—хуже. Все это вопросы крайне интересные, но осветить их может только человек компетентный, каковым на месте может быть только агроном.

Третья задача местной агрономии—это детализация на основе научных знаний своих местных почв не только в естественно-исторической сущности их, но и как жилище культурных растений, как источник благополучия местного населения.

Обращаясь к местной агрономии с предложением продолжать свою работу по изучению местного края главным образом в естественно-историческом отношении, мы этим не хотим сказать, что для краеведения не представляют интереса и те стороны местной жизни, с которыми агрономам приходится сталкиваться в своей ежедневной, будничной работе.

Как в дальнейшем вести агрономам свою работу, чтобы она была плодотворной, систематичной и строго краеведной, за это ответит настоящий съезд, который несомненно даст исчерпывающие программы краеведческой деятельности на местах и сделает все, чтобы принципы краеведения стали популярными в массах местного населения, чем в значительной степени облегчится работа агронома на местах.

Местные метеорологические наблюдения в связи с задачами краеведения.

Я буду говорить о том, как местные условия влияют на климат и погоду данной местности. Я буду говорить на основании материала, относящегося к Московской области.

Климат каждой области обуславливается причинами общего характера, к которым нужно отнести неравномерное распределение солнечной энергии, суши и океана и др., и затем—местными: рельеф, почва, растительность.

Причины общего характера вызывают особые динамические процессы в атмосфере, которые создают погоду нашей местности. Эти процессы происходят на очень большой территории. Наверху карты, на которой мы в главной физической обсерватории, в конце концов остановились, она захватывает всю Европу, Азию и Северный Атлантический океан. Здесь показано положение изобар, распределение нормального давления за январь, май и июль. Давление ниже нормы обозначается синим, выше нормы красным.

Синие изобары указывают, что мы здесь имеем низкое давление, вызывающее выпадение осадков и теплую погоду в зимнее время и прохладную в летнее. Красные изобары показывают высокое давление. Наиболее высокое давление мы имеем в Сибири, и затем полоса повышенного давления проходит по России и Западной Европе и распространяется на южную половину Атлантического океана. Эти три центра: низкого давления расположенные на севере Атлантического океана, высокого в южной части Атлантики и в Сибири, носят название „центров действия атмосферы“.

В каком же положении относительно них находится Московская область. Эта схема показывает, что при нормальном распределении давления в нашей области чем больше к Северо-Западу, тем больше должно выпадать осадков. Наоборот, в более юго-восточных областях осадков должно выпадать меньше. Что касается температурных условий, то распределение температуры у нас будет зависеть от широты.

Кроме этих трех центров действия атмосферы, имеется еще полярное высокое давление, которое хорошо видно на карте мая. Это нормальное давление за май. Красным карандашом между Гренландией и Шпицбергенем показана область повышенного давления. Этот четвертый центр создает такой динамический процесс: антициклоны идут от этого центра в направлении на Юго-Восток, захватывая нашу местность. Такие области высокого давления отличаются отсутствием осадков и сопровождаются резким понижением температуры. Трассы их пролегают через Скандинавию, среднюю Россию и идет дальше на Юг. Если мы разделим линией по направлению трассы, то в

северо-восточной части будут преобладать ветры северные, северо-восточные и восточные, приносящие нам холодную погоду, в южной—будут преобладать ветры, которые приносят тепло. На основании всего этого мы должны ожидать такое распределение метеорологических элементов, как это показано на карте: более высокую температуру на юго-западе области, низкую на северо-востоке; больше осадков на северо-западе, меньше на юго-востоке.

Как видите карты средней годовой температуры и осадков в общем подтверждают это.

Еще резче это изменение температуры с юго-запада на северо-восток видно на карте зимних изотерм. Вот температура за январь. Тут изотермы носят чисто меридиональный характер. Тоже самое на карте распределения осадков. Если взглянуть в эти карты, то тут масса изгибов, понижений и повышений. Пятна синей и желтой краски расположены неравномерно, это все показывает, что местные причины вносят известные пертурбации в общее распределение метеорологических элементов. Эти известные элементы суть рельеф, растительность, почва. Рельеф нашей местности показывает нам, что мы имеем более низкие места от 20 до 60 сажен над уровнем моря в восточной половине нашей области. Западная половина дает более высокий рельеф, Эти пониженные места совпадают с долинами Волги и большие пространства занимают в бассейне Оки. Между ними тянется полоса более высокой местности. Самые высокие места мы имеем в Смоленской губ. на западе и юго-западе нашей области. Но рельеф очень незначительный. Если вы посмотрите, каковы самые низкие точки местности около Нижнего-Новгорода—20 саж. над уровнем моря—и самые высшие 140—150 саж., то разность получается между самым низким и самым высшим 100—120 саж. Что это за высота, вы можете представить по тому, что высота Ивана Великого над уровнем Москвы реки 60 саж., так что мы имеем повышение не больше как 2 Ивана Великого. Что касается растительности, то приведу карту лесистости. Главным образом лес влияет на климат. У меня синей и зеленой краской нанесена лесистость нашей области: большая лесистость от 25 до 80% общей площади и зеленой краски, меньшая лесистость желтая краска—дает от 6 до 20%. Красная дает меньше 5%. Наибольшая лесистость имеется на северо-востоке, северо-западе и в части Рославльского и Жиздр. уезда Смоленской губ. Кроме того, в Рязанской губ. леса, соединяющиеся с лесами Владимирской и отчасти Московской губ. На общем фоне незначительной лесистости—менее 25%—выделяется красная краска, показывающая бассейн Оки и верховья Дона, уезды, где мы имеем лесистость ниже 5%. Небольшую лесистость 10—15% имеем в Кашинском и Калязинском уездах. Что касается почвы, то, к сожалению, я не имею сейчас карты, она находится в печати. Распределение почвы чрезвычайно пестро в нашей местности, и определить, как может влиять почва на климат, чрезвычайно трудно. Определить влияние лесистости и рельефа также трудно. Тут могут быть различные градаций, меньшая лесистость, большая лесистость; высокая, низкая. Здесь может быть много различных сочетаний, и определить, насколько то или другое обстоятельство влияет на климат, трудно. Тем не менее попытаться можно. Обратите ваше внимание на распределение годовой температуры. Вы наблюдаете изгиб, показывающий более низкую температуру этой области. Местность с наиболее низкой температурой это Дмитровский и Клинский уезды. Если вы сравните с

изгибами рельефа, то увидите, что как раз эти местности совпадают с наиболее возвышенным рельефом. С другой стороны мы имеем значительную лесистость. Таким образом, первое наше предположение показывает на то, что более высокие и более лесистые места нашей местности наиболее холодны. Это тем более поразительно, что разница в рельефе чрезвычайно незначительна и тем не менее она сказывается. Это вот изгиб изотермы, захватывающей несколько уездов, который показывает, что мы имеем более высокую температуру, чем нужно. Если сравнить с картой рельефа, то мы увидим что это наиболее низкие места и менее лесистые. Таким образом, подтверждается наше положение, что менее лесистые места и более высокие дают более высокую температуру, чем в окружающих местах. Обращаю ваше внимание на изгиб изотермы, идущей от Подольского уезда до Алексина и Калуги. Если вы посмотрите на лесистость, то увидите изгиб, почти точно повторяющий изгиб изотермы. Таким образом выходит, что можно ожидать, что повышение рельефа и большая лесистость дают понижение температуры, а понижению рельефа и меньшая лесистость дают повышение температуры.

Но что же играет большую роль—элемент лесистости или рельефа—сказать довольно трудно. Но вот кое-какие соображения указывают, что лесистость играет большую роль, чем рельеф. Здесь вы видите изгибы изотермы, захватывающей юго-западные уезды Рязанской и Тульской губерний, Михайловский, Крапивинский, Епифанский, Пронский и другие. Если вы посмотрите на карту лесистости, то увидите, что она совпадает с красными пятнами, т. е. с чрезвычайно малой лесистостью. Там 3—5% общей площади под лесами. Между тем рельеф здесь высокий, так что здесь как будто два элемента действовали в противоположном направлении и в результате получили, что лесистость имеет больший перевес, чем рельеф. Вот это распределение показывает, как влияют местные условия на распределение температуры. Можно было бы этот вопрос подтвердить целым рядом других карт. Например, вот карта температуры воздуха за вегетационный период. Вы видите здесь те же изгибы более высокой температуры, показанные двумя изотермами в Рязанской и Тульской губерниях. Более замкнутый кружок более низкой температуры, соответствующий Данковскому уезду Рязанской и соседние уезды Тульской губ. Как карту более типичную, я демонстрирую число морозных дней за вегетационный период. Вы видите, большее число морозных дней именно здесь, где мы имеем наиболее высокую местность. Наиболее высокое число морозных дней именно на этой Дмитровской гряде, то же показывает число морозных дней за вегетационный период с мая по сентябрь месяц, где отдельные пятна около Юрьевского и Александровского уездов, где вы видите отдельные пятна за период именно от 10 до 12 дней морозов. Таково влияние местных условий на температуру воздуха.

Теперь разрешите перейти к осадкам. Как я уже сказал, большее количество осадков выпадает в северо-западной части нашего района, меньшее в юго-западной части. Если мы возьмем количество осадков за год, то увидим, что наибольшее количество осадков именно на северо-западе, причем от северо-запада мы имеем две полосы большого количества осадков, тянущихся по направлению от Сычевского, Ярославского и затем от этого же места к Калуге и Туле. Это еще лучше видно на карте осадков за вегетационный период. Здесь эти

изгибы еще резче выступают. Это происходит вот почему. Зимние осадки точно измерять мы еще не имеем возможности. В осадки-же вегетационного периода входят осадки дождя, которые мы измеряем точнее.

В осадках летнего периода, вегетационного периода, имеют главную роль те динамические процессы, которые протекают в наших местах, а не приходят с окраин. Таким образом вы видите полосы большого количества осадков, тянущихся по направлению рельефа. Что касается влияния лесной растительности, лесистости на распределение осадков, то к сожалению здесь особой закономерности подметить не удастся. Бросается в глаза только то, что меньшее количество осадков в нашей области, а именно в Михайловском, Епифановском и Скопинском уездах что это количество осадков совпадает с малой лесистостью. Здесь это проявляется только более ярко. Что касается остальных местностей, то определить, как влияет лесистость, нам по нашим данным не удастся. Здесь обращают внимание эти пятна в области большого количества осадков, которые показаны разными красками, пятна около Твери и Вязьмы показаны желтой краской. Эти пятна вызывали много сомнений. Я не знал действительно ли меньше осадков там наблюдается. Но по карте, показывающей число гроз, мы наблюдаем и меньшее число гроз. Так что это действительно факт. С другой стороны вы видите большее количество осадков, от Ивано-Вознесенска к Нижнему-Новгороду и далее на карте имеем гроз большее число, чем в окружающей местности. Вот, что я могу сказать о том, как местные условия влияют на климат, главным образом, на распределение температуры и на осадки. Тоже можно сказать о влажности воздуха, облачности и т. д. Об этом я говорить не буду.

Когда мне пришлось впервые столкнуться с этими картами, с этой работой, то я убедился, что те заключения, которые можно было сделать, до некоторой степени гадательны, потому что материала для построения карт было немного и кроме того метеорологические станции в нашей области работали все время с большими перерывами. И вот благодаря тому, что этих данных у нас имеется мало, получается не всегда полное соответствие между течением линий температуры, осадков и распределением рельефа и лесистости. Только более густая сеть этих станций с долгим периодом этих наблюдений позволит разрешить этот вопрос, как местные условия влияют на климат. Это имеет большое практическое и теоретическое значение. И вот благодарная задача дня местных научных обществ — организовать такие наблюдения.

Программа антропогеографических исследований края.

Антропогеографическое исследование, можно сказать, только что начинается в России. Если не считать работ покойного А. И. Воейкова и несколько работ В. П. Семенова-Тяньшанского, мы почти не имеем обобщающих работ в этой области. Правда, отдельные ценные указания можно найти в трудах земств, ведомства путей сообщения, прежнего министерства торговли и промышленности, переселенческого управления и т. д., но все эти данные не координированы и не приведены в систему. А между тем, интерес к антропогеографическим вопросам, как это мне неоднократно приходилось убеждаться, существует большой, как в научных кругах, так и среди людей практики и на местах в провинции. В этом отношении обществом краеведения предстоит сыграть значительную роль.

Дело в том, что работы, касающиеся вопросов общих и охватывающие значительные части территории государства, возможны только тогда, когда старые материалы будут обработаны и приведены в известную систему по единообразному плану—и эту задачу лучше всего могут выполнить общества краеведения.

Антропогеографические исследования имеют своей задачей дать возможно полную картину расселения народонаселения по данной территории и проследить распространение в ней проявлений материальной и духовной культуры поскольку они отражаются в ландшафте местности и поскольку эти проявления зависят от физико-географических условий страны. Первый критерий является более общим, охватывающим большую сумму фактов и явлений. Надо иметь в виду, что целый ряд явлений из жизни человека, не обнаруживая ясной зависимости от физико-географических условий, тем не менее настолько определенно запечатлен в ландшафте местности, что по справедливости должен подлежать ведению географии. Так, напр., факты, как город, его рост, развитие и т. д., являются результатом сложных культурно-исторических процессов: физико-географические условия могут играть при этом второстепенную роль, но т. к. город является важной составной частью ландшафта, то изучение его должно входить в ведение географии. Надо сделать здесь же одну оговорку, что антропогеографические исследования, по преимуществу, а в особенности, когда такие исследования только начинаются, должны иметь в виду проявление материальной культуры, явственно запечатленные в ландшафтах местностей, тогда как отражения физико-географических условий на проявлениях духовной культуры несомненно существующие, напр., на социально-бытовых условиях населения, на его темпераменте-характере, представляют слишком сложную проблему, обнару-

живающую многостороннюю зависимость от различных явлений, на географические и культурно-исторические порядки, так что истолкование их с точки зрения исключительно географии рискует быть односторонним и неполным. Разве не в таких ярко очерченных областях, как горные страны и острова, /более явно проявляется зависимость и этих сторон быта от физико-географических условий. Укажу напр. на многоязычность в горных странах, на стремление к территориальному обособлению, на консерватизм в бытовых условиях, напр. в костюме, в обычаях, на религиозные переживания, долее сохраняющиеся в таких местностях, что несомненно находится в связи с трудностью сообщения, с топографическими условиями горной страны.

Прежде чем перейти к рассмотрению программы антропогеографических исследований, я позволю себе еще предварительно указать, что эти исследования должны быть в условиях большой наглядности и возможности составления результатов по разным областям и в разное время выражены картографически, конечно, поскольку антропогеографические фазы поддаются картографическому воспроизведению. Для истолкования многих антропогеографических явлений, необходимо иметь в своем распоряжении, надежный статистический материал. В этом отношении русские исследователи были поставлены до самого последнего времени в значительно менее благоприятные условия, чем их собратья в запад. Европе, и этим до известной степени объясняется, что мы писали так мало антропогеографических работ, т. к. для них не было основного фундамента. Правда, в последнее время пробудилось сознание настоятельной необходимости собирать статистические данные, и в этой области замечается оживление, но статистические обследования протекали часто в весьма неблагоприятной обстановке и поэтому не отличаются надлежащей полнотой, к тому же поступление статистических данных и их обработка страшно задерживаются. Во всяком случае местные организации и в этой области могут оказать существенную услугу центрально-статистическим учреждениям, производя дополнительные исследования.

Конечно, эти обследования должны производиться по общей программе и обрабатываться по единообразному методу, для того, чтобы дать материал, удобный для сравнения. Переходя к конкретным вопросам, к программе, нужно сказать, что прежде всего для каждого района необходимо конструирование по возможности подробных карт плотности населения и расселения.

Обычно в России данные о численности населения опубликованы лишь для уездов и при суждении о плотности населения ограничиваются конструированием уездных картограмм плотности населения. Но уезд является слишком большой территор. единицей, далеко не однородной в своих физико-географич. условиях, так что зависимость от этих последних плотность населения не может быть детально прослежена. Необходимо, по крайней мере, подсчитывать население по волостям, или если данных о площади волостей нет, то разбить поверхность территории на равновеликие простые фигуры и определять численность населения по каждой такой единице. Необходимо также иметь в виду, что население должно быть распределено по той части территории, которая действительно может быть заселяема, т. е. из территории должны быть вычтены площади водных бассейнов (озер), если на них нет обитаемых островов, неосушенных болот, высокогорных пустых областей и т. д.

В западно-европейской литературе по антропогеографии существует много работ по методологии конструкции карт, но здесь, из-за недостатка времени, не могу подробно останавливаться на этом вопросе. Укажу только, что большинство исследователей склоняются к тому: 1) что леса не следует выделять из площади территории, 2) большие же города выделяются на картах в самостоятельные единицы, так как эти последние живут не исключительно на счет использования естественных богатств прилегающей территории, а используют ресурсы значительно большего пространства, иногда даже всей страны. Начиная с какой цифры, население города не должно входить в общий подсчет, по этому вопросу существуют различные воззрения, на мой взгляд наиболее правильным является метод проф. Вагнера, который предлагает выделять население городов в том случае, если численность его превысит численность данной территории на 1 ступень избранной для картограммы шкалы. Население таких городов должно быть представлено по абсолютному методу, т. е. подписано при обозначении данного города на карте. Надо иметь в виду, что картограммы и карты плотности населения размещают все население равномерно по данной территории, тогда как в действительности население живет лишь в определенных пунктах. Поэтому в литературе антропогеографической существуют указания (Ратцель и отчасти Геттнер), что такие карты не дают верной картины, и что предпочтительнее пользоваться простыми топографическими картами большого масштаба (напр. $\frac{1}{2}$, 1 вер. в дюйме), обозначая при каждом поселке абсолютную численность населения. Но во-первых карты такого крупного масштаба имеются только для небольшой части территории России, а во-вторых такие карты менее пригодны для разъяснения причин распределения по территории в их зависимости от физико-географических и других культурных условий. Как бы переход от карт плотности к картам расселения, представляют, предложенные профессором Геттнером, так называемые основные статистические карты, на которых обозначаются поселки различного рода фигурами, в зависимости от их многолюдности и при них приписывается численность населения. Что касается карт расселения, то они не будут в состоянии заменить карт плотности, тем не менее являются весьма ценными для целого ряда антропогеографических сопоставлений. Семеновым-Тяньшанским, как известно, установлены такие типы расселения в области Европейской России: северо-долинный, водораздельный моренный, водораздельный волнистый, овражный, южно-долинный. Возможно, что при более детальном обследовании найдутся отступления от этих типов. Во всяком случае следует обратить внимание на распределение поселков в зависимости от физико-географических условий и конструировать соответствующие карты. Здесь могут проявиться зависимости от грунтовых, текучих вод, от большого или меньшего плодородия почвы, от распределения растительных формаций (лес), от сухопутных путей сообщения (в особенности шоссе, железные дороги) и т. д.

При изучении поселков следует обратить внимание на особенности жилища, на материал, из коего они построены, на общий характер стройки. Хотя типы жилищ и их распределение в поселках не зависят исключительно от физико-географических условий, а тот или другой тип бывает часто в связи с определенными этнографическими элементами, тем не менее эта независимость от местных природных условий обычно в этнографических работах, напр. Меншиам, несколько

преувеличивается. В частности в России, например, довольно ярко выступает зависимость жилищ по материалу, и жилища деревянные, глинобитные, каменные (но не кирпичные) имеют зональную область распространения. Также в значительной степени должно быть сказано и относительно крыш, за исключением пожалуй железных: тесовые, из дранок, соломенные, тростниковые. Самая форма крыш, их большая или меньшая покатость может быть поставлена в связи с климатическими условиями. Конструкция печей отопления, топливный материал заслуживает также внимания. Наконец размещение жилищ по отношению к сторонам света (к солнцу) и в зависимости от топографических условий может быть предметом рассмотрения, в особенности в горных областях, где, напр. на Кавказе такие зависимости уже были констатированы. В некоторых, в особенности болотных местностях существуют жилища на сваях: они должны быть отмечены и области их распространения нанесены на карты. При рассмотрении городских поселков, следует, кроме их распределения в зависимости от природных условий, обратить внимание на их рост, происходит ли он односторонне или равномерно в разные стороны, и чем обуславливается односторонность роста (некот. поселки, как Архангельск, растут вдоль реки, другие в сторону железнодорожной станции, приморские вдоль берега и т. д.). Следует также проследить изменения населенности городов во времени, большие города являются чувствительными барометрами экономических и социальных условий, как показала чрезвычайная убыль населения в русских городах, начиная с 1917 г.

В крупных городах следует обратить внимание на образование, так называемую сову центрального делового квартала, население которого как на западе, так и у нас не только растет, но даже убывает. Интересны также сопоставление тесноты постройки и количество этажей с распространенностью болезней, напр. туберкулеза. В больших городах можно различать административный город, подчиненный городскому управлению; от города в географическом смысле, т. е. города со всеми слившимися с ним пригородами и города в хозяйственном отношении. Именно для многих крупных городов Западной Европы и России можно было, примерно начиная с XI столетия и до войны, констатировать замедление их роста, но одновременно с этим начали быстро расти или даже вновь возникать некоторые пригородные поселки фабричного или дачного типов, причем располагались все-таки поселки на удобных путях сообщения, позволяющих быстро споспиться с городом и часто в привлекательных по своему ландшафту местах. Население всех этих поселков чисто городское, тесно связанное с городом, и потому все эти поселки вместе с городом составляют—город в хозяйственном смысле. Граница его может быть положена там, где оканчивается зона быстро растущих поселков и начинается зона поселков, обнаруживающих либо очень медленный прирост, либо убыль. Это показывает, что население поселков этого последнего типа уже не может регулярно и ежедневно сообщаться с большим городом, который и высасывает из них население.

Изучение причин хозяйственной перемены города и его изменения во времени может дать также ряд весьма поучительных сопоставлений. Вообще весьма интересно проследить влияние большого города на окружающую местность.

Переходя к путям сообщения, я прежде всего укажу, что для каждого края крайне необходимо иметь подробную карту путей сооб-

щения, с нанесением на нее железнодорожных, шоссеиных и главнейших грунтовых дорог. Относительно последних важно знать их качество (грунт глинистый, сыпучий, песчаный, болотный топкий (года)). Относительно водных путей сообщения следует показать протяжение судоходных сплавных участков рек, участки рек регулированных, длину каналов, на карте должны быть отмечены шлюзы, запасные водохранилища и т. д. Важно также знать отдаленность той или другой местности от морей или, что еще практичнее, от гавани того или другого моря, при этом может быть конструирована соответствующая карта и вычислена средняя отдаленность от моря или от гаваней той или другой области. Надо иметь в виду, однако, что отдаленность, измеряемая прямой линией, или радиусом, как величина чисто математическая, не считается ни с реальными способами передвижения, ни с препятствиями, которые представляет путь. Поэтому предпочтительнее конструирование изохронных карт, т. е. карт, которые наглядно показывают, в какое время можно достигнуть из данного центра того или другого места. Конструирование изохронных карт (при наличии, конечно, правильного расписания поездов и пароходов) для железнодорожных и пароходных сообщений не составляет особенной трудности.

Обычно для конструирования карт, мировых или охватывающих большие территории, пользуются вычислением времени, потребного на проезд в скорых поездах, но для областных карт предпочтительнее брать среднюю скорость, а также принимают во внимание частоту сообщения, т. е. количество поездов, отходящих от того или другого пункта в течение суток. Для промежуточных между железнодорожными линиями пространств, затруднительно конструирование изотропных линий, в виду того, что у нас в России в большинстве случаев отсутствует регулярное конное сообщение, но во всяком случае местные деятели, лучше осведомленные об особенностях сообщения в крае, могут скорее справиться с этой задачей. Если относительно пассажирского движения наибольшее значение имеет скорость передвижения, то относительно грузов важнее стоимость их перевозки (тариф). Сообразно этому можно провести на карте линии одинаковой стоимости передвижения грузов—или *изотимы*. Наконец и количество пассажиров или груза, перевозимого по тем или другим речным и сухопутным дорогам, может быть наглядно представлено при посредстве соответствующих *траффик*.

Хозяйственная жизнь населения очень определенно отражается в ландшафте края, а поэтому дает богатый материал для антропогеографических сопоставлений. В этой области, прежде всего необходимо привести в известность и по возможности нанести на карту местонахождение естественных богатств края (как-то: минеральных богатств, в особенности каменный уголь, торф, фосфориты, руды и т. д., затем водные богатства, белый уголь (т. е. воды имеющие значительное падение и поэтому пригодные для получения энергии). В маловодных странах, где земледельческая культура нуждается в искусственном орошении, следует привести в известность имеющиеся в стране запасы воды и рассмотреть возможности ее утилизации для искусственного орошения. Вообще следует отмечать все мелнорационные работы, как уже практикуемые, так и те, которые вызываются потребностями данного края, напр. осушение болот, дренаж, закрепление сыпучих песков, борьба с оползнями, с лавинами и обвалами в горных странах.

закрепление оврагов и регулирование горных потоков. В частности, напр. рассмотрение роста оврагов в Европейской России и приемов борьбы с этим злом может дать ценный материал для антропогеографических работ.

Далее культура того или другого растения зависит в значительной степени от климатических и почвенных условий. В особенности важно отметить границы распространения того или другого растения, если они проходят через данную область. Такие границы должны быть занесены на карту и сопоставлены с метеорологическими, и если есть материал, и с фенологическими картами края. Последние даже важнее, т. к. культура растений более зависит от совокупности климатических особенностей края, чем от отдельных метеорологических факторов, а фенологическая карта и является отображением совокупности метеорологических условий. При рассмотрении наиболее характерных растений для данного края весьма интересно рассмотреть всю последовательность культуры этого растения и дальнейшей его обработки впредь до получения уже годного к потреблению продукта. По отношению к некоторым растениям, напр. хлопку, льну винограду и плодовым деревьям, имеются ценные работы в этом направлении, носящие вполне географический характер. По отношению к животному населению края, следует отмечать имеющиеся в крае промысловых животных и рыбные богатства и характер использования этих богатств. Наконец некоторые местности в силу своих физико-географических условий, особенно пригодны для разведения домашних животных, например наличие естественных лугов в поймах лугов, степные пространства в области полупустынь, мало пригодны для утилизации земледельческой культуры, области горных пастбищ. Распространение некоторых домашних животных зависит от природных условий, например верблюды, яки, осел, мул и т. д. Кроме того, и утилизация животных зависит от этих последних условий, ездовые собаки, овцы для переноски клажи в высоких областях. Есть указания, что и качества продуктов, получаемых от того или другого животного, зависят от климатических условий или от наличия того или другого корма. Скотоводство во многих областях, например в горах и степях, связано с периодическими миграциями, которые обнаруживают явственную зависимость от климатических условий, а потому и подлежат изучению в антропогеографии.

Кустарная промышленность также может быть предметом антропогеографических обследований. Кустарные промыслы очень часто зависят от местного сырого материала, но, помимо этого, кустарная промышленность развивается иногда в зависимости от таких условий, как пути сообщения, большая или меньшая отдаленность от крупных центров, мест сбыта и т. д. Зависимость эта очень тонкая и сложная, и что, в одном случае, способствует развитию кустарной промышленности, то в другом при несколько измененных условиях может тормозить ее развитие, напр., близость большого городского центра. Некоторые отрасли фабрично-заводской промышленности, в особенности металлургия и горное дело, обнаруживают в большинстве случаев явственную зависимость от физико-географических условий, например, наши южно-русские металлургические заводы и в особенности заводы на Урале.

В таких районах мы имеем дело с особым рода поселками, рудничными городами. Кроме того, горное дело сильно влияет на харак-

тер ландшафта и с этой точки зрения может быть изучаемо в географии. При антропогеографическом исследовании торговли, следует обращать внимание на зависимость торговых сношений от путей сообщения, как естественных, так и искусственных, от густоты населения. Но конечно торговля в значительной мере зависит от факторов и не имеющих ничего общего с физико-географическими условиями, а является результатом длительного и сложного исторического и экономического развития и предприимчивости данного населения. Наконец следует отметить, что и санитарное состояние края находится до некоторой степени в зависимости от природных условий. Некоторые местности характеризуются эпидемичными болезнями, напр., зоб на Кавказе, рикшта в Туркестане, малярийные местности в зависимости от условий вод и т. д. Ко всему этому следует добавить, что эпидемические заболевания показывают некоторую зависимость от грунтовых вод, климатические условия влияют хотя бы и косвенно на большую и меньшую податливость организма к целому ряду заболеваний.

Естественные (напр. реки) или искусственные пути сообщения служат линиями, вдоль которых распространяются эпидемические болезни. Далее, при антропогеографическом исследовании края должно быть отмечено, обладает ли данный край какими-нибудь данными для использования в лечебных целях (климатические условия, горные, приморские курорты, наличие минеральных вод и т. д.), причем местности, особенно пригодные в этом отношении, должны быть нанесены на карту.

В таком виде рисуется мне антропогеографическое обследование края. Время не позволяет мне дать детальной программы, я набросал лишь схему, которая подлежит и пополнению и дальнейшему развитию и в этом отношении работа обществ краеведения представляется мне особенно ценной и плодотворной. Я буду считать мою задачу выполненной, если мне, по крайней мере, удастся наметить главные вехи для дальнейшей работы *).

*) В настоящее время вышел труд проф. А. А. Крубера: *Общее земледелие*, часть I I. *Вино—и Антропогеография*. Эта часть посвящена фитогеографии (—102 стр.) географии животных (103—186 стр.) и антропогеографии (187—401 стр.). *Ред.*

Культура доисторического человека по отдельным районам России и ее изучение.

В число предметов занятий обществ краеведения должна входить и старина края, его культурно-историческое развитие в течение веков. В задачи обществ краеведения входит следовательно разыскание, соби́рание, хранение, описание, изучение памятников древности, рассеянных в крае, имеющих в его общественных и частных хранилищах или могущих быть найденными при раскопках, постройках и т. д. Эти памятники древности, естественно, делятся на два отдела: на памятники исторические и памятники доисторические. Исторические памятники это такие, которые относятся к историческим временам данного края, к эпохам, о коих имеются письменные свидетельства русской истории. В России этот исторический период начинается вообще с великокняжеской эпохи, со времени принятия христианства. Но для многих местностей он начинается позже, со времени распространения туда русской колонизации, русской культуры. Во многих частях России история наступает только с XIII—XV-го веков, а на востоке, на юге или в Сибири и еще позже с XVI и даже XVII—XVIII веков. К древностям этой категории относятся памятники церковного и гражданского зодчества, храмы, кремни, предметы церковного, военного и домашнего быта, рукописи, грамоты, виды старинных городов, портреты старинных деятелей и т. д.

Я не буду останавливаться на них, т. к. моя задача обратить ваше внимание на памятники доисторической старины. К этой категории принадлежат, прежде всего, рассеянные в разных частях России древние могилы, которые относятся к дохристианским, языческим временам. Они представляются то в виде насыпей, так называемых курганов, то образуют сплошные кладбища, могильники, часто без всяких насыпей. Относятся они, как сказано, ко временам дохристианским, хотя некоторые курганы продолжали насыпаться в течение века—двух и после, даже в областях, где уже было распространено христианство, не говоря уже о восточной и южной окраинах, где еще после того продолжали жить тюркские и другие инородцы.

В разных частях России курганы имеют не одинаковую высоту. На юге, в Новороссийском крае, в Предкавказьи они иногда достигают высоты 5—10 саж., но в Средней России они большей частью не больших размеров, а иногда представляют едва заметные возвышения. Ссыпаны они из земли, иногда из камня или обставлены камнями. По времени некоторые из них отличаются большою древностью, относятся к временам до начала нашей эры, другие были насыпаны много позже, напр.: курганы славянские, кочевников и др. (X—XIV в. в.)

По устройству могил опять встречаются значительные различия: в Южной России имеются курганы, погребения в которых распо-

жены на большой глубине, в материке, в других местах умершие погребались в неглубоких ямах, или клались на поверхности земли, или даже на небольшом возвышении; иногда умерших клали в боковой выемке ямы, как например в так называемых могилах-катакомбах или еще в настоящее время у татар-магометан.

Некоторые погребения отличаются обилием при костяках ценных вещей, например золотых и серебряных изделий, иногда художественной работы, как например в древнегреческих гробницах Керчи или в некоторых южно-русских, так называемых скифских курганах. Обилие украшений, а иногда и орудий, мы видим в финских могильниках, в которых однако нет золота и серебра, а почти исключительно бронза и железо, именно: бронзовые украшения и железные орудия (ножи, топоры) и оружие. Иногда попадаются в могилах и каменные изделия, например: в древнейших южно-русских могилах, относимых учеными к так называемым киммерийцам, в которых имеются погребения со скорченными костяками, лежащими на боку и окрашенными часто красной краской в них не редки каменные орудия и медные или бронзовые. Каменные изделия попадаются иногда и в позднейших курганах, но здесь они имеют повидимому особое, мистическое значение. Так например, проф. В. А. Городцовым были найдены кремневые изделия в одном подмосковном кургане, причем имелись основания предполагать, что это была могила знахаря, который пользовался такими кремнями (признаваемыми вообще народом за громовые, павшие с неба) для целей своей профессии. Кроме вещей, глиняных (иногда со следами пицци, крупы, костей и т. п.) или их остатков, черепков горшков, в могилах обычны кости не только человека, но и животных. В могилах кочевников, например, встречаются нередко кости лошадей. При раскопках в Новороссии Н. Е. Бранденбургом кочевнических могил были найдены рядом с человеческими скелетами скелеты лошадей. Вместе с умершим воином хоронили и его коня, и его оружие. В других подобных могилах находят однако только череп лошади и кости ее ног. Встречаются остатки и других животных, например, коровы, овцы. Иногда они имеют вид обожженных и производят впечатление остатков от тризны. Все эти остатки погребения желательнее сохранять вместе с бытовыми предметами (украшениями, оружием и пр.) и прилагать к ним ярлыки с указанием где, в каком положении они были найдены.

Еще более следует сохранять кости человеческие, даже мелкие, т. к. мы не знаем, не может ли попасться тут что-нибудь интересное и замечательное. В особенности важно сохранять черепа, но при возможности и другие кости. Если костяк хорошо сохранился, то при наличии музея, можно иногда даже реконструировать погребение со всеми найденными при нем вещами. Надо замечать, при каких условиях происходило погребение умершего. В некоторых случаях покойника клали на слой охры или посыпали его охрой, вследствие чего впоследствии костяк впитывал в себя краску и получались окрашенные кости.

Все сказанное относится к могилам с погребением, но встречаются и могилы со следами трупосожжения и притом разных типов. Остатки сожженных трупов и положенных с ними вещей оказываются иногда под курганами (напр., в княжеских черниговских и некоторых смоленских погребениях, в некоторых варяжских могилах и др.). В других случаях от сожжения оставался только пепел с немногими

остатками, которые прямо засыпались землей или кладались в сосуды (урны). В других случаях мы имеем белую окраску—белую землю-мел. Встречается иногда также уголь, зола и т. д. При этом следует отмечать, из какой могилы что взято, при чем на костях (напр. черепах) можно прямо писать чернилами, т. к. ярлыки могут потеряться, а это обозначение чернилами оставит, например, на черепе, обозначение навсегда. Требуется однако большая осторожность при вынимании костей из могилы, т. к. кости часто от времени становятся так ветхи и хрупки, что распадаются и крошатся. Прежде, чем взять их из могилы, нужно дать им просохнуть, или же смазать их в могиле чем-нибудь клейким.

Нужно также бороться с невежественными людьми, которые часто ищут при раскопках кладов, думая найти золото, бриллианты и т. под. драгоценности. Ничего этого они не находят, а только портят то, что имеет значение для археологии. Раскопки нужно вести непременно с людьми, знакомыми с этим делом и вообще толково и осторожно. При вскрытии погребения желательно его зарисовать, а иногда и снять фотографию.

Для ознакомления с раскопками хорошо предварительно принять участие при раскопках кого-либо из специалистов или по крайней мере ознакомиться с инструкциями для раскопок, составленными и опубликованными Городцовым, Спицыным и другими.

При раскопках группы курганов или значительного могильника не следует стараться вскрыть все могилы; напротив того, необходимо оставлять некоторое число погребений нетронутыми для будущих исследователей, которые явятся с гораздо большими знаниями и большим опытом, чем мы и которые вероятно смогут увидеть и прочесть в этих раскопках то, что сейчас еще от нас ускользает.

Кроме могильников, значительный интерес могут представлять еще и городища. Так называются древние земляные укрепления, городки, окруженные рвом и валом. Большей частью такие городки устраивались на холмах, на стрелке образуемой слиянием реки в ее притоком, но иногда и на ровном месте или среди болот. Они занимают иногда довольно большие площади, но чаще небольшие. Со стороны, более доступной для неприятелей они окружались валом и рвом, а иногда 2-мя валами. В Средней России встречаются городища и более древние, повидимому финские, и позднейшие, которыми пользовались и русские. Раскопки в таких городищах открывают уголь, золу, остатки печей, разные отбросы, напр., кости охотничьих и домашних животных, черепки глиняной посуды, утраченные или брошенные изделия, оружие, рыболовные крючки и другие предметы—из камня, костей, бронзы и железа. В одном городище Костромской губ. на реке Ветлуге покойный Ф. Д. Нефедов нашел следы землянок, остатки угля, черепки, костяные шилья и крючки, каменное орудие и один предмет из кости округлой формы с дырочкой для привешивания. Эта привеска оказалась пластинкой, вырезанной из человеческого черепа и продырявленной очевидно для ношения на шее в виде амулета. Подобные амулеты были находимы и в других местах и свидетельствуют о поверье, что в некоторых случаях было полезно носить такие вырезанные из черепа умершего человека привески, как в других случаях находили необходимым производить трепанацию черепа живого человека. В разные эпохи и у разных народов существовало поверье, что если человек страдает па-

дучей или другой мозговой болезнью, то полезно делать отверстие в его голове, чтобы дать возможность выйти удручающему его духу (болезни).

Другим примером трепанации черепов в пределах России представляет череп, найденный в городище Княжья гора на Днепре. Это было укрепление Великокняжеского периода во время Монгольского нашествия в XIII в. Повидимому, осажденные в укреплении старались спрятать имевшиеся у них ценности в земле. Покойный проф. Д. Я. Самоквасов нашел в почве этого городища много таких отдельных кладов, которые поступили впоследствии в Исторический Музей.

Но городища не всегда были укреплениями; иногда они служили и для других целей, напр. для молений и жертвоприношений. На Урале, недалеко от Екатеринбурга, на так наз. Караульной горе близ Сысертекого завода, было найдено несколько десятков бронзовых изображений летящих или парящих птиц, с распростертыми крыльями. Птицы эти были воткнуты в землю, как-бы в намерении лететь к небу. Очевидно, этими изображениями пользовались с религиозными целями, как посредникам в сношении с божеством. Иногда встречаются такие птицы с 2 и 3 головами, или с изображением на груди человеческого лица. Большею частью они представляют птиц хищных: соколов, сов, но иногда ласточек, гагар и др.

В Пермском крае имеется одно городище, так называемое Гляденовское, в котором была найдена масса предметов из бронзы, железа, свинца и т. д., изображающих различных птиц, но также и зверей, змей, людей и др. и массы золы и костей, толстым слоем более 2 аршин толщины, очевидно остатки заживавшихся костров и приносившихся жертв.

В Южной России найдены в земле и другого рода остатки старины. Есть в Киевской губернии село Триполье; около него были найдены в земле площадки, отчасти служившие для погребения, а отчасти бывшие основаниями жилищ. На этих площадках находили много остатков расписной глиняной посуды, своеобразных форм и оригинально орнаментированной и окрашенной. Кроме того, там находили глиняные статуэтки пагих женщин и животных, большие кремневые осколки и некоторые другие предметы, а также остатки зерна (пшеницы), свидетельствующие, что это было население, уже знакомое с земледелием. В общем все эти остатки указывают на своеобразную культуру, которая получила название Трипольской, но следы которой были найдены и далее на запад—в Вессарабии, Румынии, на Балканском полуострове и т. д. Основываясь на характерной росписи сосудов, некоторые исследователи думают видеть в этой культуре предшественницу позднейшей греческой с ее расписными вазами. Однако такое мнение встретило и многие возражения.

Кроме городищ следует обратить внимание вообще на находки кладов. Они у нас делались довольно часто. Находили иногда старинные вещи большой ценности из золота и серебра художественной работы или большие или меньшие собрания монет различных эпох—греческих, римских, западных, восточных (арабских, золотоордынских и др.). В юго-западной России нередки находки больших кладов римских императорских монет, преимущественно 4-го века, свидетельствующих, что в это время были оживленные торговые сношения

римских провинций с населением, жившим на территории нынешней ю.-западн. России. В других местностях были находимы клады серебряных восточных монет, указывающих на развитую некогда торговлю, шедшую из Персии вверх по Волге до Булгар. Иногда встречаются клады, состоящие из других более или менее ценных предметов. В Пермском крае и далее на север известно немало находок образцов старинного восточного серебра, особенно так называемых Сассанидских блюд, с изображением на них животных, растений, восточных царей, охоты на львов и т. п. Они привозились очевидно в обмен на продукты местных промыслов, особенно на дорогие меха и употреблялись туземцами (Печерой и др.) в качестве приношений их идолам. Много таких блюд, чаш, кувшинов имеется в коллекциях Эрмитажа и других музеев. Иногда находят и клады менее ценных вещей, но тем не менее интересных в археологическом отношении. В Казанской губ. напр. был найден клад из нескольких десятков медных серпов, указывающий, что здесь был некогда бронзовый век, когда уже было известно земледелие.

Бронзовый и предшествовавший ему медный век ходят далеко за пределы нашей эры. Когда то думали, что у нас он процветал только в Сибири, а в Евр. России его почти не было, так что каменный век сменился здесь непосредственно железным. Однако теперь мы знаем, что и в Европ. России была эпоха преобладания меди и бронзы в качестве материала для орудий. Но наиболее богата остатками этого века все-таки восточная Сибирь, именно Минусинский край, по верхнему течению Енисея. Здесь и в могилах и просто в земле найдены тысячи предметов из меди:—топоры разных форм, кинжалы, ножи, наконечники копий и многие другие предметы, отчасти украшенные орнаментом или изображениями оленей, горных козлов, грифов и др. Следы этой оригинальной культуры найдены и далее на запад—в Алтае, Киргизской степи и на Урале, но Уральская бронзовая культура отличается по многим признакам от Минусинской и развилась повидимому самостоятельно, под иными влияниями. Она распространялась в Пермской, Вятской, Казанской, Уфимской губ., а несколько позже, по ознакомлении с железом, дала начало своеобразной культуре начального железного века известной нам из раскопок Ананьинского (близ Елабуги) и других древних могильников. Бронзовый век был когда то и в северной России, как это доказывают предметы т. н. Фатьяновской культуры (в Ярослав. губ.) и Сейменской (в Нижегородской). Оригинальную культуру тех же времен мы встречаем в т. наз. катакомбных погребениях в Харьковской губ., предметы которой (и глиняные сосуды) указывают черты сходства с некоторыми древними могильниками Кавказа. Там (на Кавказе), в горной Осетии найдены древние могильники с своеобразной бронзовой культурой, относящейся к началу железного века, но тогда в оружии, орудиях и украшениях преобладала еще бронза. В Закавказье имеются также весьма древние могилы с предметами, указывающими на культурное влияние Ассирии. Это же влияние выражается в распространении туда клинописи, которая была усвоена жившим и там народам (Урарту, халды) и применена к их языку, надписи на котором высечены на скалах оз. Вана и в других местах. Язык этот был дешифрован покойным М. В. Никольским, которому удалось надписи эти прочесть. В них говорится о победах местных царей, боровшихся одно время не безуспешно с Ассирией.

Ранее медно-бронзового века у нас господствовал очень долго каменный век, который естественно делится на два: новокаменный век (неолитический) и древне-каменный (палеолитический). Неолитический век, хотя и уходит за несколько тысячелетий до нашей эры, но продолжался местами еще до исторического времени (на востоке Сибири) и во всяком случае входил в пределы современной геологической эпохи, когда климат флора и фауна нашей страны, были в общем такие же, как и теперь. Остатки неолитического века встречаются всюду в России, от берегов Белого моря на севере до Крыма на юге и от западных окраин до восточной Сибири. Они представляются отчасти в обитых (из кремня, обсидиана, кварцита, орудий отчасти в шлифованных из песчаников, сланцев и многих других горных пород, а также в виде изделий из рога, кости и глины (глиняных сосудов и черепков от них). Из обитых орудий наиболее обычны—осколки, служившие ножами, наконечники копий, скребки наконечники стрел, а из шлифованных—топоры, молотки, долота, кирки и др. Находят их большей частью случайно в земли, на пашнях, в лесу, на берегах рек и озер, в торфяниках и т. д. В большом количестве они встречаются иногда на речных песчаных дюнах, где были очевидно постоянные или временные поселения неолитиков. Известна местность на Оке около Муроме у д. Волосова, на речке Велетьме. Здесь найдены остатки неолитической стоянки давшей массу костей (звериных, птичьих, рыбьих) черепков и каменных и костяных изделий (большая коллекция их, главным образом из сборов и раскопок покойного П. П. Кудрявцева, находится в Историческом Музее). Жившие здесь население занималось охотой и рыболовством и не знало земледелия; из домашних животных имелась только собака. Подобные же следы древних стоянок были найдены и в других местах по берегам Оки, а также на Волге ее притоках, на Днестре и т. д.

Замечательные находки были сделаны на южном побережье Ладожского озера при прорытии нового Сясьского канала в 1870 годах и описаны покойным проф. А. А. Иностранцевым и др. Здесь в торфе на дне бывшего озера, были найдены кости многих животных, служивших предметами охоты и рыболовства, черепки посуды, обитые и шлифованные каменные орудия, костяные изделия (в том числе резные изображения тюленя, человека и др.), остатки человека и нескольких человеческих черепов и других костей. Все эти остатки относятся к культуре, следы которой были найдены также в Прибалтийском крае и повидимому несколько более древней эпохи в Дании и сев. Германии. Остатки неолитического века попадают нередко при разработке торфяников на что следует обратить внимание местных краеведов в целях принятия мер к сохранению таких остатков, не только каменных и костяных изделий но и костей (животных и человека).

Внимательный осмотр береговых дюн, особенно после сильного ветра (сдувающего верхний слой песку), может также повести к открытию следов древних стоянок.

Гораздо далее вглубь веков уходит палеолитический век, который совпадал с последними эпохами четвертичного, ледникового периода, когда климат, флора и фауна во многом отличались от современных, когда в Европе жили еще мамонт, ископаемый носорог, и многие представители далекого Севера. От этой эпохи, уходящей на многие десятки тысячелетий от нашей эры, сохранились местами остатки в

пещерах, в речных наносах, в толщах лесса и т. д., давшие богатый материал для познания палеолитического человека, его быта и типа.

Всего более таких находок было сделано во Франции, затем в Южной Англии, Бельгии, Юж. Германии, Австрии, Испании, но некоторые известны также и из России. Еще 1860-х—1870-х годах были добыты интересные остатки в пещерах Юж. Польши, в с. Костенках на Дону, в Воронежской губ., а позже еще более интересные находки были сделаны в Киеве, в Полтавской губ. (у с. Гонцов), в с. Мезинене, Черниговской губ., наконец в Сибири, на Енисее и его притоках. В Юж. России эти остатки находят обычно в лессе, под червоземом; в лессе же они были найдены и в Сибири. Вместе с ними в тех же слоях находят остатки мамонта и других, отчасти вымерших, ископаемых, отчасти северных животных. Остатки человека заключаются в предметах его быта (каменных и костяных изделиях) и в отбросах (костях) его трапезы. В Мезине были найдены и некоторые произведения палеолитического искусства: резные (из кости) птички, предметы вроде фаллуса или желудей, костяной браслет с узорами и т. п.

Что касается остатков самого палеолитического человека, то их пока у нас не найдено. Единственная находка, заслуживающая внимания, хотя при ней и не найдено было никаких человеческих изделий, это—неполный человеческий череп (черепная крышка и части челюсти, добытые около Пятигорска, в долине р. Подкумка, при проложении канализационных труб. Найденный рабочими череп этот попал по счастью в руки М. А. Гремяцкого, естественника, воспитанника Московского университета и преподавателя местного института. Гремяцкий привез этот череп в Москву и подверг обстоятельному исследованию в нашем Антропологическом музее. Оказалось, что череп этот по своим признакам подходит к типу первобытного человека. „*Homo primigenius — neanderthalensis*“, остатки которого были найдены во многих пещерах Франции, Бельгии, Германии, Австрии. Правда, признаки эти на данном черепе не резко выражены; они в значительной степени сглажены, тем не менее они имеются, и отложение, в котором найден череп, повидимому, может быть отнесено к четвертичной эпохе. Пока эта находка единственная,—но в будущем могут оказаться и другие, относящиеся к той же эпохе, поэтому местным обществам краеведения необходимо следить за подобными находками древних человеческих остатков и принимать меры для их охраны от уничтожения и для помещения в подходящий музей.

Все раскопки курганов и могильников, все находки кладов и остатков доисторической культуры необходимо отмечать и наносить на карту (губернии, уезда, края). Каждое общество краеведения должно иметь карту своей местности в масштабе не менее 3-х верст в дюйме (или в 1 : 100000), а, если есть возможность, то и в масштабе 2-х верст в дюйме. На такую карту можно нанести все сделанные в крае раскопки и находки, обозначая их особыми знаками (напр. курганы, могильники, пещеры и т. д.) и разными цветами (для железного, медного, нового и древнекаменного веков).

Схема таких знаков была выработана за границей и также приспособлена для русских древностей. Московским Археологическим Обществом была издана брошюра по этому вопросу. Подобных археологических карт имеется еще очень мало, однако можно указать на карту Моск. губ., составленную проф. С. К. Богоявленским и карту

Киевской губ., составленную покойным проф. В. В. Антоновичем. Составляя на такой карте знаки для курганов, могильников, городищ, кладов и пр., необходимо каждый знак сопровождать № (номером) и в записке к карте давать соответствующее описание, напр.: группа из курганов такого-то времени, раскапывались тогда-то, тем-то, вещи находятся там-то и т. д.; или клад из таких-то монет или вещей, найден тогда-то, описан тем-то, хранятся в таком-то музее и т. п. По мере накопления сведений и новых находок и карта должна соответственно пополняться. Необходимым дополнением к карте должно служить только что указанное объяснение отдельных номеров и список тех сочинений и статей, в которых имеются сведения по археологии края. Общество краеведения должно не только составлять такие списки, но по возможности и приобретать соответствующие сочинения. Составление археологической карты края (по доисторическим и историческим древностям), а также описания к ней и библиографического указателя—может быть признано одной из главнейших задач для обществ краеведения. Разрешением этой задачи общества могут принести большую пользу делу русской археологии ¹⁾.

¹⁾ Доклад Д. Н. Анучина сопровождался демонстрацией многих археологических изданий и таблиц рисунков.

Важность и срочность собирания этнографических материалов для задач краеведения.

Мне кажется, немногие могут сомневаться в том, что собирание этнографического материала является важной задачей краеведения. Однако, если мы обратимся к практической краеведной этнографии, то встретимся с такого рода явлением, что этнографическим материалам обычно не придается того значения, которого они, казалось, заслуживают. Обыкновенно местные музеи, которые должны являться сосредоточением материалов, получаемых путем этнографического обследования края, будь это музеи уездные, губернские, даже областные, не содержат часто этнографического материала в таком виде, чтобы дать действительное, правильное представление об этнографическом характере края. Обычно развивая естественно-историческую и историко-этнографическую части, эти музеи этнографический материал оставляют в стороне. Если бы мы попытались найти причины подобного явления, то прежде всего встретились бы с фактом не вполне ясного понимания и представления о том, что собственно говоря есть этнографическое изучение края, чем по существу являются этнографические материалы и в каком смысле этнографическое изучение помогает нам познать край. Очень часто особенно в небольших уездных, но я скажу и губернских музеях вся этнография края бывает представлена какой-нибудь отдельной мордовской рубашкой, каким-нибудь кокошником или еще чем-либо в этом роде. Что же касается просто любопытного для данного края материала по домашнему обиходу, орудиям труда, средствам передвижения, даже костюма настоящего или прошлого поколения в его полном виде мы обыкновенно не находим. Все эти предметы кажутся слишком обычными, слишком может быть однородными для всей России, краеведное значение их не вполне очевидным и ясным. При таком отношении окружающая бытовая культура края изучается только внешне, описательно, иногда иллюстративно.

От этнографии в лучшем случае требуется дать по возможности яркое описание своеобразных для края особенностей быта и жизни народа, не углубляясь во все их значение. При этом обыкновенно встречаешься с неумением разобраться в том, что является интересным и характерным для данного края; что собственно описывать чужое становится любопытнее и интереснее своего. Это последнее явление в высшей степени характерно для очень многих местных музеев. Мы, например, встречаем в каком-нибудь музее центральной России китайский костюм или бухарскую тюбетку, тогда как местного этнографического материала совершенно нет. Только правильное понимание основных задач областной этнографии позволит с интересом отнестись ко всей массе местных этнографических фактов и собрать их.

Ведь народный быт не принадлежит только данному моменту. Он представляет собой сложное целое, которое своими корнями уходит в далекое прошлое. Поэтому просто описывать его, подходить к нему чисто иллюстративно является недостаточным. Именно эта недостаточность яснее всего проявляется в том факте, что исследователю и наблюдателю приходится в самом деле теряться перед тем, что-же является действительно этнографическим фактом, уясняющим характер данного края и что, напротив, остается совершенно лишним и неважным. В современной бытовой культуре народа, если на нее посмотреть более углубленно, мы встретимся с различными эпохами и культурными влияниями. Связь этих культурных влияний, взаимное отношение культурных эпох друг к другу и являются характерными именно для данной определенной территории края. Их понимание, их разъяснение не может быть получено каким нибудь общим путем на основании общих теоретических предпосылок. Понять действительный смысл всех этих сложных сочетаний, всех элементов, которые мы встречаем в данном крае и которые при простом внешнем взгляде кажутся мало интересными, возможно только в связи с историей данного края и только в этом случае значение становится очевидным. Таким образом этнографический материал является материалом, служащим непосредственно к уяснению данного края, и именно в этом смысл краеведной этнографии, и здесь тот путь, следуя по которому краеведная этнография может правильно поставить свои задачи и выработать методы для своей работы.

В этнографическом изучении особенностей костюма, утвари, жилища, верований, обрядов местного населения мы сможем найти загадку прошлых судеб данного края, историю племен, его населявших. Но для этого необходимо, как я уже указал, подходить к этнографическим явлениям, так, чтобы они становились историко-этнологическими памятниками.

Для этого же прежде всего надо смотреть на них, как на историко-этнологические памятники. Каждое этнографическое явление, которое попадает в круг наших наблюдений, мы должны изучить в связи с данной территорией, с данным краем. Под таким углом зрения этнографические явления должны быть собраны, таким точно образом их нужно и наблюдать на месте. Занимает ли край более или менее обширную область или малый уезд, мы не можем исключительно ограничиться тем, что регистрируем данное явление, как встречающееся в крае. Нужно указать на его определенное место, географическое распространение в крае, связь с определенными явлениями не только современной, но и прошлой жизни края, поскольку эта прошлая жизнь вскрывается для нас как путем ее изучения по памятникам литературным, так и по памятникам современного быта. Таким образом этнографическое явление должно встать для нас в его территориальной обстановке и в историческом освещении. Тогда оно делается историческим документом, историческим памятником и приобретает ту цену, которой этнографическое явление совершенно не получает и не имеет, когда мы на него смотрим, только как на некоторый факт окружающей жизни, который мы просто фотографируем или включаем во внешнюю карту. Я приведу некоторые примеры. Так, изучая костюм Московской губ., мы неизбежно должны столкнуться с двумя волнами колонизации Московской губ. Одна колонизационная волна вероятно северо-западная, другая какая

то южная или юго-западная. Эти две волны колонизации несут по отношению к костюму две вполне определенных и резко выраженных формы. В области одной колонизационной волны мы встречаем в женском костюме сарафан, в другой—паневу. Изучая костюм Московской губ., мы имеем дело с территориальной границей распространения той и другой формы костюма, и таким образом наше изучение костюма заставляет нас уходить в то прошлое, когда Московский край был колонизован славянами. Исследуя другую часть костюма, например, рубаху, мы опять таки находим, что для нас недостаточно просто указать, что в Московской губ. носится рубаха такого то вида. Нам необходимо посмотреть на рубаху, как на историко-этнологический памятник. В таком случае для нас становится важным не простой факт, что женщины носят длинные рубахи, а то, что это за рубаха и какова она. Если мы таким образом подойдем к рубахе Московской губ., то ее особенности заставят нас перейти грани эпохи заселения Московской губ. славянами и встретиться с более древними формами костюма до-славянского населения Московской губ. Таким образом понять рубаху, понять распространение ее различных форм по Московской губ. нам поможет только определенное историческое освещение, исторический подход к явлению этнографическому. Таким образом этнографическое явление, которое с первого взгляда казалось неинтересным и маловажным, приобретает совершенно особый смысл и определенную ценность. Я возьму другой пример. Если мы тот же великорусский костюм станем изучать на степной окраине древнего Московского государства, т. е., например, в губ. Тульской, Калужской, Рязанской, Орловской, то мы здесь опять встретимся с целым рядом особенностей распространения костюма. Тот самый сарафан, который мы имели в Московской губ. в известной его части, этот сарафан мы начинаем находить и здесь, и находим его в каком то определенном соотношении с другим видом женского костюма, с паневой: в одной деревне имеется сарафан, рядом деревня—имеется панева, опять рядом сарафан, опять рядом панева. Совершенно недостаточно в таком случае знать, что в такой то губернии имеются и сарафан и панева. Важно указать определенные точки, собрать определенные данные, в каком месте мы имеем сарафан, в каком паневу. Оказывается, что изучая и уясняя себе распространение этих двух видов костюма, мы должны обратиться к колонизации степной окраины в Московское время 15—16 века, когда в населении, колонизовавшем эту окраину, различались определенно два сословия: крестьянское и высшее военно-служилое сословие, которые несли туда эти две различных формы костюма и, поселяясь часто рядом в соседних деревнях, сохранили особенности своего сословного костюма до настоящего времени. Если мы не обратимся к истории, если мы на данный этнографический факт не посмотрим серьезно, то мы совершенно не в состоянии будем уяснить историю колонизации в той полной мере, в какой она выясняется путем этнографического изучения. При такой постановке дела, при таком взгляде, при такой точке зрения даже маловажный факт может приобретать крупный исторический смысл. Возьмем например, лапти: лапти, обычно отсутствующие в местных музеях, хотя это предмет, который, кажется, легче всего приобрести и легче всего иметь. Лапти являются осколком быта архаичного. По существу они в состоянии нас удалить к очень древней эпохе жизни народа. В то же самое время, различаясь по

территории России в различных частях довольно резкими особенностями и будучи тесно связанными у данной группы населения с ремесленным навыком и привычкой плести лапти определенной формы, они могут служить прекрасными документами того, откуда, из какой части Великороссии пришло население в позднее колонизованные области.

Так, например, наблюдая распространение лаптя в губерниях нижнего Поволжья, поздно заселенного, можно встретить целые волости, даже уезды, в которых форма лаптя нам определенно указывает и ясно связывает с теми губерниями, откуда данное население сюда прибыло.

Понятно, если мы соберем таким образом коллекцию лаптей и сделаем им точное описание во всей, хотя бы Саратовской губ., то мы в состоянии будем связать многие волости и деревни с теми областями, откуда эти деревни пришли и заселили Саратовскую губ. Таким образом оказывается, что при указанном взгляде на этнографические памятники они приобретают совершенно определенную историческую ценность и определенный исторический смысл. Такой подход к этнографическим памятникам, именно подход краеведный, наиболее удовлетворяет требованиям этнографической науки вообще. Если мы до сих пор в краеведном изучении редко или даже почти никогда не наблюдали подобного подхода, то виновата в этом понятно не краеведная этнография. Главная и основная доля вины лежит на этнографической науке центра, которая действительно почти до настоящего времени мало обращала внимания на эту сторону, на указанный характер этнографического материала. Достаточно сказать, что в историческом изучении России мы никогда нигде не видим ссылки на этнографические явления. Этнография не играет никакой роли в исторической науке России. Только в последнее время определенно начинает замечаться понимание историко-областного смысла этнографических явлений. Центр давал в край исследовательские программы по этнографии. В этих программах чувствовалась потребность в крае и в центре. Однако, как раз отсутствие понимания исторического значения этногр. явлений делает эти программы совершенно недостаточными для краевой этнографии. Да и не может быть иначе. Никакая центральная программа не может быть достаточна уже потому, что она подходит к этнографическим явлениям, с некоторой общей точки зрения, а я только что указал и определенно указываю на необходимость краеведного подхода к этнографическим явлениям, т. е. не общего, а конкретного, связанного с историей данного края. Только тогда явится возможность в должном виде и полно собрать этнографический материал по всем областям России, если каждая область подойдет к его собиранию с точки зрения своей краевой истории. Поэтому общие программы являются недостаточными, не удовлетворяющими цели и необходимо обратить внимание на совершенно иной подход, на иной способ проведения этнографических знаний, выработки этнограф. навыков в крае. Сама краеведная этнография, как бы по своей сущности выдвигает принципы и методы этнографической науки России вообще. От краеведной этнографии, от принципов краеведного изучения мы подходим к уяснению принципов общей этнографической науки России. Это является в высшей степени существенным и как раз эта сторона и заслуживает особенного внимания. Когда мы подходим к этнограф. материалу, имеюще-

муся в центре, мы наблюдаем его количественную и качественную недостаточность. Мы на основании музейного и литературного материала не в состоянии уяснить большинства вопросов общей культурной истории России и тем более отдельных ее областей. Напр., мы не можем по музейному материалу дать представление об истории развития и распространения русской избы. Мы не можем уяснить территориальные распространения такого любопытного этнограф. явления, каким является долбленный челн, а распространение его различных форм связано с древними колонизационными путями по различным водным бассейнам России. Однако этот материал исчезает очень быстро, как исчез в тех местностях, где нет леса и там долбленный челн заменился дощаным. У нас нет материала, чтобы дать историю распространения и развития русской телеги, русских саней различного типа и форм. Все это можно сделать только путем изучения и собирания материала по отдельным областям в отдельном крае с указанной точки зрения. Не только вся российская этнография не дает достаточного материала, но и инородческая тоже самое. Иногда кажется, что по инородческой этнографии сделано больше, чем по русской. Это не совсем справедливо. Правда, на явления инородческой этнографии больше обращали внимания, но и к ним не подходили с историко-культурно-областной точки зрения и во многих случаях к ним было трудно подойти с этой точки зрения, именно потому, что исторических памятников, чисто литературных памятников по инородческой этнографии не так много.

Пробуждение интереса к местной истории делает собирание этнографического материала первоочередной заботой учреждений краеведения. Действительно, если этот материал является важным и порою единственным памятником, дающим возможность уяснить прошлое края, то на него должно быть обращено именно такое внимание. Я скажу даже, что памятники археологические, особенно позднейшие из них, которые относятся к племенам, в настоящее время населяющим край, остаются немymi и слепыми для истории края, если не освещены этнографическими данными. Действительно, этнографический материал должен приобрести особое и заслуженное значение. Вместе с тем на археологический материал тратятся часто огромные средства и силы, а этнографическое изучение остается в стороне. Поэтому мне кажется в интересах науки, в интересах познания края, было бы необходимо теперь же часть средств и сил, которые тратятся на исследование археологическое, направить на собирание этнографического материала, так как он при всей своей ценности и важности, в тоже время является текучим материалом, быстро уничтожающимся. Материалы археологические лежат в земле, лежали века и могут пролежать столько же, не теряя значения, тогда как этнографический материал исчезает с каждым годом. Поэтому забота о сохранении этого материала и должна быть заботой первоочередной и, может быть, действительно было бы целесообразнее и правильнее археологический материал сохранять и давать возможность изучать его только работникам с крупной научной подготовкой и все средства обратить на собирание этнографического материала. Говоря таким образом, противопоставляя этнографический материал археологическому, я делаю это особенно сознательно, потому что мне кажется, следует предостеречь от того излишнего увлечения археологическими раскопками в целях пополнения музеев археологическим материалом, какое заме-

чается в последнее время во многих краеведных местных учреждениях, так как такого рода явление может идти во вред познанию истории края, а не на пользу. Мы имеем такого рода примеры из прошлой археологической практики. Так раскопки, сделанные как будто и опытным археологом.—раскопки Уваровым мерянских курганов, отняли много у археологии ценных памятников, не дав правильного и научного их освещения и, таким образом, уничтожив навсегда их для науки. Тем более это возможно ожидать от большинства местных лиц, которые принимаются за раскопки впервые, особенно в небольших областях. Таким образом я думаю, что эта сторона должна быть принята во внимание в обществах краеведения. И, действительно, если стоит перед краеведением задача познания края и его истории, то нужно использовать, прежде всего, материал этнографический. Перед нами может встать теперь вопрос: если действительно этнографический материал является материалом быстро исчезающим, материалом недолговечным, если голоса о том, что необходимо собирать этот материал, раздаются уже в продолжение 100 лет в России, указывая на то, что материал исчезает, то, может быть, в настоящее время его почти уже не осталось и нам нечего собирать? Но уже те примеры, которые мною приведены раньше, указывают, что этот материал существует и нам есть что собирать. Правда, этот материал исчезает, многое исчезло окончательно, многое приходится восстанавливать путем опросов, часто небольших оставшихся намеков, но тем более необходимо приступить к собиранию такого материала. Однако материал еще богат. Даже под Москвой, не только в Московской губ., а даже почти под самым городом можно встретить этнографический материал, ценный своею архаичностью в том смысле, что он уводит нас в далекое прошлое Московской губернии. Мы сейчас можем собрать материал, который говорит нам о дославянском населении Московской губернии, о верованиях дославянского и языческого населения совершенно ясно и определенно. Почти под самой Москвой мы находим, напр., своеобразный культ лаптей, являющихся религиозными атрибутами почитания предков, (что лапти подвешиваются в курятниках для охраны кур). Мне приходилось видеть куриного бога в виде подвешенного над курятником кувшина с выбитым дном—под самой Москвой. Точно также под Москвой сохранился обряд опахивания от падежа и мора, производимый женщинами. Затем добывание живого огня путем трения дерева о дерево. Похороны животных. Такие явления материальной культуры, как курные избы, сохранившиеся еще в Московской губернии, интересны не только потому, что являются пережитком старины и представляются курьезом, но они интересны потому, что несут в себе массу старых традиционных форм древней избы, утратившихся в избе белой, давая, таким образом, возможность понять детально и ясно развитие современной, более приспособленной к жизни, избы. Необходимо только, чтобы ко всем этим памятникам относились действительно как к историческим документам, чтобы собирались эти памятники с полным детальным описанием, с указанием их бытования на местах, отношением к ним населения, техники их изготовления, терминологии всего того, что требуется от действительно правильно сохраняемых исторических документов. Я уже сказал, что программа для этого недостаточна. Для этого нужна подготовка этнографов-собираателей, и мне кажется, что пред краеведными учреждениями стоит задача спешно и энергично организовать собирание этно-

графических материалов, организовать курсы и институты для подготовки местных этнографов-собрателей, которые бы, действительно правильно и серьезно подходя к историческому значению этнографических явлений, смогли бы их научно и детально собрать и, таким образом, охранить их, так как собирание этнографических материалов является единственной формой их сохранения. Нельзя сохранить уходящую форму быта и нет смысла ее сохранять, когда она заменяется новыми формами, но ее надо сохранить для науки, а для этого ее надо правильно собрать и правильно описать. Что действительно этнографические материалы уничтожаются с невероятной быстротой, можно доказать целым рядом примеров. В настоящее время катастрофически уничтожается старинный костюм, уничтожается тот самый костюм, который хранился сотни лет в сундуках. За недостатком мануфактуры он выходит наружу, распарывается, перекраивается, из расшитых рубашек делаются платки на голову, даже пеленки, и, таким образом, тот материал, который хранился страшно долго, и несмотря на многочисленные деревенские пожары, во многих местах сохранился до нашего времени, теперь уничтожается с каждым днем. Мне самому лично приходилось спасать некоторые ценные этнографические памятники на месте, когда их уже разрезали ножницами, чтобы сделать необходимый предмет повседневного обихода. Насколько народ мало ценит свою прошлую работу, об этом ясно свидетельствуют такие факты. В Саратовской губ., напр., мордва продает массу старинных, шитых шерстью, вышивок на подшивку валенок, так как эти вышивки со сплошным, весьма любопытным, орнаментом, по своей плотности являются очень удобным и крепким материалом, заменяет войлок, который труднее достать.

Благодаря многообразию этнографического материала, собирать его придется не весь сразу. Самое лучшее наметить, что является первоочередным, второочередным и, может быть, третьеоочередным. Прежде всего следует, конечно, собирать материал уходящего прошлого, тот материал, который наиболее далек от нас и наиболее ценен, так как хранит в себе глубокие традиции и уводит нас к отдаленным эпохам истории края. Исчезновение этого материала может для нас навсегда закрыть прошлое края. Дальше можно приступить к следующей группе явлений, характеризующейся проникновением городского быта в народно-деревенскую среду. Этот материал также уводит нас отчасти к прошлому. Влияние города заметно и на стороне этнографических памятников, напр., женские сапоги особого типа, которые сменили лапти, конечно, под влиянием города, и которые сейчас в большом ходу у крестьян Тульской губернии и у мордвы Тамбовской губернии. Затем третьестепенный материал, являющийся тоже очень существенным и важным: это изучение влияния войны и революции на современный народный быт. Здесь следует указать на одно существующее недоразумение, что переживаемый ныне момент и хозяйственная разруха заставляют население возвращаться к прошлому и восстанавливать его в современной жизни. Во многих случаях это так. Мы видим сами, что появились огниво и кремень, при чем огниво сохраняет ту форму, в какой оно встречается в археологических памятниках эпох, отдаленных от нас на много столетий. Видим употребление более широкое местных тканей, вместе с тем вновь появляются старые технические навыки. Но сказать в полной мере, что возвращается старина, нельзя: возвращаются лишь некоторые стороны ста-

рого быта, а другие уничтожаются очень быстро и безвозвратно. Конечно, если установится ткань полотна в тех местах, где оно было уничтожено, вместе с ним могут возобновиться старые формы покроя, приспособленные к более узкому полотну, а не широкому ситцу, и вместе с ними воскреснет старинный покрой костюма, который теперь живет лишь в памяти старушек, но не появятся уже те вышивки и орнаменты, которые требовали много времени, много труда и терпения и которые сейчас уничтожаются окончательно.

В заключение я хотел бы еще раз указать, что, исходя из вышеизложенных соображений, следует относиться к этнографическому материалу в высшей степени серьезно и по возможности обращать более средств, отпускаемых на изучение края, на собирание и сохранение этнографических явлений тем более, что памятники естественно-исторические не так склонны к уничтожению, они могут оставаться и исследоваться после. Археологическим памятникам, как я сказал выше, даже выгоднее оставаться в земле, чем быть вырытыми на свет не вполне правильно и научно, при этом может утратиться как раз то, что делает их особенно ценными. Этнографические же материалы могут погибнуть навсегда. В данном случае мною руководит, конечно, не профессиональное чувство. Подобное отношение к этнографическому материалу высказывалось и не этнографами. Я сошлюсь на академика Бэра (натуралиста), 80 лет тому назад обратившегося к географическому обществу, тогда основанному, с определенным указанием на то, что если географическое общество желает сослужить действительную службу России, то оно должно все свои средства, какие оно тогда имело, кажутся около 10,000 руб. в год, обратить исключительно на собирание этнографического материала. Учитывая его значение и текучий характер, Бэр считал, что это будет единственным правильным употреблением средств, хотя и уходящих от исследований естественно-исторических, но зато сохраняющих тот высоко ценный материал, который в настоящее время, конечно, в большей части, погиб, потому что забота академика Бэра не была понята так, как он об этом говорил.

Материалы по народной словесности в общем масштабе краеведных работ.

Произведения народной словесности, преимущественно крестьянской и частью пролетарской, занимают бесспорно одно из первых мест среди краеведческого материала, в виду исключительного значения и научного, и художественного, и педагогического, и общественного. Труды русских и иностранных ученых в достаточной степени определена научная ценность народной словесности. При построении: например, обще-исторической поэтики, вскрыты во многих народных произведениях отголоски древнейшей культуры, исторические пережитки, выяснено отражение в поэтических памятниках исторических событий. Одновременное сосуществование на огромном пространстве России поэтического творчества в самых разнообразных стадиях развития дает возможность производить такие полные наблюдения над народной словесностью, каких лишена Западная Европа. Недаром европейские ученые обращаются к русским материалам для своих общих построений.

Художественное значение народной поэзии, сказавшееся в воздействии на русскую литературу, вызывает в настоящее время, время бурного искания новых эстетических форм, пристальное внимание современных поэтов. Если присмотреться к современным поэтам разных направлений, а направлений теперь много, то в огромном большинстве вы увидите тяготение к поэзии народной. Все эти новые искания в области поэтических форм, выискивание новой аллитерации ассонансов и т. д. находят себе поддержку в народном поэтическом творчестве, которое со стороны чисто формальной до сих пор еще слабо изучено. Постепенно начинает сознаваться та роль народной поэзии, которую должна будет она сыграть при решении проблемы о создании подлинного народного театра. Приходится удивляться, как деятели сцены мало обращали внимания на народное творчество, несмотря на желание приблизить театр к народу. Широко используется фольклор в педагогических целях. Прохождение требуемого программой особого курса народной словесности постепенно начинает производиться не с помощью книги, как раньше, а путем ознакомления с крестьянской поэзией в ее естественной, живой обстановке, часто из уст певцов и сказателей. В последнее время мне приходилось наблюдать привлечение в школу сказочников, певцов из деревни. Все это стало входить в школьные занятия, как правило. Я могу сослаться на опыт некоторых провинциальных работников. Я был приятно поражен, когда, встретив в Рязани преподавательницу Байдинскую, узнал от нее, как она строит свои курсы по языку и литературе на основании материалов, которые ее ученики собирают

в деревне. Она составила школьные альбомы, содержащие сцены из народного быта в рисунках и текстах. Вотшинский, известный Петроградский преподаватель-историк, работавший в последние годы в Тверской губернии, также строил свои курсы на материале, собранном его учениками. Педагогическое значение народной поэзии постепенно осознается педагогами и обществом, но меньше осознано значение фольклора, как отражение современности. Почти исключительный интерес к археологической стороне устной поэзии, господствовавший в науке до последнего времени, затемнял ценность ее, как живого голоса современного крестьянства. Между тем, если бы систематически и в массовом масштабе произведена была работа по собиранию народных песен, частушек и легенд, то будущий историк получил бы ценнейший материал для своего суждения об эпохе войны и революции, о сменявшихся настроениях масс в том или другом крае. Мне не раз приходилось говорить о той ценности, которую имели бы записи хотя бы частушек в одной и той же деревне в хронологической последовательности в течение целого ряда лет. Таких поэтических летописей мы почти не имеем; опыты были произведены, но разрозненно. В последнее время очень немногие подходили к систематическому собиранию фольклорного материала. Напр., известна книга—Федорченко, сестры милосердия, которая жила вместе в солдатской среде на фронте и старалась записывать разговоры солдат друг с другом, составила большой сборник легенд, сказаний и просто разговоров, но Федорченко преследовала не научную цель, а литературную. Все же материал говорит здесь сам за себя. Нужно указать на опыт, проделанный Костромским Обществом изучения местного края, издавшим любопытную книгу „Костромская деревня в первые годы войны“.

Кто имел эту книгу, тот знает, что эта книга отражает вполне настроение деревни той эпохи. Если бы подобный материал собирался интенсивнее, то мы имели бы для будущих времен богатейшие сокровища. События нашей исторической эпохи сопровождаются быстрой сменой художественных форм. В виду этого особенно важно производить длительные наблюдения над жизнью фольклора. Только при участии местных обществ могут быть сделаны такие наблюдения. Интересны самые процессы изменения, а между тем массовые наблюдения делались очень редко. Мы так хорошо изучаем творчество большого поэта, но мы сравнительно мало уделяем научных сил изучению творчества крестьянского поэта. Вот почему необходимо учреждение на местах фольклорных станций или районных отделений краеведческих обществ, необходимо, чтобы длительная работа производилась изо дня в день над всеми изменениями, которые так быстро чередуются в народной поэзии и быте.

Собирательский и исследовательский опыт последних лет показал, что при организации фольклорных экспедиций из культурных центров наиболее пригодна коллективная запись, одновременное наблюдение многих лиц. Только коллективную запись в короткое время можно всесторонне схватить весь интересующий материал без нарушения строгих требований современной науки. Когда я ездил с братом по деревням, то многое из поля наших наблюдений улетучивалось, например, одному или даже двум собирателям уследить за рассказчиком, за нюансами его речи и жеста не всегда возможно и потому не удается сделать достаточно полных наблюдений. Нередко запишешь

лишь тексты, рассказа, но не успеешь уследить, как реагирует аудитория. А между тем от реагирования аудитории совершенствуется и самый рассказ рассказчика. Рассказчик все время находится под гипнозом аудитории. Когда же записывают 15 чел., тогда среди них найдутся и такие, которые наблюдают за взаимодействием рассказчика и его слушателей. Тогда сказка воскресает во всей живости.

Особенно важно привлечение к фольклористическим экспедиционным работам более или менее подготовленных слушателей высших учебных заведений. Будущие учителя, учащиеся в институтах народного образования и педагогических техникумах, тесно связаны с местным краем и могут принести большую помощь этнографу-собирателю. У них есть надлежащая научная подготовка, а с другой стороны эти люди не совсем отрешенные от деревни. При снаряжении фольклористических экспедиций в деревню для наблюдений в целях успешности работы и для привлечения сочувствия местного населения непременно нужно отплачивать этому населению за сообщение поэтического материала, но отплачивать, конечно, не деньгами, а культурно-просветительной работой. Опыт показал, что, если собиратель является в деревню не только с желанием собирать, но самому что-нибудь дать деревне, то его работа протекает гораздо успешнее. Для этого нужно организовывать лекции, устраивать литературные утра, а лучше всего концерты народных песен. Таким образом, можно наглядно показать, что материал, взятый из деревни, обработанный в городе, снова возвращается в деревню. Тогда крестьянину легче понять, для чего производится собрание, которое часто кажется местному населению какой-то блажью горожан. Такого рода культурные подарки служат ко взаимному сближению собирателей и населения, а при таких только условиях и возможно успешно работать. Собиратели должны принять меры к поднятию художественного самосознания в деревне, пропагандируя народное искусство на местах, выдвигая талантливых исполнителей и творцов, отказавшись от устарелого взгляда на народную поэзию, как на что-то безличное. Поэтому очень важно изучить личность каждого отдельного выдающегося исполнителя—певца или рассказчика. А у нас, до сих пор, мало изучают эту сторону вопроса. Собирают тексты, не представляя сведений о самих исполнителях творцах, народных поэтах. А, между тем, биографии рассказчиков или певцов проливают свет на историю того или другого вида искусства в крае. Но, например, в последнее время, при более внимательном отношении к каждому крестьянину, выясняется процесс перехода крестьянства от искусства устного к искусству литературному, письменному. Сейчас наблюдается прямо массовая зараза,—мания стихотворчества. Пишут крестьяне стихи в таком количестве, как никогда раньше не было. Мой брат, Б. М. Соколов, из Саратова сообщал мне, что слушателям его приходилось наблюдать в Саратовской губ. такой факт. Крестьянин пишет стихотворения за недостатком бумаги везде, где только возможно: пишут углем на палатах, на стенах, на потолках. Иногда войдешь в избу и вся изба исписана стихотворениями. Это очень важно; это развитие грамотности в населении вызвало толчек к поэтическому творчеству стихотворному. Но приходилось встречать таких любителей народной поэзии, которые отмахиваются от этого народного творчества, говоря, что это искажение народного искусства, это не то, что старинная народная песня. Но мне кажется, что нужно стихотворения запечатлеть потому, что в них

сказывается процесс, который происходит в народной словесности. Исследователь должен записать все, и хорошее и плохое, а потом уже изучать и расценивать. Краеведческим обществам на местах необходимо широко поставить дело регистрации народных творцов и исполнителей с указанием их биографических сведений и их художественного репертуара. Если бы у нас местные общества печатали списки выдающихся исполнителей по деревням с указанием, какого рода творчество их особенно интересует, то, поверьте, сколько было бы собрано, благодаря этому, материала. Нужно дать местному населению толчек и тогда оно заинтересуется. Кроме того, список репертуара сам по себе много даст. Всем известно, что в трудах академиков В. Ф. Миллера и М. Н. Сперанского сделаны любопытные выводы: на основании географического распространения того или другого произведения, выясняется и история его. Известный район распространения говорит за пункт, откуда поэтические памятники происходят. Все краеведные организации должны принять энергичные меры к самому широкому оповещению местного населения о своем существовании и адресе, настойчиво напоминать о присылке собранных материалов и инструктировать всех, обратившихся за советом. Местное население довольно слабо оповещено о существовании краеведных организаций. Местные деятели знают, что существуют краеведные общества, но не знают, куда точно нужно обращаться. На эту внешнюю сторону нужно обратить серьезное внимание и пропаганду идей своего общества нужно поставить широко. Здесь уже скромничать нечего, а наоборот, нужно всячески афишировать свою деятельность. Для всестороннего, не археолого-исторического и филологического изучения местной поэзии, желательно привлечение к коллективной работе, наряду со специалистами этнографами, языковедами, историками, и представителями артистического мира—артистов-рассказчиков, декламаторов и т. д. Мне приходится преподавать в Государственном Институте Слова и я вижу, что среди рассказчиков есть глубочайший интерес к народному сказательскому мастерству. А, между тем, наши городские квалифицированные рассказчики не наблюдали самих деревенских сказочников усвоителей. Нужно пропагандировать привлечение артистов на места, чтобы на местах изучалось народное мастерство, и, с другой стороны, важно привлечь к филологической и этнографической работе деятелей искусства: наблюдать за рассказчиком, следить за его мимикой, жестикующей легче всего могут лица, которые сами близки к искусству. В нашей этнографической литературе довольно мало еще сведений о процессах рассказывания того или другого рассказчика и поведении певца. Поэтому нужно привлечь к совместной работе с учеными и деятелей искусства. Принимая во внимание интерес, который представляет народная поэзия с разных точек зрения, необходимо составить программы по собиранию ее произведений, приспособленные для разных целей и для разных категорий собирателей. Для учителей должна выставляться одна, для учащихся совершенно другая программа. Только при инструктировании возможно добиваться неискаженного и, следовательно, непропадающего для науки материала. Ученик школы второй ступени не в состоянии выполнить той научной программы, которая предлагается многими нашими обществами. Нужно знать известную меру и для каждой категории собирателей давать такую программу, которая может быть выполнена. Совершенно особая нужна программа для собирания фольклорных

материалов в красноармейских частях. Наши этнографические организации очень мало сделали, чтобы изучать народную поэзию в красноармейской среде.

Там должны быть выработаны особые методы и это должно быть указано в особой программе. Только при специальном инструктировании возможно соответствующее собрание материала для науки. В этих же целях правильной научной постановки массового собирательства, необходимо обязательное введение курса по фольклору во все педагогические институты и техникумы, этнолого-археологические институты и другие высшие учебные заведения на местах. В последнее время собрано колоссальное количество материала, но он остается неопубликованным. Я приведу краткие сведения, что зарегистрировано в крупных обществах. Географическое общество в Петрограде указывает, что у него находится большое количество сборников и сказок: Орловские сказки—Калининкова. Тамбовские сказки—Познанского, Вологодские сказки—Едемского, Псковские сказки—Козырева, Тверские собраны мною и петроградской экспедицией с участием Д. А. Золотарева. В Саратове, у брата моего и у его университетских слушателей собран громадный материал. Ольга Эрастовна Озаровская также поделится сегодня своим материалом. Нужно указать, что довольно неожиданно открылось существование вокруг Москвы огромных залежей сказочного материала.

Нам надо объединиться и вести согласованную работу. Может быть, в отношении фольклористической работы нам могут сказать, что эта работа не принесет нам в ближайшее время никакой пользы. Но у нас, у ученых, ведь есть совесть, есть чувство ответственности перед будущим поколением и очень тяжело сознавать, что будущее поколение может нам сказать: „вы жили в такую бурную эпоху, когда совершался переворот в жизни страны, и вы не сумели собрать нужных для истории материалов, а вы должны были их собрать“.

Изучение народных говоров силами работников по краеведению.

Я являюсь представителем Московской Диалектологической Комиссии, которая состоит при Отделении русского языка и словесности Российской Академии Наук, и председателем которой я имею честь быть. Цель моего выступления здесь—сделать горячий призыв к работникам по собиранию сведений о народной жизни не упускать из вида наблюдений и над языком местного населения. Я ниже остановлюсь на приемах собирания и записи особенностей говоров, а предварительно мне хотелось бы вкратце познакомить почтенное собрание с тем, что в последнее время сделано по части такого собирания.

Оно началось, конечно, не в последнее время: у нас есть старинный материал. Всякий собиратель произведений народной словесности, если прямо и не интересовался диалектологией, все-таки косвенно, сообщая свой материал, мог давать и диалектологу пищу для его заключений. Небезразлично, как записаны эти произведения. Если они записывались орфографически правильно, то для диалектолога такой материал пропал (это в особенности касается звуковой стороны языка); если же записывалось так, как говорят, без оглядки на литературный язык и правописание, то тут есть жатва для диалектолога. Из массы записанного в прежнее время большинство записей для диалектологии ничего не дает. Говоря о „последнем времени“, я имею ввиду уже почтенный период, последние лет 25, когда народные говоры наблюдаются специально и исследуются систематически.

Здесь прежде всего следует указать на то, что сделано Академией Наук, а потом—нашей, состоящей при ней, Комиссией. Хотя Комиссия по своей деятельности представляет собой вообще вид лингвистического общества, но возникла она со специальным заданием составить диалектологическую карту русского языка и всегда главной своей задачей признавала и признает собирание, изучение и картографирование диалектологических материалов. Вот здесь вывешен плод наших работ: „Опыт диалектологической карты русского языка в Европе“, изданный Комиссией в 1915 г. Мы смотрим на эту карту, как на популярную; мы хотели послужить ею отечествоведению вообще и ознакомлению с русским языком в частности, а мы знаем, что и школой и широкой публикой и всяческими краеведами в такой карте чувствовалась потребность; этим объясняется и выбор небольшого, 100-верстного масштаба; при котором нельзя картографировать мелких деталей; однако материал, на котором она основана, это — почти все, что было известно до 1910 г. по части русских говоров. В ней, конечно, как и во всяком деле, особенно в новом, есть несовершенства. Мы их отлично сознаем, и указали на них в приложенном к карте „Очер-

ке русской диалектологии". Главные недостатки вытекают из недостаточности и из неравномерности наших сведений о различных местностях: есть места на карте, где границы проведены очень точно, как например граница аканья и оканья по отношению к местностям, исследованным специальными экспедициями нашей Комиссии, и есть, с другой стороны, такие места, где не только границы, а даже и самая принадлежность говора к тому или иному наречию указаны предположительно. В связи с этим обстоятельством мы смотрим на свою карту еще с одной стороны, а именно, как на своего рода программу для собрания: увидев, что карта в известном пункте погрешает против действительности, человек, знакомый с местным говором, может отметить эту ошибку и сообщить Комиссии, и всякое такое указание будет принято с благодарностью.

Как собирались диалектологические материалы? В ответ на этот вопрос можно почерпнуть указания и на то, как можно собирать. В систематическом собрании материалов главное место принадлежит деятельности 2-го отделения Академии Наук, начатой покойным А. А. Шахматовым, который по вступлении своем в Академию выдвинул, между другими, задачу изучения народных говоров. В 1896 г. изданы были „Программа для собрания особенностей северно-великорусского наречия“ и такая же для „южно-великорусского наречия“, в 1897 г. тоже для „белорусского наречия“, а в 1910 г. „Программа для собрания особенностей малорусских говоров“, составлен. *Михальчуком и Крымским*; эти четыре выпуска известны у диалектологов под обычным названием „*больших академических программ*“; первые два выпуска этих программ потом были соединены и изданы в 1900 году под заглавием „Программа для собрания особенностей великорусских говоров“. Кроме этих, больших, программ, в 1903 году была выпущена так наз. „*малая академическая программа*“ в 4 страницы под названием „Краткая программа для собрания особенностей русских говоров“. Кроме академических, существует еще составленная в 1901 г. акад. Соболевским коротенькая „Программа для собрания сведений о великорусских народных говорах, изд. Географич. О-вом“ (напеч. в Живой Старине, 1901 г., I). Наконец, Московская Диалектологическая Комиссия в 1909 г. выпустила свои программы объемом меньше больших и больше малой академических, в двух выпусках под заглавием „Программа для собрания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка. I. Южно-великорусские говоры. II. Северно-великорусские и средне-великорусские говоры“. Готовы у Комиссии давно и белорусский и малорусский выпуски, но вследствие неблагоприятных условий печатания до сих пор не могли быть выпущены в свет.

Программы, как академические, так и программы Комиссии, рассылались на места всеми способами, какие только представлялись, главным же образом, через дирекции народных училищ сельским учителям. Главным собирателем явился—честь и хвала ему—народный учитель, а за ним и другие сельские интеллигенты, чаще всего священники. Характер ответов на программы различный, от поверхностного ответа на часть вопросов до обширного материала, собранного со вкусом заинтересовавшимся человеком. На большие академические программы было получено 281 ответ, напечатано около 165. Печатание ответов началось сейчас же по их получении под заглавием „Материалы по изучению великорусских говоров“. Напечатано девять вы-

пусков, печатается 10-й, готов к печати 11-й, в который вошли ответы на программу Географич. О-ва, упомянутую выше. Вышло также несколько выпусков „Материалов по изучению белорусских говоров“. Материал, собранный посредством ответов на малую академическую, а также на программы Диалектологической Комиссии, обрабатывается и издается Комиссией в ее „Трудах“ (вышло с 1908 г. восемь выпусков). Кроме ответов на свои программы, Диалектологическая Комиссия собирает всякие, даже самые мелкие материалы, в виде кратких несистематических, отрывочных указаний на местное произношение. Такие указания, кажущиеся ничтожными самим наблюдателям, могут иметь высокую ценность.

Говоря о накопленных материалах, не следует, конечно, забывать, что диалектология располагает еще и такими, которые были собраны отдельными учеными по собственному почину, для своих исследований.

Из вышеизложенного видно, что есть органы, которые заняты собиранием и обработкой сырых материалов и которые всегда могут явиться центром собирания или предложить свою помощь собирателям. Видно, что есть и результаты собирания: обнародование собранных материалов для изучения родного языка. Один из результатов — составление названной выше диалектологической карты и очерка русской диалектологии. Словом, за последние лет 25 сделано не мало, многое можно сделать собирателям и есть смысл это делать.

Больше, чем отдельный собиратель, может сделать общество. И вот, следует призывать всячески, как только возможно горячо, общества изучения местного края к собиранию особенностей народных говоров. Чрезвычайно ценна работа собирателя сырого материала; все, что собрано, есть в прямом смысле слова вклад в науку: материал пригодится, для создания ли общей картины говоров, для выяснения ли частных научных вопросов, для установления ли диалектологических границ. Что для этого нужно? Пример прошлого показывает, что для этого нужно очень немного. Многих останавливает вопрос, не нужны ли для собирателя специальные познания? Конечно, хорошо, если они есть; конечно, легче дать отчет о говоре человеку, который обладает научными филологическими знаниями, чем лицу, которое горит лишь интересом; но на вопрос, возможно ли давать ответы на диалектологические программы, не имея специальных знаний, можно прямо ответить: да. Но выгодные стороны собирания, организуемого обществами, не только в том, что оно может поставить это собирание систематически, но и в том, что ему удобнее, чем частному лицу, найти и возможность инструктирования работников со стороны лица, специально подготовленного. Конечно, нужны программы. В этом отношении дело не совсем благополучно. Конечно, хорошо, что программы есть, т. е. где-то можно достать их текст; плохо то, что все они давно разошлись и что нужно ждать, пока наступит возможность бросать на места массу их экземпляров.

В качестве примера, как местные общества могли бы поступать, укажу на опыт, сделанный Новгородским обществом любителей древности. В 1911 г., пред. всероссийским археологическим съездом, который должен был собраться в 1915 г. в Новгороде, это общество перепечатало малую академическую программу, разослало ее в большом количестве экземпляров по учителям Новгородской губернии и таким образом получило 150 ответов. Замечу, что раньше, при

помощи академических программ, из Новгородской губернии имелось ответов только 25. Дальнейшее поведение этого общества также заслуживает внимания всех местных обществ. Не имея в своей среде достаточно компетентного лица для обработки полученного материала, Новгородское общество обратилось к Московской Диалектологической Комиссии с этой просьбой. Комиссия охотно согласилась, и один из членов ее, Н. Н. Соколов, обработал эти материалы и выступил на съезде с докладом о новгородских говорах, где нарисовал местным деятелям ту картину, которую они подготовили. Затем, кстати скажу, что так как в то время Комиссия не встречала затруднений в печатании своих трудов, то, к обоюдному удовольствию, она могла напечатать несколько сот лишних оттисков доклада Н. Н. Соколова и его обработок и послать их в Новгород, чтоб дать возможность каждому из учителей, который дал ответ, получить такой оттиск.

Итак, вот цель моего доклада. Как я уже сказал в самом начале, это призыв к обществам изучения местного края не упускать из виду собирания особенностей местного говора, собирания или систематического, или случайного—всякого, какое только возможно. Пусть всякий едущий в какую-либо поездку для изучения в каком бы то ни было отношении местного края, пусть всякий приходящий в соприкосновение с местным населением не поленится захватить с собой программу и, если сам затруднится ответом на нее, то пусть заинтересует кого-либо из местных жителей, который мог бы дать ответ. Не следует смущаться тем, что не на все вопросы программы будет дан ответ. Если, напр., мы имеем ответ всего только на один вопрос: *окают* у вас или *акают*, то и это имеет громадное значение для малоисследованных местностей при составлении диалектологической карты.

Областная история России, ее научное обоснование и современные задачи.

Мне выпала высокая честь и приятная задача побеседовать со съездом о научных обоснованиях областной истории и об ее современных задачах. Интерес, который вызывает занятие областной историей, мне кажется, двойкий. Во-первых, этот интерес диктуется чувством, которое нам всем свойственно. Другим таким же двигателем является разум с его требованиями. Итак, прежде всего интерес к областной истории вызывается в нас тем чувством, которое, подбирая неточные слова, я назвал бы местным патриотизмом. Каждому из нас свойственно это чувство любви к родине, любви к родным местам. Самое слово „родина“ употребляется в двойном смысле. Прежде всего это слово употребляется в общем смысле, совпадая в своем значении с термином отечество. Но это понятие доступно, конечно, людям просвещенных классов, людям книжным. В простом народе слово родина понимается гораздо более узко. Термином родина обозначается то, что мы называем словами „родная сторона“, т. е. местность рождения, происхождения, место, с которым связаны воспоминания детства и т. д. И вот к этой родной стороне, к этому родному краю и теплится любовь в простом народе, в людях, которые еще не могут возвышаться до широты понятия родины в целом. Это чувство местного патриотизма, любви к родному краю, выражается практически и действительно, во-первых, в желании для этого края всех благ в настоящем и процветания его в будущем. Движимые таким чувством работают местные деятели на благо и для процветания своего родного местного края. Но это же чувство любви к местному краю вызывает также и интерес к прошлым судьбам родной стороны, к ее истории. В простых непросвещенных массах этот интерес к прошлому осуществляется в поэтических формах преданий о прошлом края, в разного рода поэтических сказаниях, легендах и т. д. У людей, знакомых с просвещением, тоже самое чувство будет возбуждать интерес к истории местного края, к историческим изысканиям, связанным с прошлыми судьбами родных мест.

Итак, следовательно, прежде всего занятия областной историей диктуются бессознательным чувством любви к родному краю, глубоко коренящемуся в нас потребностью знать прошлые судьбы того края, к которому мы привязаны. Но другим двигателем, как я сказал уже, является научное требование, которое ставит занятие областной историей, как очень важную отрасль исторических занятий вообще. С научной точки зрения изучение местной истории наряду с изучением истории России в целом имеет двойное значение или двойкий интерес. Во-первых, разыскания в областной истории подкрепляют те

общие положения, те общие выводы, которые может быть уже и доказаны, но которые в этих областных исследованиях получают свое новое и новое подтверждение. Здесь, на первом плане, стоит интерес к общему явлению и это общее явление находит себе поверку в занятиях областной историей. Сегодня, например, в одном из исторических обществ назначен доклад о служилом землевладении в Белозерском крае. Вопрос о служилом землевладении и его значении выяснен давно и установлен прочно: но специальное исследование по этому вопросу в пределах одной области имеет глубочайший интерес. Оно должно проверить высказанное раньше и еще раз подтвердить правильность уже добытых выводов. Но еще более важно другое научное соображение, которое побуждает русских ученых заниматься областной историей. Общий процесс нашей истории слагался из местных отдельных процессов подобно тому, как большая река образуется из соединения отдельных небольших потоков. Эти первоначальные наблюдения над историей отдельных мест, над разного рода местными особенностями хозяйственными, бытовыми, культурными и другими явлениями, затем ложатся в общее русло изучений исторического процесса в его целом. Наши общие выводы должны строиться, если они претендуют на научное основание, на этих предварительных, частных и местных наблюдениях, и только при наличии этих местных наблюдений общее построение наше будет верно и правильно.

Надо сказать, что наша историография в прошлом довольно грешила, пренебрегая этим интересом к местной истории, к этим наблюдениям над историей отдельных областей. В нашей русской историографии с середины 19-го века господствовала историко-юридическая школа, начало которой было дано Соловьевым и целым рядом примыкавших к его учению выдающихся русских юристов, из которых достаточно назвать имена Кавелина и Чичерина. Эта школа интересовалась главным образом русскою государственностью, происхождением и устройством государства, центральными и местными его учреждениями, происхождением и правами общественных состояний, вообще теми вопросами, которые более всего входят в историю права.

Затем историко-юридическая школа сменяется другим течением, которое можно назвать социальным, и которое устремляет свое внимание на судьбу общественных классов, на социально-экономическую структуру государства. Вот в кратких и общих чертах главные направления нашей историографии за последнее время. У обоих этих направлений один общий недостаток. Исходя из общих теорий, господствовавших в праве, в политической экономии и социальных науках, оба эти направления высказывали общие положения, устанавливали обобщения, недостаточно присматриваясь к отдельным местным разнообразиям, а иногда совершенно их затушевывая. Когда Кавелин строит теорию родового быта, или когда Чичерин рассуждает об областном административном учреждении, они оперируют с общим понятием, которое они последовательно расчлняют на понятия частные, родовые и видовые, и совершенно забывают, что действительная жизнь в эту общую схему не уложится, что есть отдельные разнообразия, которые в этой общей форме изложения места себе не найдут. Чичерин рассуждает о воеводе 17-го века, о воеводской власти, о ее компетенции, о ее значении и т. д. и совершенно пренебрегает отдельным местным разнообразием. Он ее изучает как общее понятие, а

местные отличия, не более как исключения, которыми можно пренебречь. Совершенно забывался общий характер московской Руси, Московского государства. Московское государство, разумею период времени с 15-го века до реформ Петра Великого, сложилось исторически, не было построено сразу, и не по единой определенной схеме, оно образовалось длинным трудным процессом, обросло вокруг центрального ядра отдельными областями с их местными особенностями, в их бесконечном разнообразии. При этом росте Москвы, при этом собирании вокруг нее всей Руси, местные краевые особенности довольно прочно иногда живут и довольно долго сохраняются. Надо сказать, что само Московское правительство вовсе не гонит их под один шаблон, оно заботится только о том, чтобы из местных кусков собрать единое целое, но что эти отдельные куски остаются различной формы, различных очертаний, различной величины и разного цвета, это для Московского правительства не составляет особенных забот. Вот почему Московское государство, если взять его карту, представляет большую пестроту, сложную и мелкую мозаику. Какое явление ни возьмем, какую область ни затронем, везде встретим это разнообразие, эту цветную пестроту.

Я не говорю о таких явлениях, как явления этнографические, где каждая сторона, каждый край имеют свою долгоживущую особенность и в построении жилища, и в покрое одежды, в формах домашней утвари, в различных обрядах, в различных сторонах быта. Даже если возьмем такую сторону общественной жизни, как администрация, податной сбор, финансовое управление, все это в Московском государстве чрезвычайно разнообразится по местам. Нет, можно сказать, ни одного уезда, в котором административное устройство и податная организация были вполне похожи на устройство и организацию другого уезда. Различие идет еще дальше и глубже. Различаются между собой не только отдельные уезды, но и отдельные волости, которые имеют свое особенное управление, свои особые учреждения, свой особый социальный строй, свое особое финансовое устройство. В одной волости употребляют одну податную государственную единицу, в другой совершенно другую. В одной волости одни органы местного волостного самоуправления, в другом совершенно другие. Устройство Московского государства до Петра Великого очень похоже на тот строй, который называют старым порядком во Франции, который был сметен великой Французской революцией в конце 18 века. Во Франции та же мозаика, та же пестрота, то же своеобразие каждой провинции. Эти провинции разнообразятся размерами, вот большая провинция, рядом с ней маленькая; это все бывшие отдельные и политические целые, сохранившие на долгое время каждое свою местную феодальную особенность. И только Французская революция уничтожила все это историческое разнообразие, заменив его однообразным устройством, основанным на разумном рационалистическом начале, которое Французская революция проводила. Тогда появилось разделение Франции на департаменты совершенно однообразные по размерам, по количеству населения, по административному и судебному устройству. Та же самая нивелировка, то же самое упрощение, сведение всего к однообразному строению у нас тоже было сделано, тоже своего рода революцией, но неходившей не снизу, а сверху, именно реформой Петра Великого, которая действовала во имя того же начала, которым вообще вдохновлялся 18-ый

век и которое в других европейских странах стало действовать раньше, чем во Франции, где оно запоздало и вылилось в революцию. Реформа Петра Великого имеет тот же рационалистический характер, каким отличалась Великая Французская революция. Петр Великий действует во имя того же разума, который требует общего единого понятия, требует строго логического расчленения, понятия, которое не терпит местного исторического наслоения и разнообразия. И вот со времени Петра у нас вводится этот однообразный порядок во всем,—разделение государства на одинаковые губернии, деление губернии на одинаковые провинции, провинций—на одинаковые уезды, вводится однообразие структуры администрации, судебных порядков, финансовой организации и т. д.

Вместе с этим преобразованием внешнего государственного устройства, естественно должны были стираться и исчезать и внутренние местные краевые особенности в более глубоких чертах и явлениях, наприм., в этнографических явлениях отдельных местностей.

Наша историография второй половины XIX века, в ее историко-юридическом и историко-социальном направлениях, интересовавшаяся общими понятиями и идеями, быть может, недостаточно уделяла сил изучению местных явлений, местных особенностей и разнообразий. Однако, в этом последнем отношении у нас сделано немало. В самом кратком очерке, в немногих словах позвольте мне припомнить, что было сделано у нас по изучению местной истории.

Окинем те края, которые принято называть окраинами, которые имели гораздо более позднее политическое существование, чем местности, вошедшие в состав Московского государства, и которые теперь, в наши дни, получили или автономию, или совсем самостоятельное политическое существование. Я разумею здесь такие местности, как Малороссия, Литва, Белоруссия. Не говорю уже о Финляндии, Кавказе, Туркестане, Средне-Азиатских владениях. Эти области имели своих историков и в прежнее время, и я думаю, что теперь, конечно, изучение их истории, вероятно, пойдет гораздо более скорым темпом. Но я беру великорусское ядро, пределы того, что мы называем Московским государством, с XV по конец XVII века. И в этом государстве, на этой территории, гораздо более слитой, более об'единенной, местные изыскания точно также производились. Обозреть их будет гораздо более удобно, руководясь административным делением, которое в этом государстве было принято. Это деление имело основание в бытовых особенностях каждого отдельного края. Московские правительственные учреждения XVII века делили Московское государство на следующие отдельные местности: центр—теперешняя Московская губерния с окружающим ее кольцом прилежащих к ней ближайших губерний—носил название „Замосковного края“. „Замосковный край“—за рекой Москвой, по первоначальному происхождению этого слова—в этот край вошли исконные русские местности, впервые прежде других слившиеся, об'единявшиеся вокруг Москвы. В недавнее время этот край нашел своего исследователя в лице Ю. В. Готье, обширная книга которого носит название: „Замосковный край в XVII веке“. Вокруг этого основного ядра об'единяются и к нему прилегают другие обширные территории Московского государства. Крайний север носит название „Поморья“ или „Поморских городов“. Это те местности, которые входят теперь в состав Архангельской, Олонецкой, части Вологодской, Пермской, Вятской губ. Поморский край также имел своих

исследователей. Укажу на работы известного археолога Спицына по истории Вятского края, на работы Шишонко и Дмитриева по Пермскому краю, на такие же работы по истории Двинского и Вологодского края. И я в своей скромной книге: „Земское самоуправление на русском севере в XVII в.“ интересовался судьбой этого края и старался исследовать его социальный склад и устройство его административных органов, главным образом, самоуправляющихся органов, какие были в XVII веке. Затем восточные местности Московского государства—Поволжье, носившее в старину название „Понизовых городов“, имеет своего историка в лице профессора Перетятковича, с его книгой: „Поволжье в XVI и XVII веке“. По истории Новгорода и Пскова, бывших политически могучих и богатых центров, имеются труды Костомарова: „Северо-русские народоправства“, Никитского: „Очерк внутренней истории Пскова“ и др. Есть работы по истории Смоленского и южного края, Тулы, Рязани и степных окраин Московского государства. Таковы книги Миклашевского, Багалая и др.

При этом делении Московского государства на перечисленные края административная практика принимала во внимание особенности народного быта, свойственные каждому краю.

Северный край, напр., если говорить вкратце и указать только наиболее вышуклые черты, отличался от других прежде всего отсутствием крепостного права, которого там не было. Поморский край населен свободными крестьянами, никогда не знавшими крепостного ярма и поэтому сохранившими совсем другой характер, чем такое-же крестьянское население какой-нибудь южной местности, которое вынесло всю тяжесть крепостной неволи. Затем, северный край отличался обилием монастырей, владевших обширными землями. В этом-то краю крестьянского населения развиваются самоуправляющиеся учреждения. Центральная область Московского государства—это область крупных вотчин и помещичьих имений. Здесь сосредоточены большие земельные владения виднейших московских аристократов XVI—XVIII веков. Здесь действует крепостное право, но крепостное право особого рода, допускающее существование крестьянского самоуправления по отдельным крупным вотчинам. Наконец, на юге степные уезды населены мелкими служилыми людьми, защищавшими этот край от татарских нападений Крыма. Эти уезды—в вечной борьбе, в вечной тревоге за свое существование. Здесь целый ряд военных оборонительных сооружений, линии или черты, имевшие целью защиту государства от татарских набегов. Здесь мелкие и мельчайшие служилые поместья, здесь, на этих мелких поместьях, развивается наиболее тяжелое крепостное право, так что каждая местность имеет свои особенные социальные, экономические и бытовые различия. И это-то разнообразие и принималось Московским правительством во внимание, когда оно производило административное подразделение. Русская историография по этим отдельным местам, которые только-что были названы, не мало поработала. Я назвал только самые крупные из таких местных территориальных исследований. Но число небольших работ—статей, отдельно изданных памятников—довольно значительно и перечислить их сейчас совершенно невозможно. Но все же эта работа далеко не достигла того, чего она должна достигнуть, и можно выразить пожелание, чтобы она продолжалась в будущем гораздо более живым темпом, чем шла до сих пор. Я отметил-бы несколько пожеланий, которые я и выставляю в качестве тезисов своего доклада.

Во-первых, необходимо собирание материалов по отдельным местностям, по отдельным краям, как-бы мелки эти края ни были, собирание материала этнографического, имеющего столь существенное значение при изучении исторических явлений, затем археологического материала в виде различных вещественных памятников старины, затем собирание различных исторических документов в виде письменных памятников, сохранившихся на местах. С собиранием ближайшим образом должно быть связано и изучение на местах этих памятников истории, быта, археологических, разных произведений искусства и пр. предметов, из которых звучит и глядит на нас местная старина. Желательно, чтобы это собирание не прекратилось, а продолжалось, расширялось и шло оживленным темпом. Затем на следующей, более высокой ступени стоит научная обработка этого первоначального материала, этих первоначальных источников, производство местных исследований, научных работ по истории отдельных областей. Я передам чувство, вынесенное мною из опыта; вероятно, оно разделяется и другими работниками в области русской истории. Когда приходится писать на какие-нибудь общие темы по русской истории и когда чувствуешь под собою почву в этих местных исследованиях, то идешь уверенным шагом. Когда же нет предварительных местных исследований, задача общего историка является гораздо более сложной; тут нет такой уверенности, которую дают ему предварительные местные разыскания. Точно почва уходит из-под ног и начинаешь испытывать ощущение, как будто виснешь в воздухе без всякой опоры. Научные исследования по местной-областной истории я и ставлю, как второе пожелание. Затем я выдвигаю необходимость поощрения этих местных исследований и устройства такой обстановки, при которой они были-бы более возможны и которые сообщали-бы им движение. Я подразумеваю тут местные ученые общества, которые ставили-бы себе задачей такие изыскания по истории того или другого края. Такие местные общества у нас существовали в виде ученых архивных комиссий или в виде местных археологических и этнографических обществ и т. д. Их работа была-бы, я думаю, очень полезна прежде всего в том отношении, что объединяла-бы силы местных историков и давала-бы общий тон. Вот те пожелания, с которыми можно обратиться к тем лицам, которые посвящают свою деятельность изысканиям по областной и местной истории. В заключение позволю себе высказать еще одно, четвертое, пожелание, чтобы работа наша по изучению отдельных местностей, по собиранию местных материалов, по изготовлению местных исследований не завлекла нас все-таки слишком далеко, не вела нас к сепаратизму, не содействовала-бы расчленению, по крайней мере, того ядра, вокруг которого собиралась Россия, того Московского государства, в тех его пределах, которые существовали до реформы Петра Великого. Тут очень можно увлечься и, сделавшись местным патриотом, забыть совершенно об общем и целом. Мне думается, что наши предки, которые многими поколениями, в течение нескольких веков страшного труда и страданий объединились в Московском государстве, вокруг Москвы, действовали не по какой-нибудь особенно возвышенной идеологии и не по каким-нибудь теоретическим соображениям, а просто под влиянием тяжелой необходимости и, прежде всего, под влиянием примитивной потребности в безопасности от внешних, окружавших Московское государство, врагов, а затем, под воздействием и экономических потребностей, весьма существенных.

которые мы и теперь живо ощущаем, когда от нас отрывается и отпадает та или другая область. Я позволю себе пожелать, чтобы мы заинтересовывались местной историей и, культивируя местный патриотизм, не довели-бы его до сепаратизма, чтобы мы, напротив, любя свой родной край и посвящая силы изысканию прошлых его судеб, любили также и родину в ее целом, в ее высшем и общем понятии и не упустили-бы мысли о ее благоденствии, величии и славе.

Культурно-исторические очерки отдельных районов, как результат накопления краеведных материалов.

До сих пор история России, как и вообще вся жизнь России, была по преимуществу историей централизованной, историей государства, государственных учреждений, государственных действий, событий и т. д., и даже нередко история отдельных областей или областных явлений, в своем литературном построении, носила в себе все признаки одной из глав или одной из частей общей истории государства. Некоторые историки объясняют это общим направлением русской историографии вплоть до конца XIX столетия, направлением сначала историко-юридическим, затем социально-экономическим. Но нельзя все-же не видеть здесь и другой причины, лежащей вне этих условий. Причина эта—отсутствие достаточного количества обследованных материалов по местной истории, пренебрежение к местным архивам и нередко полное их незнание, а также незнание в еще более сильной степени истории местной жизни по местным бытовым документам, рассказам и обследованиям среди живых свидетелей старины. Отсутствие или слабая наличность всех этих источников заставляли историков областных явлений осмысливать эти явления не областными особенностями, а обобщениями обще-исторической характеристики. Такое централизующее направление русской историографии определено сказалось не только на работах по истории культуры отдельных областей или областных центров, но и по истории культуры всей России, состоящей из многих областей, и при том менявших свои границы, видоизменявших свой культурный облик в разные исторические эпохи и моменты своей жизни.

Казалось бы, что чрезвычайно благодарной темой для историка—областника является история города, центра области. Но, на самом деле, очерки по истории русских городов, как старых, игравших большую историческую роль (Новгород, Смоленск, Чернигов и другие), так и новых, возникших в результате новых условий русской областной или общегосударственной жизни (Харьков, Екатеринослав, Екатеринбург и другие), очень далеки от идеала областной истории. Существующие очерки на эти темы базируются на понимании города, как одного из центров всей существующей или имеющей быть России, а не как центра своей области, обладающей определенными областными ресурсами, которые в разные исторические эпохи по-разному должны определять роль и значение своего центра. Новгород существовал в IX-ом столетии, существует и в XX-ом. Территория древней Новгородской области, в отношении своих размеров и границ, видоизменялись, и к XX-му столетию на отдельных частях этой территории имеются другие областные центры, к которым и тяготеют названные

части. Таким образом, история Новгорода, как областного центра, сложна и разнообразна. Новгород,—шумный, торговый, вольный город времен ганзейского союза, и Новгород,—тихий захолустный губернский город, с дремлющим в нем, как историческая сказка, памятником тысячелетия России, с уцелевшими дивными созданиями церковной архитектуры и живописи, Новгород второй половины XIX столетия, это—не два Новгорода, а один и тот же, только в разные возрасты его областной жизни. Это тоже—один из сложных вопросов истории Новгорода. Почему древний Новгород брал и мог брать на себя бремя государственных забот и тягот—потому ли, что он был силен своими областными ресурсами или потому, что государственный масштаб жизни был ему выгоден, увеличивал эти его ресурсы—это тоже один из вопросов истории Новгорода, особенно важный и ценный, если подойти к нему не в освещении одной только древней эпохи существования Новгорода, но выяснив его всю областную жизнь, вплоть до настоящего времени, когда может быть учтено и то, что унаследовал Новгород от Москвы XV—XVII столетий, от Петра, от земской реформы 60-х годов, и с чем стоит он перед ближайшим будущим после революции.

Для такого рода исторической монографии Новгород не может и не должен рассматриваться, как один из центров России, как столица древней Руси, как губернский город Александра II или современной нам республики. Необходимо помнить, что Новгород всегда имел и имеет свою местную культуру, свой местный быт, свое местное население и свой местный район культурного и экономического тяготения к нему, как к естественному областному центру. История Новгорода не будет, конечно, историей сплошных успехов, все растущего возвышения, движения вперед. В ней много страниц должно быть отведено неоднократным остановкам, замедлениям жизни, поворотам к оскудению и угнетению. Но „история не роман“, как говорят школьные прописи, и историк-областник должен обнаружить всю полноту внимания и интерес к этим серым страницам захудалого существования своего областного города. Было время, когда осуждали Гоголя за изображение таких мизерных бытовых уголков, как усадьба Плюшкина, хозяйство Коробочки, морально-философский облик Селифана и Петрушки, и вообще все те мелочи жизни, которыми исключительно наполнены „Мертвые души“. Но время это прошло, и всякий, не колеблясь, видит в „Мертвых душах“ доподлинную Россию, огромную, значительную, достойную быть великой. Точно так же из незначительных по виду и содержанию явлений местной городской жизни складываются прочные устои и живучие формы, которые при общем медленном темпе жизни в России, особенно до революции, наполняли собой всю провинциальную жизнь наших областных городов и доживали в сохранности до наших дней. Необходимо уловить все эти мелочи областного города—в архивах, в документах, письмах, в воспоминаниях, наконец в огромной массе пережитков в современном городском быту—и из них, день за днем, мелочь за мелочью, составлять историю своего города. Нет сомнения, что в результате получится картина грандиозная, поражающая не менее, чем когда-то поражала всех картина „Мертвых душ“, скорее более, потому, что она не будет так фантастична и условна, как художественные образы Гоголя.

Если мы с этой точки зрения посмотрим на любую написанную историю города, мы сразу поймем, как много не сказано в ней и как

много сказано в ней не из областной жизни города. Есть история города Смоленска Мурзакевича, Никитина, Писарева и др. Читая Мурзакевича и Никитина, видишь отчетливо не только дух и мысли Карамзина, но и целые страницы, пересказанные по Карамзину. Читая Писарева, видишь, как автор, ищет „княжеского“ Смоленска, его былого величия, его расцвета в связи с Ганзой, с православно-монастырским просвещением и т. п. Но не видишь доподлинного старого Смоленска, неизменно стоявшего на берегу Днепра, не видишь, как город, то имея, то теряя свое военное значение, был не только средоточием администрации светской и духовной, областной и общегосударственной, но и центром областных экономических интересов, областных форм быта, с разными культурными влияниями, приходившими именно в Смоленскую область — из Новгорода, Киева, Литвы, Польши, не видишь самую территорию области, по которой в Смоленск и из Смоленска тянулись нити путей сообщения, пути товарного движения, полосы сельскохозяйственных и ремесленных производств, не видишь в самом городе ни его жилищ, ни его жителей, ни трудовой жизни города.

Загляните еще, для краткости времени, в такой литературный труд, как „Россия“, под редакцией В. П. Семенова—Тян-Шанского, где даны многочисленные краткие сводки по истории городов, для характеристики их политического и экономического значения. Прежде всего, и здесь история того же Новгорода, отражая все написанное о нем, подтверждает сказанное выше. История Смоленска изложена, как история княжеского города встарину и как история военного опорного пункта вообще. История такого города как Тула, заполнена военными делами и событиями да Тульским оружейным заводом. История Курска посвящена воспоминаниям о детстве и юности Феодосия Печерского и затем гл. обр., военным делам Курска. История Воронежа, этого типичного областного центра в настоящее время, посвящена так же военным делам и особенно подробно делу Петра Великого — постройке флота на р. Воронеже. То же относится и ко всем другим городам, описанным в „России“ Семенова—Тян-Шанского. Конечно, это не вина редактора. Раз это сводка литературных данных, причина и вина лежит в этих последних.

Чтобы отчетливее выявить проводимую в этом очерке мысль о характере областной истории города, следует еще остановиться на таких двух „всероссийских“ городах, как Москва и Петроград. И они имеют свою областную историю, свой областной уклад жизни. Относительно Москвы это меньше возбуждает сомнения. Московское Замоскворечье, Зарядье, Таганка, Рогожское и многие другие Московские углы увековечены в литературе. Были недурные попытки дать бытовые штрихи Московской городской жизни. Но все же серьезного отражения Москвы, как центра области, ее областного положения, мы в исторической литературе еще не имеем. Равным образом и Петроград—вовсе не такой европейский, безразличный, не отражающий русского уклада жизни город, как это нередко приходилось читать и слышать о нем. Европа и Россия, Финляндия, Ладога, части территории древнего Новгорода и Пскова—все это как-то тесно сгруппировалось вокруг Петрограда, как своего областного центра и всем нутром своим вошло в жизнь самого города. Эта территория и центр взаимно связали друг друга, но этой областной связью до сих пор не интересовалась наша история. Только недавно появились идеологи

„Старого Петрограда“. Полезно было бы, чтобы появились и идеологи „областного Петрограда“.

Итак, подводя итоги характерным особенностям очерков по истории русских городов, старых и новых, нужно признать, что названные очерки до сих пор шли не тем путем, какой намечается задачам областной истории: эти очерки базировались на понимании города, как одного из политических центров России, а не как центра своей области, на подборе материала обще-русского значения по преимуществу, а не областного, на использовании этого материала не для культурно-бытовой характеристики и роли этого города, а для культурно-государственной его роли.

Если культурно-бытовая история областных городов, представляется делом еще малоразработанным и трудным, требующим больших и долгих подготовительных работ, то, казалось бы, что культурно-бытовая история русских областей, из которых многие жили долго и определенно своей самостоятельной областной жизнью, а многие еще и сейчас выявляют очень резко-отличные областные черты, есть дело не только вполне возможное, но и вполне определенное. Однако существующая историческая литература о русских областях свидетельствует иное. Для того, чтобы говорить об области, надо знать территорию и границы области. До сих пор мы имеем только искусственные административные границы, которые в разные исторические времена передвигались. Эта передвижка даже административных границ уже очень осложняет дело областного историка. Но были еще также исторические передвижки и естественных границ: областные территории Пскова, Новгорода, Вятки, Москвы и других городов переживали то сокращения, то приращения в самом естественном ходе развития этих территорий. Поэтому мы видим среди работ об областных территориях двойного рода труды: одни намечают территорию, не приурочивая ее к определенному областному центру, как: левобережная Украина (Д. И. Багалей), Русский север XVII века (М. М. Богословский), Кривичская и Дроговицкая земля до конца XII ст. (М. В. Дивнар-Запольский), другие говорят об области, как о территории, связанной с известным центром: Смоленская земля (П. В. Голубовский), Рязанское княжество (Д. И. Иловайский). В том и другом случае, конечно, учет территории и областных границ дается лишь приблизительно.

Таким образом, областная территория, как величина далеко не столь определенная для древних периодов истории по скудости или неразработанности исторических материалов, является неопределенной и для новейшего времени, по неразработанности естественных границ областей. Необходимо, хотя бы временно, помириться на среднем решении: либо пользоваться административными границами, особенно для нового времени, либо приблизительными историческими границами, особенно для древних периодов. По этой же причине, надо полагать, сейчас целесообразнее было бы разрабатывать такие культурно-исторические очерки областей, которые охватывали бы лишь определенный период существования области, наиболее поддающийся и учету ее территории и осмыслению ее областного уклада жизни. Особенно же необходимо, не откладывая в дальний ящик, заняться историей русских областей за XIX-е столетие, равным образом, где это возможно, и за XVIII-е. Если пересмотреть ряд вопросов, относящихся к истории областей за эти два столетия, то они вкряку такой большой

состав народнобытовых явлений областной жизни и в таком ярком освещении, что с наличием этого материала легче и надежнее будет вести исторические исследования по более древним периодам истории русских областей.

Среди этих вопросов в первой очереди должны идти такие, как: быт деревни вообще, быт крепостных и не крепостных крестьян в разных областях России, быт однодворцев, казаков и разного рода иных вольных землепашцев, управление и суд в деревне, (местные— по местным обычаям, и по указаниям из центра), история кустарных и иных промыслов в деревне, история ямской гоньбы, гонки леса (плотов), речного и морского крестьянского, посадского и иного местного судоходства, история местной охоты, рыбных промыслов, отхожих промыслов, история хлебной и другой крестьянской торговли и т. д. Все эти и многие иные явления приуроченные к областям, изображенные культурно-бытовыми чертами и в своем историческом отражении, дадут историку каждой отдельной области, особенно при наличии достоверных архивных и устных документов, содержательную и никогда не умирающую картину областного быта. На фоне общей областной жизни обязательно найдутся и яркие отдельные личности из крестьян, солдат и иных сельских обывателей, которые также попадут в областную историю, как попадают министры, мыслители, правители—в общую историю государства.

Другую группу вопросов в истории области должны сосредоточить на себе помещичьи земли, где они были, и помещичий быт. Хотя эти вопросы более часто освещались и в научной и в художественной литературе, но делалось это под другим углом зрения, чем требует того областная история. Лишь настоящая революция лихорадочно взялась собирать и сохранить памятники этого быта для истории. Но это делается не повсеместно и далеко не с той научной осторожностью и предусмотрительностью, которые нужны особенно в деле сохранения усадебных архивов, библиотек, фамильных портретов и т. д. Прикоснувшись хотя бы слегка к этим материалам, историк видит, что даже крепостное право в помещичьем быту рисуется далеко не в тех трафаретных красках, которые нам известны по литературе. Только областная история разрабатывает эти культурно-бытовые вопросы столь большого местного и общероссийского значения.

Третью группу вопросов в истории области должны составить бытовые черты и идеологические настроения местной областной интеллигенции. Мы лишь в общих чертах знаем о настроениях интеллигенции Украины, Сибири, Кавказа и других областей, как областной интеллигенции. Об остальных проявлениях интеллигентной жизни России мы судили до сих пор по общерусскому масштабу. Между тем это далеко не так просто и однообразно, и в некоторые более яркие эпохи провинциальная интеллигенция очень чутко относилась к интересам местной областной жизни, а в отдельных областях ее выступления были особенно ярки и плодотворны. В частности, что касается научных, хозяйственных и других исследований областей, то в 60-е—70-е годы они были выполнены в значительной доле местной интеллигенцией.

Четвертую группу вопросов в истории области должны составить вопросы, касающиеся возникновения и развития рабочего класса в области, особенно в связи с возникновением и развитием фабрично-

заводской промышленности, причем быт русских рабочих в разные эпохи и в разных областях России выявлялся в весьма различных чертах—в силу чисто-местных традиций, с которыми был связан их быт.

Много и других вопросов предстоит обследовать историку области, перечислять которые здесь было бы излишне. Можно указать лишь, что областное значение монастырей в хозяйственном укладе области выявлялось далеко не так, как это отвлеченно рисуется в наших общеисторических трудах, даже в центральных и восточных губерниях России, где монастырское трудовое хозяйство отвлекало к себе не малое число людей из женского населения деревни. Можно также указать на обще-экономические вопросы деревни, на пути проникновения просвещения в деревню, причем особым характером отличается в этом смысле Вятская губерния, на рост и значение школьных и хозяйственных экскурсий для сельской молодежи, на местные клубы-читальни, зрелища, музеи и т. д.

Если все, что сейчас было сказано о содержании областной истории, сравнить с тем, что написано по истории областей, хотя бы даже только для XVIII и XIX столетия, то ясно обнаружится, что очень многие и при том важные стороны быта наших областных территорий слабо отражены в существующей областной литературе или даже вовсе обойдены.

Слабая разработка материалов по культурно-бытовой истории городов и областей России не могла не отразиться и на разработке истории культуры всей России. Даже самые лучшие и талантливые очерки на эту тему, бессильные перед незнанием областной России, не могут дать полных, ценных и реально-правдивых сводок и обобщений для истории культуры всей России.

Первым трудом по истории русской культуры, который, по выходе, обратил на себя всеобщее внимание, были известные „Очерки“ П. Н. Милюкова. Но и тогда же, когда они вышли, при всем благожелательном к ним отношении и высокой оценке, многое в них не удовлетворяло. Сам автор сознает слабую сторону своей книги и говорит: „многое, что было бы необходимо для „Очерков“, пока еще не разработано в специальной литературе. Отсюда—значительные неровности и прямые пробелы в разных частях „Очерков“. Еще более яркий пример бессилия историка России перед областной историей сказывается в „Курсе“ В. О. Ключевского, а отзыв об этом курсе другого историка, областника, Д. И. Багалея дает яркие пояснения: „нельзя ограничиваться, говорит он, в русской истории, как это сделано в блестящем талантливом курсе В. О. Ключевского, изложением судеб одной великорусской народности. Для воссоздания русского исторического процесса в полном его объеме, необходимо проследить и судьбу малорусской и белорусской народностей, ибо они составляют органическую часть целого, и великоруссы только в совокупности своей с ними представляют русский народ“. (Русская история, т. I, 19 стр.). Мы должны идти еще дальше тех представлений, которые высказаны Милюковым и Багалеем, и указать на совершенную и безусловную необходимость предварительной разработки не истории народностей России только, но главным образом истории ее областей. Безусловно верно, что история, напр., Саратовского края, когда она будет разработана, прольет новый свет в историю всей России, и в историю великорусского племени, и в историю других менее многочисленных

племен: мордвы, татар, и в историю русского раскола и т. д. Для истории же великорусского племени таких областей, как Саратовский край, придется изучить очень не мало и на очень большом территориальном протяжении. И надо полагать, что в результате таких работ едва ли выдержит критику тот общий взгляд Д. И. Багалея на прочность основ этнических и слабость основ территориальных, который он высказывает в отношении малорусской и белорусской народностей, оторванных от великоруссов Литвой и Польшей: „под властью чужих государств (Литвы и Польши) они боролись за основы своей русской народности и, выработав многие своеобразные особенности своего быта и культуры, тем самым явились участниками общего совокупного культурного творчества русского племени, а затем, после воссоединения, продолжали уже совместно ту же культурную работу“ (там же, 19). Нельзя не признать, что весьма преждевременно делать такого рода обобщения, хотя бы они и давали такое действительно интересное освещение истории культуры и быта трех основных племен русского народа в их совокупности. Мы не имеем еще ясного и точного представления, что такое великоруссы, малороссы и белоруссы и где точные границы их племенного состава и в каких культурно-бытовых чертах определяется этот состав. Мы знаем только, что, расселившись на большой территории, все три племени распадутся на очень большое число групп—по местным особенностям говора, а когда изучим историю русских областей, то узнаем среди них же и разнообразие местных особенностей быта.

Делая практический вывод из того, что было сказано о культурно-исторических очерках отдельных центров и районов России, и всей России в целом, следует вернуться к вопросу о собирании и разработке исторических материалов и именно материалов по истории культуры областей. Следует отрешиться от ложной оценки документов не общерусского значения и не древнего времени, наоборот, необходимо высоко ценить и собирать все, что относится к истории культуры области. Нужно прежде всего торопиться получить устные документы, записывая все, что хранит память народа, отдельных классов, отдельных лиц. Здесь задачи историка и этнолога переплетаются, и они должны согласованно работать друг для друга. Далее: необходимо собирать и хранить все, что когда-либо писалось в области или по области. Как бы ни были иногда незначительны записанные страницы бумаги по виду и содержанию, их нужно взять и хранить на учете, т. е. зарегистрированными и в системе, облегчающей к ним доступ (задача местных архивов).

На вещественные документы областной жизни, предметы быта, и не только народного, но и городских сословий, областной старины и проч. надо тоже смотреть, как на источники областной истории. Поэтому они должны быть собраны и хранимы с наибольшим количеством достоверных и полных сведений о них (задача областных музеев). Наконец, все эти материалы необходимо сделать доступными для желающих работать по областной истории, не делая из архивов мест, забронированных тайными видами правительства, из музеев—мест, забронированных тайными видами хранителя.

При разработке этих областных материалов необходимо: 1) составлять систематические (главным образом, территориальные и предметные) указатели всего печатного, рукописного и музейного материала, 2) пользуясь областными материалами, разрабатывать небольшие темы

по истории областной культуры, т. е. по отдельным местным вопросам. Кроме того, полезно иметь в виду, что общие очерки по истории культуры областей требуют большой и специальной подготовки, а потому для местных исследователей, не обладающих такою подготовкою, следует рекомендовать избегать широких, хотя бы и областных тем. Пусть сначала разработают и напишут: историю саратовских городов каждого в отдельности, историю переселения земледельческого населения в Саратовский край, историю немецкой колонизации в крае, историю приволжских промыслов по Саратовскому краю, историю религиозных движений в Саратовском крае, историю помещичьего и крестьянского землепользования в Саратовском крае, историю путей сообщения, историю торговли в крае и т. д., а уж потом напишут и историю самого Саратовского края.

В заключение должно сказать, что все работы по изучению областей в культурно-историческом отношении, раз они будут вестись на территории всех областей России, должны вестись как планомерные и методически-согласованные краеведные работы. Ведь из них постепенно создается сначала история того или другого края, а потом и культурная история всей России. Поэтому необходимо всем собирателям материалов, их хранителям и исследователям договориться о наиболее практичных согласованных способах и формах работы, о типах указателей, о способах архивной и музейной регистрации, об отборе материала для напечатания, о рукописном хранении объяснений (легенд) к музейным предметам и т. д.

Если такая областная работа по областным историческим документам будет налажена и будут написаны многочисленные культурно-исторические очерки русских городов и областей, тогда можно ручаться, что Россия в скором будущем узнает, как исторически, из каких частей и в каких формах она составилаь, и что такое есть она сама, Россия, в целом.

О собирании биографий местных деятелей.

На съезде не раз подчеркивалась важность собирания биографических данных для целей изучения тех или других краеведческих материалов. Так, в докладе Ю. М. Соколова была подчеркнута необходимость при собирании сказок, былин и т. д. собирать и биографические данные о самих сказителях. И в этом отношении к биографическому материалу сказался тот взгляд на этот материал в краеведческих кругах, который, как мне кажется, является господствующим. На биографии чаще всего смотрят, как на подсобный материал при собирании тех или иных краеведческих данных.

Для понимания народного творчества нужно знать кое что о самом творце, поэте из народа. Я думаю, что надо в корне изменить этот взгляд на биографии, на такое отношение к ним краеведческих кругов. Почему коллекционированье биографий имеет лишь подсобное, а не самодавяющее значение? Неужели жизнь человеческая, зафиксированная в форме биографии—менее ценный материал сравнительно со всем тем, что собирают и изучают краеведы? Неужели этот материал дает нам менее, чем изучение черепков, утвари и т. д.? Неужели при собирании памятников прошлого мы не поинтересуемся мыслями, чувствами—вообще переживаниями тех, кто творил ту внешнюю материальную культуру, которой на этом съезде уделено столь много внимания. Очень сложны те причины, почему выработалась такая неравномерная установка внимания на самого человека, его жизнь и на материальные продукты его деятельности.

Одна из причин—это неразработанность тех дисциплин, которые изучают внутренний, духовный мир человека и прежде всего психологии. Те методы, которые до сих пор применяются при изучении внутренней, психической жизни человека, отнюдь не могли быть использованы при собирании биографических данных о местных деятелях, как прошлого, так и настоящего. Вот почему в различных программах по изучению местного края совсем не дается руководства к систематическому собиранию данных биографического характера. Лишь в самое последнее время в психологии имеется так называемый биографический метод, обещающий быть чрезвычайно плодотворным в руках психолога. Целый ряд других дисциплин, имеющих то или иное отношение к человеческой личности, также успешно начинают применять этот биографический метод. Но всякий раз они применяют его с своей специальной точки зрения. Отсюда некоторая узость, односторонность использования биографических данных. Остро ощущается необходимость в такой науке, которая избежала бы этого недостатка, взяв своим объектом всестороннее, систематическое изучение жизни человека, поскольку она оказалась зафиксированной в форме биографии.

Потребность в такой науке особенно ясно сознается теми, кому приходится иметь дело с конкретной классификацией человеческих знаний. Я говорю о библиографах. Они решительно не знали, в какую рубрику отнести биографии, и чаще всего относили к истории, по всей вероятности потому, что историки больше других интересовались этим материалом. Но теперь этим материалом не меньше интересуются и психологи, и многие другие. Вполне понятно, почему некоторые библиографы так быстро согласились с идеей, что должны быть созданы новые дисциплины, которые занялись бы специально изучением человеческих биографий. Эту новую науку можно было бы назвать биологией, если бы этот термин не был узурпирован наукой, изучающей одну сторону жизни, можно было бы назвать антропологией, если бы опять таки и этот термин не получил бы слишком узкого применения. Вейнингер называет ее „теоретической биографией“, „онтогенетической психологией“, мы предпочитаем называть „биографологией.“ Эта новая отрасль энциклопедического знания берет объектом изучение жизни человека, поскольку она оказалась зафиксированной в форме биографии. Своею целью она должна ставить установление тех вечных непреложных законов, которым подчиняется течение жизни человека. Есть одна лубочная картина, называемая „ступени жизни человеческой“. С помощью художественной интуиции в ней народ выразил свое понимание смены ступеней, развития и угасания жизни человеческой. Что это развитие и угасание совершается с определенной закономерностью и правильностью, это мы все знаем, но пока знаем едва ли в большей мере, нежели это дает лубочная картина. Установить эту закономерность, выяснить законы, которым подчиняется эта смена—вот одна из главных целей новой отрасли знаний. Но это далеко не единственная. Правда, предмет этой отрасли человеческого знания еще не в достаточной степени определен, равно как не выяснены и те методы, которыми они должны пользоваться, но это отнюдь не может служить отрицательной инстанцией против основного, защищаемого нами положения. Разве не в таком же положении находился целый ряд дисциплин, сравнительно недавно отмежеввавшихся от своих предшественниц. Таковы, напр., педология, которая по словам ее основоположника Стенли Холла—является отчасти психологией, отчасти антропологией, отчасти физиологией, отчасти педагогией. И вместе с тем она есть особая наука, имеющая свой собственный объект и методы. Нащупав свои методы и отграничив сферу своего исследования от других наук, она должна занять в общей сумме человеческих знаний свое, по праву принадлежащее ей место. Это изучение с самого начала должно быть систематическим и организованным. А для этой цели и организуется Биографический Институт, который ставит себе целью—систематическое, всестороннее, научное изучение человеческих биографий. Эта задача—научного отдела института. Наряду с этим институт должен взять на себя работу учета биографического материала, а также сохранения его для последующих поколений—это задача регистрационного отдела института. Прикладной отдел ставит своею целью ознакомление широких масс с главнейшим результатом систематического изучения биографий.

Научный отдел ведет систематическое изучение биографий с точки зрения тех наук, которые сотрудничают в этом изучении: психологии, биологии, антропологии, генеалогии, истории и других, имеющих то или иное отношение к человеческой личности.

Регистрационный—ведет учет двоякого характера: это прежде всего учет и систематизация всего имеющегося биографического материала. С другой стороны—это учет всем, как уходящим из жизни, так и входящим в круг поля зрения, проявившим себя на различных поприщах деятельности. Первым шагом в этом отношении является составление сборника „отошедшие“, содержащего список русских людей, скончавшихся в период времени с 1-го января 1917 г. по 1-е января 1922 г. (т. е. за пять лет). В этот список мы вводим всех более или менее заметных лиц на всех поприщах деятельности без различия национальности, религии, пола, возраста, партии. В список у нас включены, как деятели старой дореволюционной России, так и новой революционной. Таким образом в список входят: 1) революционные деятели, как старые революционные (социалисты-демократы, с.-р.) так и выдающиеся деятели 1917—21 годов. Мы полагаем, что хотя и очень условно, но все же можно установить критерии, на основе которых следует включить в список. 1) Выдающиеся деятели революции, члены Р. К. П., председатели Губисполкомов, командиры армии, члены В. Ц. И. К., Наркомы и другие ответственные работники центральных и местных правительственных учреждений.

2) Все писатели (кроме мелких газетных работников и лиц, выступавших в печати более или менее случайно); ученые всяких специальностей, художники, музыканты, актеры (выше средних), театральные антрепренеры, режиссеры (выше средних), инженеры, архитекторы (выше средних), кооператоры, педагоги (выше средних), врачи.

3) Бюрократы императорской России, (министры, губернаторы); губернские предводители дворянства; председатели губернских земских управ; общественные деятели (Члены Государственного Совета, члены Государственной Думы); выдающиеся адвокаты, выдающиеся мировые судьи и т. д.

4) Духовные лица: митрополиты (все), архиереи (все), священники (выдающиеся).

При полном отсутствии информации чрезвычайно трудно составить более или менее исчерпывающий список нам, живущим в Москве, без помощи местных историков, краеведов.

Вот почему мы в первую очередь и обратились к членам съезда с просьбой помочь нам. Эта помощь должна выразиться в пополнении нашего списка лицами, достойными—по вашему—быть включенными в наш список.

Само собой разумеется, что сборник „Отошедшие“ дает лишь краткую схему того, что институтом должно быть собрано о лицах, включенных в сборник. Для научной разработки собранных в большом числе биографических материалов нужны более детальные сведения об этих лицах. Мы полагаем, что наш первый шаг до некоторой степени облегчает дальнейшие розыски сведений об умерших русских деятелях. Необходимо только, чтобы кто-то подумал об этом, взял на себя инициативу в этом направлении.

Таким адресным столом во всероссийском масштабе и должен быть Биографический Институт, где будет зафиксирован всякий, так или иначе отметивший свой жизненный путь.

Конечно, все эти задачи могут быть осуществлены при наличии интереса со стороны широких слоев общества и прежде всего со стороны краеведов. Эту работу они должны начать в своих собственных

интересах. Она для них нужна, чтобы изучить жизнь людей своего родного края. Важно с самого начала эти работы сделать систематическими и планомерными, а для этого нужно некоторое руководство, общий план, выработкой которого и занят в настоящее время Биографический Институт, который хотел бы прежде всего способствовать пробуждению интереса ко всякого рода биографическим данным, в той или иной форме говорящим о жизни людей местного края. Пусть даже это будут средние, обыкновенные, ничем не выдающиеся люди. Для науки, поскольку она интересуется наиболее типичным, этого рода человеческие документы представляют особенный интерес. Что же касается людей выдающихся, то их жизнеописания должны собираться уже в силу нашей признательности к ним за их труды на пользу родного края и т. д. Биографические материалы должны собираться независимо от характера деятельности лиц, заслуживших внимание местного населения. Пусть даже деятельность их носит явно отрицательный характер—историк все должен отмечать, памятуя, что история не знает оценки ни лиц, ни событий, мимо которых она проходит в молчании. Дело изучающего местную жизнь—отыскивать всякого рода человеческие документы, хранить, систематизировать их, вызывать их к жизни, побуждать к их собиранию и т. д. Такого рода материалами могут быть: биографии, автобиографии, дневники, семейные архивы, записки, воспоминания, письма, некрологи, легенды, несни, прибаутки, относящиеся к определенным лицам, пометки на календарях, фотографии, почерки, продукты творчества и т. д. Конечно, желательно все эти материалы собирать в подлинниках, в крайности — снимая с них копии. В первую очередь для этой работы следовало бы использовать уже имеющиеся общества и кружки, по изучению местного края, культурно-просветительные кружки, союзы молодежи и т. д. Эта работа имеет огромное общественное значение и потому к участию в ней должны быть привлечены все местные силы. Думается, что особенно заметная роль в этой работе должна принадлежать школе, учителю, местным отделам народного образования.

Намеченная работа отнюдь не может быть откладываема на долгий срок. Русская жизнь мчится сейчас со сказочной быстротой. Этот быстро-несущийся поток времени уносит в прошлое целые общественные группы людей, с их своеобразным бытом, особой психологией. Если не начать теперь-же собирание относящихся к ним данных, то многое бесследно исчезнет.

Обращаясь с горячим призывом к дружной совместной работе на общую пользу, Биографический Институт просит всех интересующихся намеченной работой дать ответы на следующие вопросы: 1) Есть ли в вашей местности кружки по изучению родного края? 2) Ведется ли в них работа по собиранию жизнеописаний местных деятелей? 3) Имеются ли какие-нибудь биографические сборники и другие печатные материалы края? Перечислите их. 4) Имеются ли рукописные материалы биографического характера, относящиеся к местным уроженцам? 5) Можно ли рассчитывать на организованную работу по собиранию биографий местных уроженцев? 6) Как эту работу — по вашему — можно было бы наладить? 7) Есть ли в вашей местности лица, интересующиеся изучением биографических данных, собирающие разного рода жизнеописания, биографическую литературу и т. д. Укажите их подробный адрес. 8) Имелись ли в вашей местности дворянские, купеческие и другие семейные архивы? Где теперь

они, какова их судьба? 9) Биографии каких местных уроженцев вы считали бы желательным иметь в первую очередь? 10) Как вы мыслите связь местной работы биографического характера с Биографическим Институтом? 11) Укажите ваш подробный адрес.

Ответы следует направлять по адресу: Москва, Политехнический Музей, Центральное Бюро краеведения, через которое Биографический Институт будет пользоваться присылаемыми материалами.

До сих пор Институтом выпущены в свет, а также подготовлены к изданию след. работы:

- Вып. 1-й. Рыбников, Н. *Биографии и их изучение*. 2-ое перераб. издание
„ 2-й. Рыбникова, М. *Горбовская хроника*. (По архиву семьи Щукиных) М. 1919.
„ 3-й. Рыбников, Н. *Биографический Институт*.
„ 4-й. *Систематический указатель русской биографической литературы*.
„ 5-й. «Биограф». Альманах, посвященный вопросам изучения биографий.
„ 6-й. Соколов, Н. *Жизнь ребенка*. (По дневнику отца).
„ 7-й. Гаврилова и Стахорская. *Дневник матери*.
„ 8-й. Златковская. *Записки матери*.
„ 9-й. Рыбников, Н. *Введение в изучение ребенка* (программа для собирания материала по биографическому методу).
„ 10-й. Богоявленская, (В. П. Матвеева). *Биография*.
„ 11-й. *Замечательные русские женщины*. Сборник биографий.
„ 12-й. Штукатуров, А. А. *Дневник рабочего*. *Дневник рядового*.
„ 13-й. Волков, В. *Дневник священника*.
„ 14-й. Андреев, А. П. *Автобиография коммерсанта*.
„ 15-й. *Крестьянское детство*. Сборник автобиографий.
„ 16-й. Шилова, В. А. *Мой дневник*.
„ 17-й. Виноградова, И. М. *Записки матери*.
„ 18-й. *Матери великих людей*. Сборник биографий.
„ 19-й. *Семинарий по биографологии*. Указатель тем и литературы.
„ 20-й. *О первых воспоминаниях детства*.
„ 21-й. *Воспитательная роль биографий*.
„ 22-й. *О собирании и изучении биографий местных деятелей*.

Библиография и краеведение.

Русская библиографическая литература по местным вопросам по своему объему очень невелика. Тяготение к регистрации местных произведений печати наблюдается в России уже с 60-х годов прошлого столетия, но долгое время ею занимались лишь отдельные лица, в большинстве случаев местные провинциальные деятели. Свои, чисто „любительские“, работы они вели без определенного плана, бессистемно, составляя преимущественно списки статей, печатавшихся в местной прессе. Временами кое-где такие списки, разнесенные по принципам тогдашней каталожной системы, появлялись на столбцах „неофициальной части“ местных „Губернских Ведомостей“.

С конца 80-х годов XIX столетия регистрация литературы по местным вопросам начинает приобретать уже более организованный характер, входит в наиболее правильное русло. В этом отношении видную роль суждено было сыграть Ученым Архивным Комиссиям, Статистическим Комитетам и тем немногочисленным Обществам изучения местного края, которые стали появляться по многим уголкам России только с середины 90-х годов. Но и такие библиографические работы сплошь и рядом носили характер дилетантизма и кустарности. Это не были указатели, исчерпывающие краеведную литературу во всей ее совокупности и полноте. В подборе материала наблюдалась случайность его, отрывочность. С точки зрения библиографической техники, этот материал также в большинстве случаев не выдерживал критики.

Все подобные библиографические работы можно разделить на 3 группы.

К первой группе должны быть отнесены *указатели к местным периодическим изданиям*, преимущественно к „губернским“ и „епархиальным“ ведомостям. Составление таких указателей постепенно наладилось почти во всех губерниях, и к 900-м годам мы имеем их почти ко всем „губернским“ официозам и к некоторым частным изданиям. Эти сухие, иногда бессистемно напечатанные, списки статей имеют все же огромное значение в деле краеведения, так как дают возможность отыскать разбросанный по столбцам старых газет и журналов ценный материал по местным вопросам. Я, конечно, имею в виду не все наши официозы, а такие из них, которые приобрели уже давным давно репутацию „порядочных“ (а иногда и „прогрессивных“) газет и содержат в себе действительно массу серьезных и важных сведений по различным сторонам краеведения, преимущественно же по истории, этнографии, фольклору и сельскому хозяйству. К таким изданиям относятся „Губернские Ведомости“ Саратовские, Владимирские, Воронежские, Нижегородские, Кубанские, Ставропольские и др.

Вторую группу составляют *указатели литературы, приуроченной к определенной территории*. Их имеется несколько разновидностей:

а) указатели *периодические* (погодные), как пример таких перечней можно рекомендовать „Библиографические указатели литературы, имеющей отношение к Олонецкому краю (составлены очень тщательно и напечатаны в „Известиях Общества изучения Олонецкой губернии 1913 г.“) и „Библиографические обзоры литературы по Северному Кавказу“ (в „Известиях Общества любителей изучения Кубанской области“, вып. IV, V и VI);

б) указатели *по отдельным отраслям краеведения* (истории, геологии, этнографии, фольклору, кустарной промышленности и т. п.); наиболее типичным из таких указателей являются: ряд списков книг и брошюр по истории Владимирской губернии (в „Трудах Владим. Ученой Арх. Комиссии“), Историческая литература в Ростове-на-Дону. Опыт библиографии местной истории“ М. Б. Краснянского (в „Записках Ростовского-на-Дону Общества истории древностей и природы“), „Опыт библиографического указателя литературы о кустарной промышленности Владимирской губернии“ А. В. Смирнова и проч.;

в) указатели *общей местной литературы*: во главе таких указателей нужно поставить Сибирскую библиографию известного библиографа Межова, доведенную до 1890-го года, „Библиографию Владимирской губернии“ И. Ф. Масанова (изд. 1905 г.), „Библиографический указатель литературы по Кубанской области Е. Д. Фелицына (90-е годы), „Библиографию Кубанского края“ (1918—20 г.г.), „Перечень некоторых книг, статей и заметок о Кавказе“ Д. Д. Пагирева (Тифл. 1913 г.), „Указатель сочинений о Черноморском побережье Кавказа“ Н. И. Воробьева (1915 г.), указатель литературы по Костромскому краю и др.

В третью группу входят *словари местных деятелей*. Они начали появляться в провинции вскоре после выхода в свет первых выпусков известного „Критико-библиографического словаря“ проф. С. А. Венгерова и составлялись в большинстве случаев по тому же плану, но только местными силами. Кроме библиографических очерков ученых и писателей, в таких словарях помещались подробные списки их трудов. Наиболее удачными, по полноте материала, являются: несколько выпусков сборника „Уроженцы и деятели Владимирской губернии“, составленного А. В. Смирновым (†), материалы для био-библиографического словаря, собранные С. Д. Соколовым и напечатанные в „Трудах Саратовской Арх. Комиссии“ под заголовком „Саратовцы—писатели и ученые“, ряд очерков, появившихся в „Кубанском сборнике“ под общей рубрикой „Северо-Кавказские литературные и общественные деятели“, „Краткий библиографический словарь ученых и писателей Полтавской губернии, составленный И. Ф. Павловским, (Полт. 1912—1913 г.г.) и др. Центр тяжести в таких словарях для каждого краеведа заключается, конечно, в списках той литературы по местным вопросам, которыми сопровождаются биографии всех местных деятелей, упоминаемых в словарях.

В таком виде, в общих чертах, представлялись библиографические работы по местным вопросам в дореволюционный период.

Революция внесла в библиографическое дело большое оживление, и новый строй отвел почетное место библиографии, придав ей характер государственный. Одной из забот правительства свободного государства стало не только раскрепощение учреждений, обслуживающих

науку и служащих делу печати, но и создание особо благоприятных условий, при которых можно было бы людям науки, книги, печати вообще учесть свои накопленные книжные богатства, разобраться в них, но уже без оглядки и утайки, и в то же время создать базу для всестороннего наблюдения и изучения „рек книжных словес“, широко бегущих по лицу русской земли. Задачи широки и многообразны. Прежде всего должно было регистрировать и опубликовывать все, что только выходит из под печатного станка, начиная с книги, газеты, гравюры, кончая летучкой и открыткой; должно было не только зарегистрировать, но и научно обрабатывать весь печатный материал, извлекая его из моря печати, не только из книг, но и из журналов, даже из газет; изыскать, группировать, систематизировать по отделам знания, важнейшим вопросам и т. п. рубрикам и, наконец опубликовывать во всеобщее сведение.

Такие библиографические проблемы были признаны правительством новой России имеющими государственное значение, и для решения их была учреждена государственная *Российская Книжная Палата* с состоящим при ней отделом регистрации и Русским Библиографическим Институтом, *) а 30 июня 1920 г. Совнаркомом было издано особое постановление о передаче библиографическ. дела в РСФСР Наркомпросу. Этим постановлением предусматривается открытие библиографических институтов и курсов, организация библиографических библиотек, издание книг и журналов по вопросам библиографии, регулирование и согласование деятельности всех библиографических учреждений и обществ и пр. Немного позже (3 августа 1920 г.) функции по регистрации произведений текущей печати были переданы вновь образованной при Госиздате *Центральной Книжной Палате* (и ее отделениям), а Российская Книжная Палата была переименована в *Петроградский Институт Книговедения*, где сосредоточилась научно-теоретическая работа по библиографии.

Новые правительственные веяния чрезвычайно окрылили местных провинциальных библиографов и те научные ячейки (исследовательские институты, общества, краеведения и т. п.), где библиографические работы находились лишь в зародыше (я не говорю о старейших библиографических обществах при Одесском Университете и при Ярославском Лицее, давно уже зарекомендовавших себя своими трудами). В течение очень короткого срока в некоторых провинциях были организованы вполне стройно научные библиографические аппараты. В этом отношении наиболее выпукло вырисовывались две наших окраины—Сибирь и Северный Кавказ:—в Томске при институте исследования Сибири было создано особое библиографическое бюро, задавшееся целью составить Сибирскую библиографию за послемежевский период, т. е. с 1891 г. по настоящее время; это бюро насчитывает уже до 25 тыс. библиографических карточек, часть которых подготавливается к печати в виде двух огромных монографий: 1) *Сибирь в русских исторических журналах 1901—17 г.г.* и 2) *„Сибирь в общей русской журналистике 1901—17 г.г.“*;—в Краснодаре (Екатеринодаре) при Совете обследования и изучения Кубанского края была учреждена Библиографическая Секция, собравшая библиографическую картотеку до 30 тыс. записей и напечатавшая че-

*) Библ. Изв. 1917 г. № 1—2, стр. 7—8.

тыре выпуска „Библиографии Кубанского края“, с рецензиями о каждом зарегистрированном в ней печатном труде;—в Краснодаре же был организован Институт книговедения, преобразованный из отделения Российской Книжной Палаты. Я не собираюсь делать подробного перечня всех тех библиографических ячеек, которые создались на местах под влиянием постановления Совнаркома от 30 июня. Я отмечаю лишь наиболее выпуклые из них с целью подчеркнуть провинциальные достижения библиографической мысли в революционный период.

Следует еще добавить, что обилие народившейся с первых же дней государственного переворота революционной литературы, преимущественно брошюрой и листовочной, заставило провинцию приняться за библиографицирование скопляющегося материала, т. к. для всех стала ясна настоятельная потребность вовремя ввести это море в библиографические берега. Во многих провинциях образовались особые бюро, как для информации ad hoc, так равно и для ведения научно-библиографических работ по регистрации литературы текущего момента *). Особенно удачны в этом отношении оказались работы окраин.

К сожалению, под'ем или даже, я сказал бы, энтузиазм, проявляемый провинцией к библиографии с 1918 г., к настоящему моменту значительно опадает, и провинция из оптимистической постепенно превращается в пессимистическую. Причины такой перемены кроются, прежде всего, в оторванности провинции от центра, в отсутствии естественной связи с высшим библиографическим центром Республики и в неимении средств. Крайне целесообразное постановление Совнаркома от 30 июня о централизации библиографического дела, стремившееся, очевидно, к планомерному проведению своей идеи в жизнь на местах, в действительности в провинции свелось к нулю. И в этом вина не провинциальных библиографов. Вполне объективно следует отметить, что значительнейшее количество местных библиографических работ выполнялось всегда и выполнено в революционный период, в момент полного расстройтва правительственного библиографического аппарата, совершенно безвозмездно, без всякой оплаты гонорара. В этом отношении библиографы, как отметил однажды уже Б. С. Боднарский, выполнив долг своей научной совести, оказали существенную услугу своему государству.

Постановление от 30 июня не достаточно было детализировано и, вследствие этого, дало возможность различно трактовать его местным Губнаробразам, Губполитпросветам и другим организациям. В некоторых городах, где в 1917—19 г.г. довольно правильно функционировали библиографические аппараты, в 1920 г. таковые были закрыты, а вновь организованные там же „библиотечно-библиографические подотделы Губполитпросветов, „отделения“ Центропечати, или не сумели ровно ничего сделать, или создали такой параллелизм в работе, что от него также ничего доброго ожидать нельзя. Другим тормазом в провинциальной работе является полное отсутствие средств, твердо забронированных за организациями, ведущими библиографические работы. Из-за неимения средств закрылось Библиографическое Бюро Исследовательского Института Сибири, в Томске, чахнет Северо-Кавказский Институт Книговедения, погибает библиографическая секция

*) Библ. Изв. 1917, № 1—2, стр. 29—30.

совета обследования и изучения Кубанского края. Это случаи мне лично известные, но, вероятно, положение не лучше и в других местах РСФСР.

Такое расшатанное состояние библиографического дела на местах наводит на очень грустное размышление и, безусловно, отрицательно отражается на разрешении краеведных вопросов, ибо библиография в них играет далеко не последнюю роль.

К какой бы мы ни приступили работе—научной, или практической, надо прежде всего ознакомиться с тем, что сделано раньше по интересующему нас вопросу. Отсюда значение библиографии, как указателя пути к отысканию всех необходимых обоснований, отсюда старинное определение библиографии, как ключа ко всем наукам, открывающего входы в сокровищницу знания. Но если уже в прошедшие века, когда появление каждой книги было своего рода событием, библиография была ключом всякого знания, то что говорить о ее значении теперь, когда хлынул настоящий поток книг и периодических изданий, исчисленных десятками и сотнями тысяч.

Огромное значение библиографии при современном колоссальном развитии печатного слова давно признано на Западе, где о библиографии заботятся и научные учреждения, и могущественные книгопродавческие организации. Значение библиографии не только научно-теоритическое, но и чисто практическое. Так же, как ни один вопрос государственной и общественной жизни не может быть решен без статистики, он не может быть решен и без библиографических указаний на литературу предмета. В последние годы самым ярким признанием не только научного, но и государственного значения библиографии может служить создание в Брюсселе на средства государства Международного Библиографического Института, за короткое время собравшего много миллионов библиографических записей по всем отраслям и знаниям, и практической жизни *).

Библиография местного края—точнее топовиблиография—имеет значение в деле краеведения по преимуществу практическое, почему ей в общей библиографической классификации и отводится место в специальной библиографии. В международной десятичной классификации топовиблиография значится под индексом 0,16 (³/₉).

Основной задачей местных библиографических аппаратов должна являться *полная и своевременная регистрация* всего печатного материала как о данной территории, так и вне ее. Регистрации подлежат не только отдельно выпущенные издания, но и статьи в периодических изданиях. В целях более удобного выполнения задачи, составление местной библиографии должно быть разделено на три очереди:

а) в первую очередь описываются книги, брошюры, сборники и отдельно изданные карты, планы, рисунки и т. п., относящиеся до данной территории, без различия, где бы они ни были выпущены в свет;

б) во вторую очередь—местные журналы, периодические органы местных ученых учреждений и организаций и произведения, помещенные в русских и иностранных органах;

в) в третью очередь—местные газеты, произведения, помещенные во всех местных и главнейших столичных и иностранных газетах.

Вторая задача местных библиографических организаций заклю-

*) Библ. Изв. 1917, № 1—2, стр. 5—6.

чается в детальной систематизации всего собранного материала, относящегося к данной территории и, что крайне ответственно, в реферировании всякого зарегистрированного произведения; при этом желательно, чтобы систематизация материалов производилась по международной десятичной системе, а реферирование—при помощи специалистов (геологов, биологов, экономистов и т. п.).

Окончательным аккордом такой работы должен быть полный список всего печатного материала по данной территории с начала книгопечатания до наших дней.

Второстепенные местные библиографические задачи состоят в составлении словарей местных деятелей в области науки, литературы, политики и общественности; в регистрации всех печатных произведений (книг, брошюр, листовок, плакатов и проч.), выпущенных в данной местности без отношения к их содержанию, в составлении на основании этих данных периодических обзоров о состоянии печатного дела в данном районе и вообще в собирании материалов, могущих освещать все стороны местного типографско-издательского дела.

Выполнение такого плана возможно лишь при условии установления теснейшего контакта местных библиографических аппаратов с организациями и учреждениями, специально посвятившими себя библиографии и, в частности, с высшим центральным библиографическим органом РСФСР, а также при условии забронирования особых сумм на эти библиографические работы. Только при таких условиях можно рассчитывать, что провинциальная библиография станет на должную высоту.

Местные деятели сделали свое дело—в величайший период русской истории они выявили свою энергию и стремление к работе. Теперь остановка за центром, который обязан поддерживать провинцию не только словом, но и делом.

И это сделать необходимо во имя того значения, какое имеет библиография в деле краеведения.

Выставка, как метод пропаганды идеен краеведения.

На мою долю, как на участника настоящей конференции, выпало поставить вопрос о краеведческой выставке под специальным углом зрения, а именно, о выставке, как методе пропаганды идеен краеведения.

Чем обширнее территория страны, чем реже и разноплеменнее ее население, чем разнообразнее окружающая природа, чем больше разнообразия в формах жизни и занятий населения, чем меньше специалистов и научных исследователей, тем необходимее для процветания культуры такой страны широкая мобилизация всех ее жизненных сил для ее всестороннего и совершенного изучения.

Ведь в широких народных массах имеется не малое число бескорыстных талантов, готовых с любовью отдаться делу помощи, помощи науке и ее деятелям.

Нужно только суметь найти эти таланты, зажечь их энтузиазмом познания своей родины, направить их силы и способности к общему благу страны и в этом одна из главнейших задач особенно современных краеведов.

Каждому музейному работнику, каждому участнику экспедиций, геологических и иных разведок, каждому отдельному собирателю фольклора, этнографических и т. п. предметов известны многие лица из крестьян, рабочих и просто обывателей, не говоря уже о лицах интеллигентных профессий, оказавших ценнейшие услуги их деятельности.

В настоящее тяжкое для страны время особенно нужна эта широкая мобилизация ее культурных сил,

С помощью широких народных масс наша деятельность по спасению памятников старины, памятников искусства и в широком смысле культуры даст несомненно несоизмеримо большие результаты.

И тут каждый работник в области краеведения должен помнить и ни на минуту не забывать, что помимо его чисто научных обязанностей на нем лежит долг миссионерства в борьбе с вековым невежеством и народных масс и часто верхов интеллигенции с их отношением ко многим памятникам старины, хранящимся в архивах, библиотеках, музеях и в частном общежитии.

Краевед должен помнить, что, если он сам не поможет и не призовет широкие народные массы на помощь официальным представителям Главархива, Главмузея и др. учреждений в их деятельности на местах, то весь его труд, как труд краеведа, теряет весь смысл и цель в отношении изучения своего края.

Практика работников Главархива и некоторых его местных учреждений с несомненной доказательностью подсказывает один из наиболее верных и дающих хорошие результаты способов пропаганды

идей охраны, собирания и изучения архивных материалов — это способ пропаганды при помощи специальных выставок.

В некоторых случаях это было настолько удачно, что раз вступивши на этот путь, работники Главархива, не могут уже от него отказаться и, горячо его защищая, рекомендуют им пользоваться как методом пропаганды своих идей, своих задач.

Подготовленных лиц к идейному выставочному делу у нас мало или почти нет.

И чаще всего на выставках случается так, что вы знаете, что на выставке должно быть много ценных материалов, но выставлены они так, что раньше, чем вы их найдете и разберетесь в них, потратите массу времени. Ценные экспонаты тонут во множестве второстепенных или совсем ничего незначащих.

* * *

Разнообразие тем, выставок может быть до бесконечности.

Но всякая выставка по краеведению должна вытекать из ближайших задач, какие конкретно стоят перед местным краеведческим обществом, и тех наличных возможностей, какие имеются в распоряжении общества и объединенных в нем научных учреждений.

Должна быть четко намечена основная идея выставки, которая объединила бы все ее части и отдельные ее экспонаты.

Эта руководящая идея должна быть отчетливо усвоена всеми участниками выставки и строго выдержана во всех ее деталях.

Обобщая вопрос о типах выставок в целях пропаганды краеведческих идей, все выставки можно было бы свести к следующим типам:

1) Выставки могут быть отчетного характера, подводящие итоги деятельности общества, его филиалов, сотрудничающих с ним обществ, учреждений, организаций, отдельных работников центрального пункта О-ва и работников, разбросанных по всей территории края.

2) Выставки могут быть строго научного характера, разрабатывающие один какой-нибудь вопрос, одну какую-нибудь очередную и основную проблему, ну скажем в области изучения местных промыслов, или ремесл, местной флоры, или животного мира, истории края и т. п.

3) Выставки методического характера с целью проработать с местными педагогами какой-нибудь вопрос преподавания в школе, связанный с краеведческими задачами сезона или времени года.

4) Выставки могут быть устроены в связи с каким-нибудь юбилеем основания города, научного открытия, рождения или смерти местного уроженца политического деятеля, поэта, писателя, ученого, замечательного события, засухи и т. п.

Особой группой тем для выставки, конечно, являются темы переживаемых нами революционных событий.

Величайшие февральская и октябрьская революции 1917 г. и все последующие ее моменты развития и проявления должны быть предметом особого внимания краеведов.

При нашей привычке мало ценить как памятники прошлого, так тем более — настоящего, памятники говорящие об этом прошлом или нашем настоящем так быстро и очень часто к сожалению безвозвратно, исчезают или гибнут от рук неценящих их невежественных рук, что овладевает отчаяние, что мы — свидетели и участники этих вели-

чайших событий, не сделали всего, что было в наших силах, чтобы предотвратить их гибель.

Как архивный деятель, не могу не привести 1—2 примера из более известной мне области.

В день 4-й годовщины октябрьской революции в Москве были выпущены специальные газеты с воспоминаниями участников октябрьской революции.

В газете „Правда“ т. Ольминский, напр., указывает на то, что больше года по поручению Московского Комитета Р. К. П. и Истпарт (Комисс. по изучению истории Окт. революции и Р.К.П.) ищут по всем архивам, по всем библиотекам Москвы комплекты вышедших перед октябрьскими событиями и некоторое время после них газет „Социал-Демократ“ и „Деревенская Правда“ и нигде не могут найти ни одного №. Товарищ горячо просит откликнуться на его призыв и снабдить Истпарт, у кого имеются, комплектом этих газет.

И так обстоит дело с довольно распространенной в свое время газетой!

Что же можно сказать о каких-нибудь летучках, выпускаемых различными партиями, боровшимися за свое утверждение, с их плакатами, воззваниями, и также газетами и т. п. материалами?

И не только трудно уже найти сейчас № газеты, но и трудно даже разыскать огромные части архивных фондов южно-русских, сибирских и др. правительств, действовавших в эти годы в России.

* * *

Для каждого краеведа, конечно не составит особенного труда подобрать соответствующий для выставки материал. Но мне хочется сделать 2—3 принципиального характера указания.

Прежде всего не следует нагромождать материалов, лучше немного выставить экспонатов, но такие, которые четко выражают в своей совокупности основную идею выставки.

Экспонаты должны быть наглядны и убедительны даже одной своей наглядностью.

Диаграммы, схемы, плакаты и т. п. должны быть просты по своей конструкции и ясно понимаемы всяким посетителем.

При выборе экспонатов надо также иметь в виду, что какой бы коллегияльной фильтрации выставочный материал ни подвергался, всегда будет иметься в его подборе элемент субъективности с одной стороны, с другой надо помнить о посетителе выставки, который придет со своим отношением к предмету, со своим его толкованием и только выдержанностью типа и содержания выставки можно устранить возможные недоразумения.

Сгруппированный выставочный материал вокруг какого-нибудь лозунга или части основной темы должен быть снабжен хорошо проработанным объяснительным текстом.

На это у нас как-то мало обращают внимания и часто экспонат теряет свое назначение только оттого, что или непонятен текст к нему или последний совершенно отсутствует.

Особенное значение это имеет на краеведческих пропагандских выставках, где является необходимым выявить не только содержание темы, но и всех тех краеведов, которые активно принимают участие в исследовании края.

Как правило на таких выставках надлежит иметь, что если экспонат найден и доставлен кем-нибудь из местных жителей, то помимо общего его описания, указывается кем доставлен, откуда, когда и где экспонат найден.

* * *

Каждая пропагандистская выставка должна быть активно-вовлекающей посетителя в общую работу по исследованию края.

Помимо каталога выставки, о котором речь будет ниже, помимо общего плаката, объясняющего цель выставки и направляющего по ней посетителя, помимо отдельных агитационных лозунгов-краеведения, устроители и работники по выставке (руководители или дежурные) должны вести дневник выставки.

Назначение такого дневника следующее:

Руководитель или дежурный по выставке внимательно изучает посетителей, что их интересует на выставке. Заводит с ними беседу по поводу экспонатов, наиболее заинтересовавших посетителя. Давая объяснения или указания, дежурный или руководитель задают ряд вопросов посетителю, в целях собрать какие-нибудь дополнительные сведения об экспонате, или сообщают, что нужно предпринять для охраны или обследования предмета и т. д.

Вся эта беседа, с указанием фамилии и адреса посетителя или группы посетителей заносится в дневник выставки.

Изодня в день, собранный материал в таких дневниках может представлять огромный интерес и даже может послужить ориентировкой в тех или других начинаниях О-ва. Такой дневник при последующих применениях служит прекраснейшим иллюстрационным материалом при указании на пользу конкретных посетителями сведений, особенно если при этом будет фигурировать соответствующий экспонат выставки, добытый таким образом.

У посетителя рождается чувство доверия к О-ву, посетитель проникается важностью и серьезностью ведущейся общественно-работы, у посетителя возникает уверенность в возможности принесения им пользы общему делу.

В результате местная краеведческая семья пополняется одним-другим, а при более благоприятном случае и целым десятком новых сочленов.

Невежественные люди, уничтожающие памятники старины, искусства, памятники и предметы общей культуры, являющиеся как бы „врагами“ науки, врагами своего собственного края, под влиянием обработки на лекции или выставке, интимной беседы об экспонатах—чудодейственно превращаются иногда не только в доброжелательно настроенных к нашему делу граждан, но не редко превращаются в активных сотрудников, в активных краеведов.

* * *

Но мало ограничиваться только теми посетителями, которые сами идут на выставку. Необходимо деятелям краеведения самим размышлять и деятельно привлекать на свои выставки посетителей и особенно тех районов города или те группы населения—рабочие, крестьяне, школьники, ремесленники, красноармейцы работающие на промыслах и т. п., которые больше всего и прежде всего по поставленным задачам подлежат вовлечению в сотрудничество с вами.

Средством к такому привлечению могла бы послужить устроенная перед выставкой в этом районе лекция или концерт, на котором специально командированный сотрудник О-ва в живом слове отметил бы задачи О-ва и цель устраиваемой выставки.

Этим способом, помимо других способов в виде афиш, плакатов, газетных статей и объявлений, вы несомненно привлечете именно тех, кого вам нужно приобщить к поставленной очередной задаче О-ва, разрешить которую или для выяснения научных ресурсов которой вы и устраиваете выставку.

* * *

Кроме дневника руководителя или дежурного на выставке надлежит еще иметь дневник посетителя выставки, где сам посетитель, уединившись и сосредоточившись смог бы записать свои впечатления, изложить свои указания, дать нужные сведения.

Хорошо было бы такой дневник украсить картиной или пейзажем местного края, или каким-нибудь сюжетом, говорящим, наводящим о нем.

Вообще дневникам надлежало бы придавать художественную внешность, это имеет большое воспитательное значение!

Смущаться тем, что будут писать грязно и плохо, ничего. Это в значительной степени устранился само собою, каждый автор подтянется, к этому обяжет его одна художественная внешность дневника и красивый, содержательный лозунг на его обложке.

На руководителе или дежурном лежит долг и обязанность всеми мерами поощрять посетителей делать свои записи в этом специально для них предназначенном дневнике.

* * *

На выставке как правило должны находиться альбомы с фотографическими карточками и краткими биографиями с перечислением того, что данным лицом сделано в отношении изучения местного края.

В альбоме должны найти место абсолютно все, кто в той или иной мере оказал помощь или услугу по изучению местного края, от подростка школьника, до члена крупной экспедиции, профессора или академика включительно, всем должно быть отведено равно-почетное в нем место.

Издание таких альбомов и дневников, помимо методического и воспитательного значения, принесет не малую пользу и науке.

* * *

Как было выше отмечено—совсем не все равно, кто идет и кто не идет на краеведческую выставку, нужно также знать, кто должен притти на выставку, кому нужно притти на нее.

Для учета посетителей в этом отношении необходимо озаботиться ведением на выставке регистрации посетителей.

Для регистрации групповых посещений: школ кружков, клубов, красноармейцев и других объединений лучше вести особую более детальную книгу записей.

Все это важно и необходимо в отношении учета, активно относящегося слоя населения к вопросам краеведения, это поможет в нужную минуту найти и поддержку начинаниям о-ва и знать, какими силами краеведов о-во располагает в своем районе.

* * *

По окончании выставки необходимо составить ее „альбом“.

Под альбомом я разумею подробный отчет о выставке с момента ее возникновения до ликвидации, со всеми существенными промежутками времени ее жизни.

В альбоме должны быть помещены принципиальные положения из заседаний выставочной комиссии, если выставка устраивается коллективно, ее каталог, со всеми пояснительными к экспонатам текстами, лозунгами, фотографии всех частей выставки, фотографии диаграмм, схем, карт и т. п., образцы руководящих инструкций, тезисы прочитанных лекций, проведенных бесед, статистические данные о посетителях и т. п. материалы и все существенное, чем духовно жила выставка.

Альбомы такие имеют методологическое, значение как для самих организаторов выставки, так и справочно-ориентирующее значение для всех последующих работ всех краеведов и не только данного района.

Обмен такими альбомами, знакомство с ними других соседних о-в даст возможность распространить и закрепить удачные достижения и этим обогатить опыт работающих в этой области.

Как альбомы таких выставок, так и записи в обоих видах дневников могли бы быть содержательными предметами дискуссий краеведческих кружков данного района.

* * *

Но никакая выставка, как бы она ни была наглядна, внешне убедительна и проста для понимания даже самого неподготовленного посетителя, она не даст столько, сколько она может дать, если выставленные предметы и материалы не будут сопровождаться живым одухотворяющим лектора-руководителя, хорошо и специально подготовившегося к содержанию и проникнутого единым настроением и основной идеей выставки.

При содействии живого слова руководителя закрепятся в памяти слушателей не только факты, но при наглядности самой выставки слушатели проникнуты вашим настроением, вашей готовностью слушать родному краю...

При помощи живого слова достигается стройность и углубленность восприятия посетителя.

* * *

Особое и усиливающееся значение краеведческие выставки приобретают, если они из кратковременных превращаются в постоянные сменяющимися экспонатами в зависимости от темы выставки и в передвижные по районам, уездам и селам.

При чем соответственно повышается значение и всех вспомогательных приемов обработки посетителей и распространения идей краеведения и достигаются большие результаты по увеличению числа краеведов.

Выставки всех перечисленных типов—прекрасный исходный прием для начала работ краеведческих обществ.

Выставки обогащают и самих устроителей, в процессе подготовки и проведения их многое уясняется, многое как бы по новому раскрывается значительностью своего содержания, на выставке проверяются достижения О-ва в своей работе и исправляются ее дефекты.

Выставка—это лаборатория пропаганды краеведческих идей.

Поэтому то и надо пользоваться всякими съездами, конференциями местных общественных и политических деятелей, устраивать при них выставки.

Ведь нам—деятелям культуры и просвещения—особенно трудно завоевывать себе то положение, какого в настоящее время еще у нас нет и которое необходимо для успешного развития духовной и материальной культуры страны.

* * *

Все эти перечисленные мною способы активного использования посетителя выставки имеют основанием такое положение: *без широкого и вольного сотрудничества населения*, никакое правительство, никакие силы присяжных ученых не смогут организовать и поставить дело действительного изучения страны.

Краеведами должно быть *все* местное население без различия пола, возраста и социального положения.

Как собрать исчерпывающе полно для местного краеведческого музея данные по минералогии, флоре, животному миру, данные о местных промыслах, ремеслах, торговле, быте, о местном художественном творчестве, как получить своевременно сведения о гибнущих памятниках старины—архивах, библиотеках и т. п.—только при одном условии—условии широкой пропаганды идеи краеведения, идеи коллективного сотрудничества, существования широкой сети корреспондентов—любителей своего края.

Только опираясь на широкие круги населения, краеведческие о-ва действительно изучат свой край, исполнят общегосударственную и общенациональную свою задачу.

Поэтому пропаганда для нас является не только необходимой, но, *хочется сказать, обязанностью* и облекать ее надо в формы доступные, активно действующие и убеждающие.

Русский север, как задача краеведного изучения.

Никакая страна в мире не обладает таким огромным пространством побережья Северного Ледовитого моря, как Россия. Если считать его от Норвегии до мыса Дежнева, то это будет приблизительно 25 тысяч километров береговой линии. Конечно, по прямому направлению это расстояние значительно сократится, но эта извилистость береговой черты представляет большой интерес, и если она отчасти и затруднительна для исследователя, но в то же время, если хотите, оказывает и помощь. К этой обширной береговой линии присоединяется не менее обширная внутренняя территория, которая почти до сих пор вовсе не обследована. Действительно задача была задана русским людям не малая, и все, что они могли сделать, они и сделали и не по их вине до сих пор обследовано еще столь мало. До известной степени такое положение дела для местных исследователей является выгодным обстоятельством. Поле широкое—только действию была бы охота. Я не буду останавливаться на том огромном пространстве которое представляет северное побережье Сибири. Я коснусь этого только в общих чертах, указавши, что это побережье, которое впервые было нанесено на карту так называемой Большой Северной Экспедицией еще при Анне Иоанновне в 1746 году, оно неоднократно с тех пор посещалось русскими экспедициями по отдельности. Все это обследование представляло работу 18 столетия. Она, конечно, обладает немалыми недостатками, но ей нужно применить и мерило своего времени. Несомненно однако, что все основные географические черты были более или менее выяснены. Например долготы определены были плохо, но иначе не могло быть, потому что тогда и не было хороших способов для определения долгот. Нечего удивляться если потом у Обской губы А. И. Вилькицкий находил ошибки по долготе на 100—150 километров. Это ни в коем случае не может ложиться упреком на работу Большой Северной Экспедиции. В общем же ею было выяснено положение всей береговой полосы, течение главных рек, впадающих в Ледовитое море, даже экономические условия существования людей в этой области и прочие географические черты. После этого потребовалось порядочное количество работы для обследования отдельных частей этого побережья. Но эти отдельные экспедиции не охватывали с тех пор всего того побережья, которое было впервые обследовано Большой Северной Экспедицией. До сих пор еще есть пространства или еще никем не обследованные, или картография коих основана еще на работах Большой Северной Экспедиции 18 столетия. К сожалению, некоторые работы, которые были произведены в последние десятки лет, еще до сих пор не обработаны и не опубликованы.

Побережье, которое лежит в пределах европейского материка, начиная от Югорского шара на запад, конечно, обследовано несрав-

ненно лучше. Оно и понятно, так как лежит ближе к центру цивилизации России и экономических ее интересов. Однако и оно далеко не столь обстоятельно обследовано, как требовалось бы согласно его значению для России. На этом побережье самыми изученными местами являются: Белое море и Мурманский берег. Не знаю, знаете ли вы о том, что Мурманский берег еще недостаточно точно положен на карту, потому что хотя и была начата по его правильному гидрографическому описанию работа в начале 20 столетия, от границы с Норвегией на восток вдоль всего Мурманского берега, но затем война и другие обстоятельства, совершенно приостановили эту работу. Также точно нет правильной гидрографической описи для всего побережья Белого моря. Если пойдём к востоку от Канина мыса, то там существующие обследования почти того же рода, какой мы имеем для берегов Сибири. Лучшее других тут обследован так называемый Самоедский берег.

Прилегающая к Европейскому побережью Северного Ледовитого моря внутренняя часть страны также мало обследована в географическом отношении. Конечно, здесь течения больших рек нанесены более или менее прилично, хотя обстоятельных географических работ по этим рекам не велось, кроме Северной Двины и отчасти Печоры. Хуже всех обследован бассейн Печоры, особенно Запечерье. Большеземельской тундре до сих пор целый ряд рек нанесен на карту произвольно, по распросным сведениям. Малоземельская тундра, лежащая к западу от Печоры в своем первом приближении находится в стадии исследования, особенно что касается до лимана Печоры и полосы от Печоры к западу, где работала Тиманская экспедиция Геологического комитета в 89-90 г.г. под руководством покойного Ф. Н. Чернышева и астронома Баклунда, бывшего директора Пулковской обсерватории. В настоящее время это побережье местами обследуется. Так напр. Индигская губа, обследовалась в последние годы с точки зрения устройства здесь вывозного порта. Немножко обследована и река Индига, здесь предполагалось устроить соединительный водный путь от р. Печоры для облегчения возможности выхода Печорским грузам к морю, вместо того, чтобы заставлять их проходить через лиман Печоры. Хотя, как кажется, проще было бы обследовать самый лиман и улучшить условия плавания по нему. Конечно, исходный порт намечаемого водного пути при устье р. Индиги обеспечивает мореплавание от льдов, повидимому долго держащих запертым выход в море из Печорского лимана. Но как удастся устроить этот водный путь—еще неизвестно. Здесь на сравнительно небольшой глубине находится вечная мерзлота и еще неизвестно, как будут действовать шлюзы на ней с течением времени. Быть может шлюзы на мерзлоте будут стоять незыблемо, или мерзлота окажется не глубока; но может случиться, что эта причина послужит началом к сдвигам; тогда все будет испорчено.

Побережье, прилегающее к Белому морю, более исследовано. Тут есть население, живущее оседло и работающее в различных отраслях, не только в области земледелия и скотоводства, но и на разных промыслах; главным образом они занимаются промыслами: лесным и рыболовным. Но даже в этих старинных русских областях, которые заселены с 11 столетия, огромные площади еще представляют в научном отношении совершенно необследованные пространства. Особенно это справедливо для Олонецкого края, лежащего к западу от Мурманской

ж. д. и для района Онеги. В Онежском крае существует целая сеть больших озер. 10 верстная карта есть единственная подробная крупная карта, какая имеется для этого пространства. Эта карта основана главным образом на распросном материале, что очень трудно при картографической обработке. Во всяком случае, за эту карту, которая является единственной картой крупного масштаба для всего севера России, начиная с 60 параллели, мы должны быть чрезвычайно благодарны ее создателю генералу Стрельбицкому, и Военно-Топографическому отделу Военного ведомства, который взял на себя эту работу; без нее у нас ничего не было бы. Мы часто по поводу этой карты слышали несправедливые на нее нарекания, происходящие просто от незнания условий, в которых вообще могут создаваться карты, условия обработки этой карты. Случалось; например, слышать такие нарекания. Берут какие-нибудь соседние листы и видят, что на одном нарисовано обширное болото, которое краем рамки рассекается пополам, а на другом листе этого болота нет. Ясно, что тут ошибка: не может же болото заканчиваться по прямой линии и случается, что человек, которому такие листы попадают, считает карту неправильной. Между тем дело в том, что бывают нередко случаи, когда один лист почему то продается в большом количестве; его раскупают, а соседнего листа не раскупили. Магазин, которому совершенно все равно до карты, до географии и до чего угодно, который ищет только своих выгод, заказывает Военно-Топографическому Отделу раскупленный лист. Оттуда ему его дают уже исправленным. А оставшийся нераскупленным соседний лист не имеет этих исправлений; тогда и получается, что люди, покупающие эти листы карты, имеют совершенно не одновременные материалы на двух соседних листах. Вот чему надо приписать такие ошибки.

Если на 10-верстной карте вы посмотрите на листы Олонецкого края, то будучи наблюдательным географом, а географ не может не быть наблюдательным, вы наверное получите следующее впечатление: что вдоль границы Финляндии очертания озер чрезвычайно просты, когда вы перейдете через границу Финляндии, то те же очертания озер начинают усложняться. Неужели это произошло исключительно из-за перехода границы, очевидно, нет, оно есть результат того, что на русской половине карты не было в новейшее время исследований, а на Финляндской были. Южная часть Олонецкого края между Онежским и Ладожским озерами, лучше изображена на карте, здесь озера имеют витиеватые очертания, т.-е. ближе к действительности.

Вот в этом крае всякие обследования подобного рода представляют очень большой интерес и в смысле обще-географическом и в области озероведения. Все пространство Кольского полуострова почти не исследовано; западная его часть еще была посещена финляндскими учеными, несколько десятков лет тому назад, но в последние годы целый ряд русских экспедиций сделал гораздо больше для изучения края. В южной части полуострова протекает р. Варзуга, впадающая в Белое море. Она была обследована экспедицией Русского Географического Общества, тогда как Мурманское побережье обследовано Главным Гидрографическим Управлением и другими исследователями. Канинскому полуострову посчастливилось: за последние годы, тут были три экспедиции Русского Географического Общества, одна Московского зоолога Бориса Мих. Житкова, который проследовал по тому пути, который соединяет Чешскую губу с Мезенским заливом

по рекам Чезе и Чише. В последние годы 1913—1914 и 1915 имела место другая экспедиция Русского Географического Общества под руководством С. Г. Григорьева, который работал с целым рядом сотру- рудников, давших всестороннюю картину этого края. Дальше на восток по этому берегу никаких экспедиций, в сущности, не было. Острова Северного Ледовитого океана также еще недостаточно изу- чены. Так, остров Колгуев был дважды посещен зоологом С. А. Бутур- линым и два раза там были англичане. Так как остров сравнительно небольшой, то в общих чертах он известен, тут были и гидрографи- ческие работы. Остров Вайгач мало обследован, там, в сущности говоря, не было никакой русской экспедиции. В 90-х годах там были англичане, но они главным образом, судя по отчету экспедиции и по моим письменным с ними сношениям, занимались более или менее зоологическим обследованием. Южная часть Новой Земли до изве- стной степени, с западного побережья еще кое-как обследована и то эпизодически. Довольно прилично обследован Маточкин Шар и Югор- ский Шар. Внутренняя часть почти неизвестна. Первое пересечение острова впервые сделано Гриневецким, в 83-м году, когда здесь была международная полярная экспедиция в этой ее части, снаряженная Русским Географическим Обществом. Второе пересечение южного острова было сделано Ф. Н. Чернышевым. Покойный князь Б. Б. Голи- цын также пробовал сделать пересечение южного острова, но ему не удалось его выполнить. Целый огромный полуостров, называемый Гусиная Земля, внутри совершенно еще неизвестен. Правда, француз Ш. Бенар как раз перед самой войной работал там, но его поездка носила рекогносцировочный характер.

Восточный берег южного острова совершенно неизвестен, если не считать работ, которые относятся к 40-м годам XIX столетия.

Северный остров Новой Земли плохо известен; еще его западное побережье довольно прилично изучено разными исследователями начи- ная с Пахтусова и Литке и отчасти благодаря трудам покойного Седо- ва, работа коего вдоль северо-западного берега Новой Земли являет- ся единственно ценным результатом его экспедиции. Все же осталь- ное, что он сделал вместе с его попыткой пройти к северу, было пред- принято без всякой разумной подготовки и без знания местных усло- вий, результатом чего и была его гибель. Интересно, что во время этой экспедиции было сделано первое пересечение северного острова Новой Земли, Восточный берег острова пока очень мало обследован, в южной его части берег был обследован А. И. Вилькицким; а в не- давнее время в 1921 г. гидрографическая экспедиция Морского Ведом- ства на „Таймыре“ прошла вдоль северной части восточного берега Северного острова. Все эти работы есть только географическое опозна- ние положения береговой линии, внутренность же Новой Земли почти никто не знает. Таким образом эти оба острова представляют из себя обширное поле для обследования.

Лежащий к востоку полуостров Ямал долгое время также пред- ставлял совершеннейшую пустыню в смысле его изучения, и только в 1905—1906 г.г., благодаря самоотверженному содействию Б. М. Житкова, Русскому Географическому Обществу удалось снарядить экспедицию, которая и обследовала полуостров. Материалы были обработаны и изданы Географическим Обществом вместе с картой по- луострова, обработанной Обществом совместно с Главным Гидрогра- фическим Управлением.

Пространство, которое лежит дальше к Востоку между Обской и Енисейской губой, совершенно еще не обследовано, на нем абсолютно никого не было, самоседы там ходят, но из исследователей там решительно никого не было. Также и полуостров, лежащий между южной частью Обской губы и Тазовской губой, тоже совершенно не обследован, Реки Надым и Таз еще плохо изучены, и на карте нанесены более или менее произвольно. Внутреннее пространство между реками Обью и Енисеем было в 1908—9 г.г. исследовано покойным лесничим О. Маркграфом; к сожалению, он был очень интересным рассказчиком, но не умел или не хотел писать, так что от его рассказов ничего не осталось.

Вот, следовательно, в каком положении находится обследование северного побережья до Енисея и прилегающих к нему внутренних пространств.

Здесь напрашивается сказать несколько слов о том морском пути, который ведет из морей Западной Европы в устья больших рек Западной Сибири. Об этом пути писали довольно много, говорили еще больше, но не всегда с достаточным знанием дела. Большинство относится к этому пути с каким то сомнением, а многие уверяют, что в сущности случайность играет тут большую роль, потому что многие смотрят на морской путь в Сибирь как на подспорье для экономического вывоза из Сибири и только.

Занимаясь этим вопросом более 30 лет, полагаю, что несколько его знаю и думаю, что этот путь имеет безусловно серьезное экономическое значение. Все дело заключается в том, что всякий путь и всякое дело, если вы хотите его использовать, должно быть как следует обследовано, а не как то случайно: то тут что то сделано, то там, все это между собой не связано и не дает правильного представления о деле. В чем собственно заключаются трудности этого пути; только в одном обстоятельстве: в возможности быть запертым плавучими льдами. Гидрографические исследования, выполненные покойным А. И. Вилькицием в течение 7-ми лет в 90-х годах прошлого столетия, ясно показали, что все пространство моря прилегающего к Южному берегу Карского моря и к Ямалу, и к Обской и Енисейской губам, составляющее заливы Карского моря, обладает чрезвычайно благоприятными условиями распределения глубин. Дело в том, что линии равных глубин идут здесь параллельно очертанию берегов, т. е. они не дают никаких отвлетений или разветвлений, не образуют никаких отдельных мелей, отмелей и т. п. Берега здесь выпадают совершенно равномерно к наибольшим глубинам моря без каких бы то ни было неровностей. Это имеет громадное гидрографическое значение для плавания. Например, корабль в тумане вошел в Карское море и подходит к берегам Ямала и может совершенно и не видеть его. В настоящее время, благодаря трудам покойного А. И. Вилькицкого, устроена станция с искровым телеграфом на мысе Маре-Сале, которая всегда сумеет предупредить, что вы подходите к берегам Ямала. Предположим, что вы в тумане подошли на определенную глубину, скажем на 12 сажень, тогда вы можете по этой глубине идти смело к Северу, даже не глядя на компас, и таким образом доберетесь до Обской или Енисейской губы без всякой опасности сесть на мель. Такое состояние рельефа дна совершенно понятно, с физико-гидрографической точки зрения; с незапамятных времен здесь льды нагромождаются друг на друга, об-

разуют громадные стамухи в несколько саженей глубиной и высотой. Они садятся на мель и затем, под давлением льдов, они сдвигаются и при этом сглаживают дно.

И так главной причиной затруднительности плавания являются льды. Мы не знаем, как эти льды располагаются ежегодно. Нам кажется, что они расположены „случайно“, но что значит слово „случайно“. Вот вы шли по улице и встретили идущего из за угла нужного вам человека, а прошли бы вы здесь на 3 минуты ранее, и такой удачной встречи не было бы. Говорят, что это „случайность“; такие случайности образуются этими явлениями, или обстоятельствами, которых мы не изучали, вся их случайность нередко в этом и заключается. Если-же вы изучили бы эти случайные явления, то они перестали бы быть для вас неожиданностью.

До настоящего времени этим морским путем плавают уже лет 50. Но о чем заботятся все те, кто там плавают. Только об одном. Возможно благополучнее доставить тот груз, который они везут. Они знают, например, что в таком то году на этом пути, в такой то широте, были встречены льда. Этим они могут руководствоваться; но никто из плавающих здесь не занимается изучением распределения этих льдов, причиной их появления и т. д. Это не их дело. Их дело провести груз и благополучно доставить его на место, а заниматься изучением это дело главным образом правительства. Никакое частное предприятие не может выполнить подобного изучения. Правительство начало заниматься этим довольно поздно, в 90-х годах прошлого столетия и занимается этим лет 30 не больше. Притом занятия эти ведутся совершенно случайно, неправильно, чисто спорадически. Первые 7 лет А. И. Вилькицкий здесь кое что сделал, но его главной задачей было обследование берегов и глубин. Плавание здесь продолжается всего какие либо 2½ месяца не больше, и у него совершенно не было времени следить за льдами и наблюдать их. Затем гидрографическое обследование было прекращено на некоторый промежуток времени, потом опять возобновилось, потом снова прекращено. Таким образом эти работы велись случайно и неправильно как в прошлое время, так и в настоящее, способы работ были различные, мысли, возникающие у руководителей ими, тоже различные, характер работ различный, вследствие чего и вся совокупность работ не носит научного характера. Если бы она велась строго научно, то мы знали бы уже, при каких ветрах можно ожидать нажима льдов к югу, в какой широте, и до какого места и т. п. Присоединяя к этому данные наблюдений 4-х станций: в Югорском Шаре, на Вайгаче, на Ямале и на о-ве Диксоне мы были бы в состоянии обследовать действительную опасность, представляемую здесь плавающими льдами.

Что сказанное не есть моя фантазия или увлечение, могу подтвердить примером. В 30-тых или 40-х г.г. 19 столетия Гудзонов залив, ведущий к громаднейшим пространствам Сев. Америки и представляющий очень удобный водный путь Канады, совершенно не был обследован, в особенности ход в него из Бафинова моря. Считалось, что плавание здесь чрезвычайно трудно, а между тем по берегам Гудзонова залива существовали различного рода станции или как их называют—форты, где велась меновая торговля с индейцами. Сообщения фортов сухим путем с населенными областями Канады были чрезвычайно затруднительны. Морской путь был несравненно легче, но он считался невозможным вследствие опасностей для плавания, глав-

ным образом вследствие неизвестности ледяных условий. Но через 20 лет этот путь стал настолько известен, что здесь существует правильное почтовое сообщение пароходами ко всем портам Гудзонова залива, не встречающее за последние 20 лет никаких затруднений. Отчего же это произошло. Исключительно от изучения тех условий, которые требовались для безопасности мореплавания. Но это есть задача, которая не под силу никакому обществу краеведения, тут должно действовать правительство.

Обращаясь же к деятельности обществ краеведения, посмотрим— в чем же заключается задача обществ краеведения на Севере. Каждое такое общество есть маленький научный уголок составляющийся иногда: из двух трех человек—иногда из нескольких десятков человек. Их дело—обследовать окружающее пространство; так как никакая прошлая экспедиция этого сделать не сможет. Всякая экспедиция приезжает на короткое время, она не в состоянии, в большинстве случаев, пробыть целый год на одном месте и поэтому не может исследовать целый ряд явлений, которые имеют годовой период. Укажем, например, на озерные обследования. Начало таких работ очень недавно, все они вышли из работ очень известного покойного профессора Ф. Фореля, Лозанского университета в Швейцарии. Он жил постоянно в своем собственном домике в маленьком городке Морже на берегу Женевского озера. Он заинтересовался им и, несмотря на то, что он был только один человек, а озеро очень обширное, он в течение 20 лет его изучал во всевозможных отношениях. Его работа (2 тома) представляет и до сих пор руководство, как нужно исследовать какое бы то ни было озеро. Конечно, он мог его исследовать только потому, что он постоянно жил на берегу озера. Если бы он жил в Париже или Берне, то это было бы невозможно. Не говоря о затруднениях передвижения, он просто бы прозевал целый ряд явлений. Гуляет он по берегу и вдруг замечает какое нибудь кратковременное явление, он его записывает и таким образом постепенно и незаметно имеет возможность произвести целую работу. В этом то примере и лежит задача всех местных исследователей по отношению не только к озерам, но и всяким другим географическим явлениям. Примером такого обследования, хотя и гораздо меньшего по объему, можно указать на маленькое озерко Песцово, около Никольского рыбоводного завода в Новгородской губернии. Оно было изучено этим рыбоводным заводом. Но это очень маленькое озеро, а сколько таких разбросано по России и ждут своего времени. Я не буду говорить о работах этнографических, ибо здесь есть более компетентные люди по этому вопросу, которые вам вероятно уже сказали или может быть скажут, насколько общества краеведения и в этом отношении могут быть полезны. В экономическом отношении, в изучении промыслов, местных условий жизни и т. п.—все это может дать чрезвычайно широкое поле деятельности и на северной окраине России для местных ученых обществ. Все это мало изучено именно по той причине, что на местах этим мало интересовались. В течение моей жизни я объездил много мест в России вдали от железных дорог и я убедился, что у нас всегда было очень мало людей, интересовавшихся подобного рода работами и вообще своим краем.

Заканчивая свой доклад, позвольте высказать пожелание, чтобы общества краеведения задавались целями, кои они смогут выполнить. Чтобы они не задавались такими темами, которые выходят из круга

их деятельности, как пример, в 1919 году; образовалось, уже не помню точно где не то в Ярославской, не то в Костромской губернии, в небольшом уездном городке общество исследователей. Оно разослало, вероятно в разные места и между прочим в Географическое общество предложение принять участие в устраиваемом им исследовании всего севера России; при этом указывалось, что если у вас нет средств, то стоит обратиться к ним и они эти средства исхлопочут для вас в центре.

Такая задача, конечно, не есть задача обществ краеведения. Если ж общества краеведения займутся своим краевым делом, то они принесут громадную пользу России. Они именно сделают то, чего не хватало до сих пор и чего только совокупными силами мы и сможем добиться. Если же мы будем действовать каждый по отдельности, то ничего не выйдет. Не ждать же и здесь, что придут к нам новые варяги. Кто бы они ни были, они нежелательны и вредны, пора работать самим.

Русский Восток как задача краеведного изучения.

С понятием Востока в представлении каждого из нас об'единяется сложная сумма проблем, картин, цеканий, задач и достижений. Огромнейший континент с населением, равным половине рода человеческого, с бесконечным разнообразием биологических, климатических, геологических и других перспектив, он уже с этой стороны является неисчерпаемой задачей для научных познаний. Но сколько углубляется и разнообразится эта задача, когда она от мира естественных явлений, перебрасывается к миру человеческой истории, борьбы народов, в область культурных судеб. В этом случае, напр., столь сжатая историческая перспектива других районов нашей планеты, не исключая даже и Европу, расширяется в Азии до 6—7 тысячелетий отмеченной исторической жизни, и эта огромная перспектива, с каждым лишним напряжением человеческой мысли неустанно растет в глубину веков, открывая нам обольстительные картины седого прошлого.

А поразительное разнообразие племен, свойственное Азии, о нем Европа, населенная одним народом, так как между итальянцем, англичанином и русским, с точки зрения азиатского масштаба, едва ли есть разница, никакого представления не имеет; а эта пестрейшая коллекция языков, проходящая по всем ступеням язычной эволюции, территориально помещая рядом, порою такие языки, как китайский или монгольский, между которыми и в содержании, и в форме пролегал целая пропасть; а засыпанные землей, занесенные песком, куда то пропавшие вместе с водою старые культуры, города, центры жизней, об одном из которых еще недавно привез нам весть Петр Кузьмич Козлов? Разве эта сумма научных об'ектов и тем не должна поражать нашего воображения.

Но это не все. Восток интересен не суммой только своих, ему свойственных, идей и запросов. Он связан тесно с Европой, физически лишь своим скромным и небольшим полуостровом, но духовно крупным и властным миром последних завоеваний человеческой мысли и последним этапом культурных достижений. И вот тема о взаимоотношениях Востока с Западом, тема об их взаимном влиянии, заимствованиях и сравнительной ценности является тем вопросом, часто живым и первым, который входит неотъемлемым слагаемым в основной вопрос о Востоке.

Однако, признав увлекательную сложность и разнообразие вопросов, связанных с темой о Востоке, мы должны будем сказать, что эта тема углублена еще очень слабо и ждет еще большой работы и многих работников. Если вы бросите хотя бы беглый взгляд на Азию в ее целом, то она представится вашему взору поверхностью весьма разнообразной с точки зрения опознавательной. Индия, Япония, части Сибири, вот районы, где научный зонд глубоко и разносторонне пущен

в изучаемое тело. Но весь север, области лесов и тундр, Такла-Микан, Тибет, особенно его юго-восточный угол, все это те районы, о которых пытливая людская догадка довольствуется самыми скромными и поверхностными данными. В каких местах Азии вы имеете метеорологические станции, чтобы из полученного цифрового материала создать надежную климатологическую картину. Их почти нет, и ваши сведения о климате гадательны и приблизительны. Есть ли возможность к массовым явлениям Азии применить статистический метод, это сильнейшее орудие научного опознавания. Очень и очень редко. Знаете ли вы хотя бы приблизительно те количества людских накоплений в Азии, которые так интересны для всяческих выводов. Знаете ли вы количество населения, напр., Китая, Тибета, даже Афганистана, я не говорю уже об азиатских трупобах. Нет, вы не знаете. Знаете ли вы движение этих групп. Опять таки нет. Я мог бы привести примеров сколько угодно, но укажу еще на такие, которые так давно и сильно увлекали мыслящий мир Европы. Напр., вопрос о первоначальной родине арийцев, когда-то бросавший наших праотцев из одного угла Средней Азии в другой, и затем начавший эту игру в кегли чуть-ли не по всему пространству Европы, занимавший три поколения ученых и наполнивший целые томы печати, разве он от этого длительного труда получил свое решительное слово. А эта глубоко трогательная тема о первых годах мировой истории, которые Эдуардом Мейером приурочиваются с подозрительной аккуратностью к 4241 г. до Р. Х., а Винклером и Петри, по разным соображениям, к какому то моменту за 5 т. лет до Р. Х. А вопрос о том, кто были сумерийцы, первые зодчие здания обще-человеческой культуры. И всюду вопросы, всюду сомнения, всюду только подходы к научным решениям. Разве мы не вправе сказать, что нива изысканий в Азии только слегка и небрежно поцарапана, но она не пройдена ни сохой, ни плугом, чтобы мы позволили себе ждать благодатной жатвы.

Но в этой неутешительной картине состояния наших сведений о Востоке есть одна отрадная особенность. Восток широкое и первобытное поле исследования; и здесь нет традиций, нет европейских шаблонов, каких либо суживающих рамок, здесь широкий простор для самобытных приемов, новых подходов и всяческих попыток. А такое обстоятельство самым благотворным образом действует на начинающие научные силы. Изобилие тем, образов, заданий раскрывается пред их молодыми глазами. С одной стороны, нескончаемое море вопросов и с другой—полная свобода их разрешения. И если первые шаги их будут нескладны, если подходы будут нескучны, то вся эта неудача дебютанта щедро вознаграждается обилием картин и большой суммой коррективов. Пусть даже их работа не даст выводов, то какой огромный материал привезет начинающий для последующих обработок в кабинетах и лабораториях всех столиц мира. Эта роль Востока, как школы и тренировки для аспирантов науки, всегда играла и будет играть крупную роль. Сколько имен, ставших потом знаменитыми и даже великими, должны быть признательны Востоку за его гостеприимство и приют. Кому не известны имена Cunningham'a, Rawlinson'a, Lassen'a, Saucy'a, Раверти, Рихтгофена, Hommel'a; наших Северцова, Пржевальского, Козлова, Федченко и мн. др. Прочитайте их биографии и вы часто найдете, что Восток их принял в свое исследовательское лоно еще детьми, их взростали и выпустил гигантами науки. Восток может об этих своих питомцах сказать, как сказал

Наполеон в день Ваграма о своем погибшем Ланне: „я его получил пигмеем, а теряю в нем великана“.

Я счел необходимым упомянуть об этом факте, может быть для многих кажущемся частным и мелким, но при моих скитаниях по Азии мне он бросался в глаза и для меня трогательно была та признательность и увлечение Востоком, которую до могилы несли с собою эти его научные питомцы.

Есть одна сторона дела, при изучении или просто отношениях к Востоку, которую нужно выделить при нашем рассмотрении. Альбрехт Вирт (A. Wirth), автор интересного труда *Der Gang der Weltgeschichte*, в свои молодые годы отмечал мысль о страсти научных деятелей к уничтожению Европы и к возвышению Азии на недостижимую высоту. Но в чем же автор видел подобное возвышение Азии! Да в очень безобидных и кабинетных, притом в очень ограниченных вещах, вроде бесчисленных тысячелетий вавилонян и китайцев, скептического глубокомыслия Востока по сравнению с Европой, и ничего больше.

Мою впечатлительность чаще смущали иные отношения и иные подходы к явлениям Азии, которые я склонен назвать предвзятыми, по отсутствию в них мотивов и пренебрежительными, высокомерными и придирчивыми, по основному в них вложенному тону. Конечно, в области естественных явлений подобная предвзятость сказывалась в довольно скромных и скоропоправимых размерах—такowymi были, напр., оценка объектов при военно-географических исследованиях, слишком раболепно повторяющая европейский масштаб, напр., темы о реках, климате и т. д.; европейская шаблонность при изучении азиатских языков, которая слишком пренебрегала особой психологией этих языков, их совершенно иной структурой, их своеобразным построением речи, затем скорее просто перевод на европейский язык, чем искреннее выяснение многих социальных и административных понятий Азии и т. д.

Но это все было сравнительно терпимо. Резче и грубее сказывается отношение к азиатскому, когда оно касается культурно-социальных явлений и сфер практических устремлений. В первом случае все азиатское прошлое, настоящее, его особенности, уклоны—окрашивается постоянным одиозным придатком, сводящим это азиатское к чему-то неизбежно грубому, кровожадному безэтичному или отсталому, нескладному, второсортному... Я много мог бы сделать ссылок на эту тему, но не стану разбрасываться по лабиринту примеров и позднее приведу только наиболее поучительные. Даже у таких исследователей, как Владимир Иванович Ламанский, привыкших, казалось бы, к областям высоких обобщений и духовно-нравственных запросов, вы найдете в его брошюре „Три мира азиатско-европейского материка“—такую, напр., фразу: „миллионы азиатов коснеют теперь в гордом довольстве своею дряхлой цивилизацией, или прозябают на различных ступенях той одичалости и грубости, до которой способно только доходить человечество“. Что уполномочивало Владимира Ивановича Ламанского на такую жестокую, несправедливую и явно ненаучную фразу. Только глубоко закоренелое европейское чванство, в своем широком размахе доходящее даже до мыслителей высокой марки.

Я не стану утруждать внимание присутствующих рассмотрением того, как могло получиться подобное отношение Европы, это повело бы меня в сторону.

Большая научность, объективность и, главным образом, скромность должны были бы нам показать, что в Азии мы имеем дело с совершенно иной психикой, иными навыками мышления, иной этикой, со всем иным, для нас чуждым и мало понятным, и только. Мы говорим: „я поднялся во второй этаж“; японец будет говорить: „первый этаж ушел из-под моих ног“; мы читаем: „Отче Наш“ и просим Создателя мира о насущном для сегодняшнего дня, а ученый мусульманин, преклоняясь пред возвышенной простотою нашей великой молитвы, не в силах понять, как можем мы просить чего-либо у бога, чего не делает и грудной ребенок по отношению матери; он дополнит, что их молитва состоит в непрерывном *славословии* Аллаха, и так на каждом шагу. Всюду иначе, всюду иные полюсы переживаний и пониманий и поэтому ясно, что усвоенный Европой подход к азиатским явлениям, полный предвзятости, предрассудков и спесивости, несправедлив, он мешает объективному и уравновешенному изучению Востока, туманит связанные с ним картины и делает опознание его просто ненаучным, а по тому и далеким от правды. До каких размеров и безрассудства доходит подобное отношение к Востоку, позвольте мне иллюстрировать несколькими примерами.

Нам всем знакома политика англичан к Индии и как бы мы ни смягчали таковую или, наоборот, ни пробовали ее опорочить, ее основной колорит хищничества и купеческого грабительства, вероятно, у всех останется достаточно установленным. Но все-ли знают, что для обоснования подобной политики пускаются в оборот всякие quasi научные или идеологические предпосылки. Одна из них сводится к тому, что англичане, более высокая, даровитая и просвещенная раса, яко бы благодетельствуют другую темную, отсталую, бездарную, пошлую. И вот тип этой то бездарной расы наполняет своим грустным содержанием довольно большой ассортимент политико-научной литературы англичан. Я говорю литературы, потому что в обходном разговоре или в организации британской жизни в Индии это презрительное отношение к туземному сквозит на каждом шагу, об этом не стоит распространяться. Но именно в литературе. Просмотрите труды—сотню трудов—англо-индейцев—будут-ли это труды политические, экономические, военные и др.,—на страницах их вы найдете этот униженный, оплеванный и забытый тип индуса: он труслив, лукав, бездарен, лжив, легкомыслен, безхозяйственен, скрытен, политически ограничен, пусто-болтлив и т. д. и т. д. Напрасно наиболее справедливые и человечные из англичан, в роде Скулливана, Чаклина, генерала Смайта, Дигби, лорда Лиштона и др. пытались отрезвить и сгладить эту злостную буффонаду своих соотечественников, напр., генерал Джон Адай говорил по этому поводу: „мы слишком строго, да еще по еврейской мерке измеряем людей, развившихся при совершенно иных условиях“... Другой напоминал своим соотечественникам даже о темной коже Христа, чтобы сдержать их злобствующий пыл. Их одинокие голоса были заглушены дружным ревом одичалых и забывшихся „просветителей“.

Может быть будет неприемлемым или просто обидным для нашего собрания, если я поставлю вопрос о том, правы ли англичане. Конечно вы скажете, они неправы, заносчивы, дерзки, лживы, но все-ли достаточно сознательно выскажут подобное решение. Эта мысль обязывает меня несколько остановиться на подробностях.

Прежде всего не могут они усумниться или как-либо посягнуть на дарование и полет мысли того народа, который создал санскрит, наметил основы грамматики языка, создал такие народные эпосы, как Магабгарата и Рамайана, дал миру цифру и музыкальную гамму и, наконец, в области религии выдвинул на сцену такую величину, как Сакья Муни, более известный миру под именем Будды. Из области успехов математических мне хочется привести только один, но крайне назидательный пример. Индусские математики умели уже решать неопределенные уравнения второй степени, пользуясь для этого так называемым циклическим методом¹⁾. Замечу, чтобы оттенить величие этого факта, что тот же прием впоследствии был предложен знаменитым Лангранжем в 1769 г.²⁾ т. е. вероятно, не менее двух тысяч лет спустя после подобной же удачи какого то темного и, по мнению англичан, глупого индуса.

Хотя целое столетие рабства отозвалось крайне дурно на развитии индусского характера и дарования, особенно же вредным в этом отношении были политика и режим англичан, при которых за целое столетие ни один индус не занимал высокой должности,³⁾ тем не менее и теперь презрительное отношение англичан не может найти себе оправдания, если оно вообще может иметь таковое.

Сами англичане признают дарования туземцев в отдельных случаях, выхваляя, напр., их знание английской литературы или английского языка, преклоняясь пред военными достоинствами некоторых племен,⁴⁾ они должны были неоднократно признать и физические достоинства туземцев, так как не один раз были до глубины души шокированы, когда туземцы, нередко во главе с туземным принцем, разбивали британских спортсменов в партиях крикета или поло,—факт, как известно, существенной важности для сынов Альбиона.

Такие представители литературы, как Рам Празад Сен или Барат Чандра Рай, или более позднее, как Маду Судан Датта или Гем Чандра Банарджи,—науки: Науруджи Додобхай, сэр Томас Мутгусаи Айер,—знаменитый законовед и юрист; С. Ранганадга Састри, крупный лингвист—философия, как: С. Ранганадга Мудэлиар или Рам Могун Рои (Ram Mohun Roy), или наконец, административной деятельности, как: Салар Дженг, сэр Мадгава Рау, сэр Динкар Рау, сэр Амаравати Сешайя Састри, С. Рангачарлю, В. Рамайенгар, сэр Сешадри Айер и многие другие, сделали бы честь любой стране и были бы лучшими ее сынами...

Приведу другой пример, который, может быть, и не встретит среди вас единодушного сочувствия. В истории военного искусства значится небольшая семья так называемых великих полководцев. К этому разряду военной наукой отнесены Александр Македонский, Аннибал, Цезарь, Густав Адольф, Евгений Савойский, Тюрень, Фридрих Великий и Наполеон... Как видите, за исключением Аннибала, по своим достижениям и размерам борьбы, может быть среди

¹⁾ Известный историк-математик Ганкель (Zur Geschichte der Mathematik im Alterthum und Mittelalter. Leipzig 1874 г. стр. 200 и 205) поражается глубиной и тонкостью этого метода.

²⁾ Sur la solution d'une problème indéterminé du 2 degré. Memoires de l'Académie de Berlin 1769 г. т. XXIII

³⁾ См. напр. A. Handbook of the Fighting Races of India, by P. B. Bonaries Calcutta 1899 г.

них наиболее великого, все остальные сплошные европейцы. Не странно ли, в этом олимпе завоевателей, вы не находите ни Чингиса ни Тимура, ни других полководцев Азии. Почему, на каких основаниях. По каким признакам. Не ждите ответа. Чванливая Европа умеет помолчать, когда это нужно. А на самом деле, ни по силе военного дерзновения, ни по размерам завоеваний, ни по грандиозности целей, ни по количеству примененных войсковых масс, даже по тонкости тактических форм—едва ли кто из европейских полководцев, отмеченных штемпелем „великого“, мог сравняться с Тимуром, не говоря уже про Чингиса. Может быть, один Наполеон еще в состоянии скромно и то отчасти приблизиться к этим гигантам военного дела. А такие „великие“, как Густав Адольф, Тюреннь, Фридрих Великий, вертевшиеся на стратегическом пяточке, со своими воюющими отрядами!—Разве их можно поставить хотя бы на приблизительный уровень с азиатскими „сокрушителями“ народов. Ни в коем случае.

Но, лишив военных вождей Азии того ранга, который им по праву принадлежал, Европа этим не довольствовалась. Сильно доверяя или желая верить разным рассказам средневековых миссионеров, осудивших и оклеветавших в своем слепом фанатизме и европейском самообольщении все азиатское, ее народы, ее крупных людей, европейская историография пронесла этот несуразный и глубоко ненаучный масштаб вплоть до ближайших дней. И на фоне этого масштаба появились глупо-жестокое опустошители стран, разгульно-кровавые, самодурные, развратные и т. д. Чингис и Тимур. Разрешите мне не входя в подробности, сказать, что это сплошное недоразумение или тяжкая неправда. Это вам давно бы сказали азиатские авторы вроде Ибн-ал-Ассира, Джувейни, Бабура, Абуфазля, даже Джузджани, которые естественно не лишены некоторой доли пристрастия, если бы вы имели удачу ознакомиться с ними. В Европе честь, может быть, первой попытки подойти более спокойно к этим великим людям принадлежит Гиббону, и его характеристика Тимура, правда, еще робкая и нерешительная дает нам облик этого человека, с которым можно уже мириться. Чингис был менее удачлив; он долго оставался при своей старой характеристике и только ближайшее время начинает снимать с него злостные и мстительные уборы европейской клеветы и глумления. С чувством большого удовлетворения на страницах интересного труда Василия Владимировича Бартольда „Туркестан в эпоху монгольского завоевания“ я в свое время прочитал характеристику Чингиса и нашел в нем много сдвигов в сторону исторической правды. Упоминания о том, что Чингис не предавался разврату в той степени, как большая часть его потомков, что ни в одном из его поступков (а он мог „спокойно избивать людей тысячами“) нет признака бесполезной жестокости или самодурства, являются отрадным новшеством на фоне прежних злобно однообразных оценок и характеристик Чингиса. Я слышал, что в настоящее время в Берлине печатается труд Василия Владимировича Бартольда „Биография Чингиса“, мне хочется верить, что почтенный автор даст нам образ этого загадочного человека, еще более очищенный от ненаучных и злых придатков.

Упомяну еще о предвзятой классификации азиатских религий, особенно Ислама. Я не разумею при этом чисто религиозной точки зрения, страстность, которая мне еще понятна и естественна. Но я разумею те хулительные течения и тот почти презрительный тон, которым

так часто проникнута европейская печать, даже претендующая на научность. У английского переводчика *Хидан* (комментарий мусульманского права) по адресу этой книги, уже потому крупной и священной, что ею живут миллионы народов почти полторы тысячи лет и хотя, быть может, скромно и несовершенно, но ладят свой быт и примиряют взаимные интересы, я нахожу, например, определение, что коран „это необыкновенная смесь пустословия и юридических толкований“. А ведь это говорит человек, достаточно углубленный в существо мусульманских идей и постановлений.

Но европейцы пристрастны и деспотичны к азиатам не в одной лишь духовной области или в сфере научных подходов. Есть еще стороны—практической жизни и политических устремлений,—где Европа повела себя по отношению к Азии, как завоеватель, грабитель и эксплуататор. Считая эту сторону вопроса входящей в мою тему лишь косвенно, я очень доволен, что могу не смущать вашего воображения картинами того, как наше купечество спаивало бедных обитателей Северной Сибири, скупая за бесценок пушнину, как британцы войной заставляли китайцев покупать отраву для своей страны, как те же британцы начали войну с Афганистаном во имя насильственных достижений, как те же британцы полтора столетия властвуют над многомиллионной страной, выжимая из нее под оболостительным флагом культуртрегерства последние соки и т. д. Позвольте помянуть об этом и покинуть этот печальный вопрос.

Я отвлекал ваше внимание до сего времени Востоком вообще, так как в очерченных мною сторонах темы этот Восток и Русский Восток между собою совпадают. Мы и при изучении Русского Востока сталкиваемся с тою же огромною суммою тем во всех областях человеческой пытливости, с тем же слабым размером научных достижений и, наконец, с тем же предвзятым и пренебрежительным отношением к миру азиатских явлений; может быть, по вторым двум пунктам мы найдем некоторую разницу, если не в существе дела, то хотя бы в тональностях. Если Восток вообще слабо исследован, то по отношению к Русскому Востоку нам значительно пришлось бы сгустить краски; здесь неисследованных областей еще больше и здесь применение строго научных приемов изучения еще затруднительнее, здесь далекое прошлое еще глубже занесено слоями земли, и к нему еще менее применен труд археолога, лингвиста и т. д. Дикость и бедность мест нашего Востока, наша сравнительная отсталость могут быть достаточны для объяснения этого нашего греха пред Русским Востоком. Во всяком случае, для научной мысли здесь по старому полный простор, как в областях естественных, так и в сфере социально-культурных исканий.

Но в смысле пренебрежения или высокомерия к азиатскому мы уже гораздо менее грешны, чем Европа. Такая литература, как у англичан по отношению к индусам, для нас невозможна, она слишком чужда и дика для нашего примирительного и доброго мирозерцания. На это имеется много причин, на которых позвольте не останавливаться. В этом нашем отношении к Востоку сказывается вся обаятельность русского народного гения и вся широта его культуртрегерских возможностей.

Если еще наши летописцы называют Батю „лютым зверем“, между тем как он не только от самих монголов получил прозвание „доброе хана“ (саим-хан), но прославляется за свою кротость, спра-

ведливость и мудрость мусульманскими и армянскими писателями. то этот факт скорее можно признать исключением, чем правилом. Конечно, и мы не лишены известной доли пристрастия, предрассудков и даже порою высокомерия к азиатскому, но по сравнению с европейскими эти тона у нас значительно смягчены и более терпимы.

Но в картах Русского Востока, помимо черт, общих с Востоком вообще, пред нами вскрываются новые черты и задачи, делающие его содержание более сложным, знаменательным и колоритным. Русскому Востоку присуща та своеобразная особенность, что он органически, близко и длительно связан с русским миром—его народом, историей и укладом жизни. Эта связь подала в свое время повод Ламанскому к созданию очень интересного понятия о Среднем Мире, как место между собственной Европой и собственной Азией,—понятнее, может быть, довольно шаткое, но характерное, как иллюстрация тесной и глубокой связи между русским, (правильнее славянским) миром и прилегающим к этому миру Востоком. Эта связь имела свое подтверждение и в более грубых иллюстрациях, начиная с фразы Вольтера о том, что довольно поскресть немного русского, чтобы найти в нем татарина, и кончая воззрениями Духинского и его последователей, не признающих славянизма великоруссов. Конечно, в русской мысли бывали такие течения, которые старались отнести и затушевать взаимовлияние Востока и России, оторвать последнюю из сфер азиатских и, хотя насильственно, но включить ее в семью европейских народов, как это старались опознать и проповедывать некогда западники, в частности наблюдались тенденции само татарское иго, казалось бы огромный фактор нашей истории, свести к какому то мало влиятельному историческому эпизоду, как это чувствуется у С. Ф. Платонова, но это только исключения. Русский Восток, это совершенно очевидно, давно, длительно и тесно связан с русской историей и ее народом. В этом сплетении интересов, пониманий и навыков трудно даже установить, кто больше влиял и кто более поддавался влиянию; может быть, раньше главенствовало влияние Востока над нами, а в новые времена почти очевидно, что влияние над последним перешло к русскому народу. Задача трудная для решения, но ее не надо еще более осложнять придатными вопросами о злых или добрых влияниях, о ретроградирующем влиянии Востока, противоположном воздействии России и т. д., и т. д... все это вставки условные, делу не помогающие только страсти и излишние заблуждения.

Едва ли можно сомневаться, что Восток, близко и длительно связанный с судьбами русской истории, заимствовал из богатств русского народа огромную сумму культурных ценностей и навыков, а с другой стороны сам пропитал нашу народную массу и ее творчество сильнейшими влияниями; довольно, чтобы представить себе это с достаточной убедительностью, остановить свое внимание на особенностях русского языка, наших народных обычаев, на национальных чертах русского народа...

Эта органическая связанность русского мира с востоком заключает в себе обилие своеобразных особенностей, а рядом с этим немало культурных и практических ценностей. Россия, это во-первых физический и духовный мост между Европой и Азией; затем, близость к Востоку, врожденная и веками вскормленная способность понимания его и умения подойти к нему делают Россию крупным фактором при решении всяческих восточных вопросов вообще. Россия часто была

то авангардом, то арриергардом в минуты состязаний и борьбы Востока с Западом.

Но эта же сторона вопроса придает изучению Русского Востока ту особенность, что делает таковое зеркалом наших судеб и нашего русского миропонимания. Русский Восток это не только область идей, настроений и особенностей, лежащих вне нас и потому интересная только по каким то научно-объективным признакам. Нет. Это мир, нам близкий, родственный, это картина нас, самих, хотя бы как то измененная, может быть освещенная лучами иного солнца или приостановленная на тех ступенях развития, каковые уже давно миновал русский народ. И если решение крупных вопросов о существовании русского миропонимания о коренных особенностях русского народа, о тех или иных предположениях и попытках в области переустройства судеб русской истории является и с теоретической и с практической стороны роковым, насущным, упорно стучащимся в двери нашей умственной и нравственной пытливости, то какую огромную роль приобретает в этом случае Русский Восток, как близнец нашего всенародного уклада, как зеркало, хотя бы несовершенное,—нашего национального существа.

За эти последние года русский народ пережил несказанно много; мы лишены возможности говорить об этом спокойно, но если отойти от всяких условных масштабов оценки нами пережитого, а посмотреть на вещи, объективно трезвым взором мыслителя, то невольно задаешься вопросом: не ответила ли бы история и природа Востока на некоторые запросы, связанные с тем, что мы пережили и не имело ли бы смысла в той связи с Востоком, о которой я сейчас говорю, искать некоторых средств и помощи как к прогнозу будущего, так и к их текущему регулированию. Ведь в тех злобствующих ярлыках, которые Запад наклеивал на явления нашей революции и которые он сопрягает с особенностями азиатизма (*Socialismus asiaticus*) есть, помимо некоторой оскорбительной доли правды, также и предупредительное напоминание о нашем двойнике, который так решительно был забыт в наши бурные дни, а забывать которого в такие то дни пожалуй и не годилось бы.

Нет политики без известной прозорливости, нет широких общественных или государственных мероприятий без пророческого взгляда вперед, но такие заглядывания вперед требуют широты анализа, сложности учета и всесторонности соображений. И вот в этом то суммировании исходных данных видная роль должна принадлежать нашему Востоку и учету взаимоотношений между ним и всем нашим прошлым. Понятый правильно и углубленно, Русский Восток должен принести свою большую помощь при попытках опознать и провидеть будущее судеб России. Я не взялся бы конкретизировать или упрощать до какой-либо наглядности эту слишком общую и сложную мысль, но моему личному пониманию она рисуется довольно ясной, а все мною сказанное выше дает достаточный ключ для ее уразумения.

Я хочу теперь остановить ваше внимание еще на одной стороне Русского Востока, которая его содержанию придает несколько мистический и легендарный характер. Дело в том, что этот Восток на большой линии соприкосновения входит в связь с народами желтого мира, а главное, пожалуй, он сосед с Китаем. Как известно, мысль о дончине мира в обиходных сказаниях и верованиях русского на-

рода, иногда связывалась с каким то конечным под'емом Китая, который должен был покорить весь мир. В Средней Азии я также встречал это поверье. Я никогда не забуду, как в китайскую войну, наткнувшись случайно в Кажгарии на китайца, командовавшего конной дянзой, я лично мог удостовериться в том исключительном ужасе, который он внушал сопровождавшему меня киргизу... „Он ужасный“, повторял мой киргиз с перекошенными от страха глазами. И вот это убеждение в могуществе Китая, его конечном пробуждении и в покорении им затем всего мира, является, повидимому, поверием многих народов, распространенным на огромной площади Европы и Азии. Откуда оно, почему оно создано и так упорно держится, я не мог бы объяснить, но я несклонен ему удивляться, как и многим другим курьезам, сохраняющимся в тайниках народных дум и сказаний. Однако несколько странным я нахожу то обстоятельство, что указанное сказание о грядущем покорении мира Китаем, превращенное в более рефинированную форму „желтой опасности“, нашло себе доступ в интеллигентные и довольно широкие круги как Европы, так и России. Всеми миру известна картина Вильгельма, предупреждающая народы Европы и советующая им „блюсти свое достоинство“. Картинка стильная и не лишенная красот, но, к сожалению, эск-монарх Германии на своем веку столько говорил сильных слов и столько рисовал грандиозных образов, часто прикрашивая ими лишь свои политические, часто узкие и эгоистичные замыслы, что и пред лицом этой картины остаешься в недоумении: отражает ли она истинные мысли художника и единомыслящего с ним круга людей или это просто театральная жест политического Мефистофеля, скрывающего посторонние цели, а внутренне смеющегося над своим собственным жестом.

Более веры и внимания заслуживают мысли нашего философа Вл. Соловьева; эти мысли еще недавно многие из нас склонны были считать пророческими и находить в них печать глубокой прозорливости. Увы, время шло, пролетела над нами мировая война, как огромный корректив человеческих дум и заблуждений и как показатель будущего, и пророчества Вл. Соловьева мало по малу потускнели; ныне их может быть и забывают. Но как же теперь нам рисуется. Есть ли возможность, хотя бы и далекая, будущего надвижения на Европу желтых полчищ и оседание желтого мира на кладбище Европейской культуры. Конечно, как смотреть на все то, что переживаем сейчас мы и до некоторой степени Европа. Здесь равно возможны две гипотезы. Если переживаемое ныне есть начало какого то нового периода, новой зари человеческих устройств и достижений, то... желтая опасность отбегает сама собою, она не осуществима, так как разобьется о монолит нового и лучезарного человеческого общежития. Но если переживаемое есть не начало, а конец, умирание Европейской культуры, как умерли когда то Греко-Римский мир или еще раньше всемирные монархии Ближней Азии— а такая гипотеза далеко не досужая басня, то на образованную на обломках Европейского мира пустыню может покатиться та людская волна, знамя которой к этому моменту будет наиболее ярким, и упругость народных устремлений которой будет наиболее сильной. В этом случае возможна, конечно, и желтая волна народов.

Но если такая манера рассуждать в наше время реализма и искания экономической подоплеки может показаться слишком легендар-

ной и мистической, есть другая сфера наблюдений, где желтая опасность конкретизируется в более уловимые реальные формы. Последние наблюдения специалистов показывают, что китайская переселенческая и колонизаторская волна неудержимо ползет по Монголии и Манджурии в направлении к северу. Более ясное ее начало отмечается 1902-м годом. С тех пор до нынешнего года южную Монголию и Манджурию нужно считать потерянными для целого мира, а в частности для России. Политическая печать Америки так на это дело и смотрит. Она считает Дальний Восток ныне достоянием желтой расы и готова этот принцип распространительно толковать вплоть до формулы „Азия для азиатов“. Куда и с какой быстротой покатится дальше желтая волна, кто это скажет. Во всяком случае, ее угроза чувствуется уже у ворот Тибета. Во время мировой войны целый ряд китайских поселков охватил Туркестан (обобщая под названием Китайский и Русский) и вошел в непосредственное соприкосновение с Исламом, может быть, еще единственным борцом для сдерживания желтого напора.

Как бы то ни было, но за устойчивость и неустрашимость желтой волны говорит не один факт. Бытовая неприхотливость и дешевизна жизни делают китайца в области экономических состязаний, конечно, вне условий техники, непобедимым; биологическая конъюнктура также на его стороне. И если климатическая обстановка, до сих пор сдерживавшая китайскую массу на определенной территории, будет как то побеждена, то для желтой волны препон, видимо, не будет. „Народы Европы берегите свое достояние“.

Но под той или другой формой желтая угроза является значительно реальной темой и тем грядущим фактором, над которым надо про запас иметь то или иное решение. Несомненно, такие вопросы по своему содержанию и глубине необычно трудны для решения и почти непреодолимы в областях практического осуществления. Что можно предпринять против непреложности того или иного биологического закона. Но не так ли мы думали со времени Икара, обжегшего свои крылья о горячие лучи солнца, о возможностях завоевания нами воздуха. А теперь он в нашей власти и мы пользуемся летательными приборами, как наши предки нескладной почтовой каретой.

Во всяком случае Русский Восток есть первый буфер, смягчающий удар желтой волны о берега Белого Мира; он является первой дверью, в которую будет стучать желтый властелин, прежде чем вступит тяжелой ногою на поле Европейской культуры. Это обстоятельство придает Русскому Востоку провиденциальное значение и делает из него тему не только лишь русского, но и общемирового значения.

Мне остается коснуться еще одной стороны и моя тема будет кончена. Далекый кусок Русского Востока в политической литературе еще недавно носил название *Русского Дальнего Востока*; в него входили вост.-азиат. области России: Забайкальская, Амурская, Приамурская, Камчатская и Сахалинская. Сам этот Восток в свою очередь являлся слагаемым того более обширного понятия, называемого *Дальним Востоком*, в который входит часть восточ. Азии, занятая Китаем, Кореей, Японией и Индо-Китаем. Дальний Восток является накоплением людских масс, доходящим до 600 милл. (треть населения земного шара), и уже поэтому есть огромная политическая и экономическая величина. Но ее ценность усугубляется примыканием к водам

Тихого Океана, этого последнего и заключительного водного резервуара нашей планеты. Вам известна картина смены мировых резервуаров: сначала человеческая культура ютилась у Средиземного моря, затем оно было изжито и покинуто для Атлантического океана, в настоящее время борьба у этого океана тухнет и переносится к водам Тихого океана. Там народы зажгут факел их последнего состязания, там кто-то выйдет последним и мировым победителем. Такова красочная канва глубоко интересной Тихоокеанской проблемы.

В наши дни она получила пока особую форму. Япония, победоносной войной 1904—5 г. г. укрепившая свою политическую и военную мощь, а во время мировой войны достигшая исключительной экономической и финансовой силы, является теперь тою державой у вод Тихого океана, которая задается широкими великодержавными задачами: она стремится не только к господству на Дальнем Востоке, но и к господству над всей Азией; мало этого, страна Восходящего Солнца проявляет свои вождедения даже на оба побережья Великого Океана. Проникновение Японии в Калифорнию, Канаду, Южную Америку, Гавайские острова, вот ближайшие этапы ее размахистой политики, столь беспокоящие Америку и на которых последняя, по видимому, поставила уже крест. По крайней мере Америка ищет в предоставлении простора Японии на континенте Азии того исхода, который истомив и поглотив народную энергию Японии, может быть смягчит ее наступательный ход на западные края обеих Америк.

В настоящее время происходящее у берегов Тихого Океана можно назвать первой схваткой желтой и белой рас. Исход этой борьбы не ясен, но поведение Америки, устами своих политических мужей, уступчиво повторяющей фразу „Азия для азиатов“ и, как-будто, умивающей руки, не говорит о дружной работе членов белой семьи.

Не углубляя ваше внимание подробностями, отошлю интересующихся тихоокеанской проблемой к авторитетам вроде Weale'a, Millard'a, Willoughby, Aubert'a, S. Lee... Мне достаточно сказать, что еще недавно, являясь властителями русского Дальнего Востока, мы были не только зрителями, но и значительными участниками в завязывавшейся здесь борьбе; по крайней мере, по территориальным размерам мы стояли на втором месте после Китая и в этом отношении превосходили Нидерланды, Англию и Японию. Я не хочу быть пессимистом и не повторю за американскими политиками, что Дальний Восток потерян для нас и стал уже достоянием желтого мира. Я рассчитываю на силу русского народа и на быструю поправку наших дел на Дальнем Востоке, и с этой стороны только я говорю, что Русский Восток своим далеким концом вводит нас в кругооборот крупных грядущих событий. И к разгару борьбы у вод Тихого Океана мы должны быть не только мудрыми зрителями, но сильными и подготовленными участниками этой борьбы. Но это еще далекие перспективы.

Пока же среди других счастливых наций мы близко стоим к будущим районам мирового состязания и эта приближенность нашего Востока к этим районам усугубляет его значение, делает его содержание еще более крупным и тем самым придает русскому Востоку дополнительную политическую ценность.

Теперь несколько слов в заключение. Необъятное содержание Востока и новизна и свежесть тем, с ним связанным, едва ли могут вызвать сомнения.

Восток—огромная девственная нива, ждущая научных работников всех рангов и всех специальностей. К Русскому Востоку это приложимо в большей мере.

Но, приступая с исследованием к этой большой и поучительной теме, мы не должны забывать двух сторон дела.

Восток нужно изучать в связи с Западом, особенно в области культурно-социальных явлений. Старая поговорка „ex oriente lux“ особенно верна в том смысле, что Запад есть лишь надстройка над фундаментом, который заложен Востоком. Цифра, музыкальная гамма, письмо, учет времени, религия, право, собственность... весь сон нашей духовной жизни взят с Востока,—мы его верные и раболепные дети. Почему опознать Восток без связи с Западом трудно и неразумно.

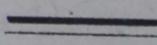
Затем, к Востоку нужно подходить строго научно, без европейского чванства, без высокомерия и предрассудков. Нужно отдать должное самобытности и своеобразности Востока и не прилагать к ним осудительного штемпеля; раз они не совпадают с европейскими шаблонами. Еще вопрос, кто разгадал загадку о человеческом счастье—Запад или Восток, кто более испил до дна чашу человеческих испытаний и горя.

Во всяком случае, искренний, лишенный заносчивости и эгоизма, объективно простой подход к явлениям Азии, к ее народу и природе, будет лучшим способом его познания и с точки зрения методологии, и в целях достижений... он будет и наиболее совершенен с общечеловеческой точки зрения.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
1. <i>Вл. Вл. Богданов.</i> Предисловие	3— 4
2. <i>Вл. Вл. Богданов.</i> Задачи краеведения и история краеведения в России	5— 13
3. <i>А. И. Полтевский.</i> Краеведение и политико-просветительная работа	14— 17
4. <i>С. В. Чефранов.</i> Краеведение и народное хозяйство	18— 22
5. <i>А. В. Бакушинский.</i> Искусство и краеведение	23— 29
6. <i>В. И. Галиев.</i> Охрана местной природы, как научная и общественная задача краеведения	30— 34
7. <i>А. А. Яхонтов.</i> Краеведение и школа	35— 43
8. <i>Б. С. Жуков.</i> Организация институтов и курсов по подготовке работников краеведения	44— 50
9. <i>А. Е. Ферсман.</i> Изучение производительных сил страны и деятельность Российской Академии Наук в этом направлении	51— 53
10. <i>С. А. Добров.</i> Геологические исследования в небольших районах и их краеведное значение	54— 57
11. <i>С. Г. Григорьев.</i> Значение установления растительных сообществ в деле изучения края	58— 64
12. <i>Г. А. Кожевников.</i> Районирование в зоологических наблюдениях и исследованиях, как одна из основных задач краеведения	65— 72
13. <i>Б. М. Житков.</i> Прикладная зоология в задачах краеведения	73— 77
14. <i>Н. Д. Поногайбо.</i> Агрономические учреждения на службе краеведения	78— 81
15. <i>С. И. Небольсин.</i> Местные метеорологические наблюдения в связи с задачами краеведения	82— 85
16. <i>А. А. Крубер.</i> Программа антропогеографических исследований края	86— 92
17. <i>Д. Н. Анучин.</i> Культура доисторического человека по отдельным районам России и ее изучение	93—100

18. Б. А. Куфтин. Важность и срочность собирания этнографических материалов для задач краеведения 101—108
19. Ю. М. Соколов. Материалы по народной словесности в общем масштабе краеведных работ 109—113
20. Д. Н. Ушаков. Изучение народных говоров силами работников по краеведению 114—117
- ✓ 21. М. М. Богословский. Областная история России, ее научное обоснование и современные задачи 118—124
22. Вл. Вл. Богданов. Культурно - исторические очерки отдельных районов, как результат накопления краеведных материалов“ 125—132
23. Н. А. Рыбников. О собирании биографий местных деятелей 133—137
24. Б. М. Городецкий. Библиография и краеведение 138—143
- ✓ 25. М. С. Вишневский. Выставка, как метод пропаганды идеи краеведения 144—150
- ✓ 26. Ю. М. Шокальский. Русский Север, как задача краеведного изучения 151—158
- ✓ 27. А. Е. Снесарев. Русский Восток, как задача краеведного изучения 159—171

1970 H.